

Андрей
Ломачинский

ВЫНОС МОЗГА

самая популярная книга рунета

Андрей Ломачинский

Вынос мозга

Рассказы судмедэксперта

Лекарство от рака

В конце 1970-х в городе Выборге жили-были два врача — доктор Райтсман и доктор Кузнецов. На чём специализировался доктор Райтсман, я забыл, а вот специализацию доктора Кузнецова я буду помнить до самых глубоких седин старческого маразма. Онколог он был. Причём если верить материалам того уголовного дела и документам, присланным на судебно-экспертную медицинскую оценку, то онкологом он был классным. Никаких диссертаций не писал, но в части практического лечения многих злокачественных заболеваний да и по теоретическим знаниям доктор Кузнецов запросто мог составить конкуренцию какому-нибудь периферийному профессору из областного мединститута. Коллеги о Кузнецове давали самые положительные отзывы: взятки не брал принципиально, специальную литературу читал тоннами, в консультациях не отказывал, а когда консультировал, то нос не задирает и был всегда профессионально честен — слов «этого я не знаю» не боялся. Добрый, по характеру уравновешенный, жизнью доволен, хороший семьянин, никаких психопатологических выходов за всю жизнь этого доктора не зарегистрировано. От пациентов отбоя не было, а сами пациенты и их родственники только гимны славы этому доктору пели — лучший критерий оценки любого врача. Одним словом, как тогда говорили, достойный советский человек.

Доктор Райтсман и доктор Кузнецов были близкими друзьями. Дружили семьями, прочно и долго. Дети в этих семьях друг друга с раннего детства знали, и отношения у них были как у близких родственников. Жёны ни одного праздника не помнили, чтобы порознь. Даже отпуска подгадывали так, чтобы отдыхать общей большой компанией. Да и увлечения у этих докторов были одни и те же — любили выходы на природу, особенно по грибы и на охоту на боровую дичь.

На здоровье друзья не жаловались, хоть оба смолили «Беломор» как сапожники. Ну и, разумеется, у обоих были хронические бронхиты заядлых курильщиков — периодически друзья выслушивали друг у друга свистящие хрипы в лёгких и шутили на тему сапожников без сапог. Такое наплевательское отношение к собственному здоровью было весьма распространено в интеллигентной провинциальной среде того времени.

И вот пришла семья Райтсманов в дом Кузнецовых встретить Новый год. «Советское шампанское» на столе, лучшие коньяки и деликатесы — не взятки, а знаки почтения от благодарных больных. По телевизору Брежнев поздравление отшамкал, часы бьют двенадцать. Все поднимают фужеры и пьют первый тост за наступивший. Улыбки, радость на лицах, предвкушение хорошего застолья. Но через минуту доктору Райтсману становится плохо — он бледнеет и бежит в туалет. Там его скручивает сильный желудочный спазм, а

минутой позже приходит облегчение в виде рвоты. Доктор Кузнецов без всяких церемоний открывает незапертую дверь, входит и смотрит в унитаз. Там свежеевыпитое шампанское с прожилкой крови. Новогодний вечер испорчен: рвота с кровью без причины — всегда тревога для онколога.

Без всяких церемоний Кузнецов заводит друга в спальню, просит раздеться и лечь на кровать. Пальцы привычно утопают в ставшей податливой передней брюшной стенке. Мнёт Кузнецов живот другу и становится всё серьёзней и серьёзней. Долго мнёт. Жёны за стол зовут, хватит, мол, с кем не бывает. Перестаньте, мужики, друг на друга страх нагонять. Идите коньячку по маленькой — всё как рукой снимет! Не слушает доктор Кузнецов, злой стал, орёт, чтоб не мешали. Пошёл периферийные лимфоузлы пальпировать, лезет в пах, давит под мышками и над ключицами. А в одной из надключичных ямок непонятный желвачок. Хватает стетоскоп и долго слушает лёгкие. Потом основательно выстукивает грудную клетку. И начинают дрожать пальцы у доктора Кузнецова... «Ладно, пошли к столу. Пить не советую, и кушай умеренно. Завтра с полудня ничего не есть, с шести вечера и жидкости не пить, а второго числа с самого утра ко мне в кабинет».

Второго января с утра первый раз в своей жизни доктор Кузнецов послал куда подальше своих плановых больных. Регистратура обозлилась, да высок был кузнецовский авторитет. Кому талончики переписали, кого, несмотря на протесты, к другим докторам направили, кого попросили подождать. Всё утро возился доктор со своим другом. Лично водил на рентген и в лабораторию. Принёс рентгенологу бутылку «Наполеона», давно стоявшую музейным экспонатом дома, а после разговора с завлабораторией оставил на столе коробку «Пиковой Дамы». Среди коллег такие вещи не популярны, сотрудники подарки принять отказываются — принцип «ты мне, я тебе» дороже. Отнесли подарки назад и отдали медсестре, что в кабинете у онколога сидела.

Наконец вернулся Кузнецов к себе в кабинет и сразу за телефон. На весь Выборг тогда единственный эндоскоп имелся. Эндоскоп — это такая штука, которой через рот в желудок залезть можно, посмотреть, что там творится, ну и биопсию взять, отщипнуть кусочек тканей на анализ под микроскопом. Звонит эндоскописту, просит немедленно приять больного Райтсмана. Эндоскопист тоже весь день скомкал, но раз уж сам Кузнецов просит, то будет сделано. Затем хирургу звонит: другу моему нужно срочно лимфоузел из надключичной ямки вырезать, опять же на гистологию. Затем патологу — ставь на уши всю свою патогистологическую лабораторию, а мои анализы в первую очередь! И тот согласен. Ещё просит несколько дополнительных стёклышек с прокрашенными тканями подготовить — для собственного изучения и если кому на консультацию послать придётся. И это будет сделано. Надо сказать, что доктор Кузнецов сам микроскопа не чурался. Стоял у него в кабинете отличный бинокляр, и стоял отнюдь не для мебели. Частенько Кузнецов у него просиживал, изучая сложные тканевые изменения с подозрением на малигнизацию.

Всё, что надо доктору Райтсману, сделали. Как никогда быстро все результаты легли на кузнецовский стол. Остался Кузнецов после работы, обложился атласами по онкологической патологии и стал смотреть препараты тканей своего друга. Сидел за микроскопом допоздна, иногда переводя глаза с микрополя на матовый яркий экран на стене, где висели многочисленные рентгеновские снимки больного Райтсмана. Опустила поликлиника, вот уже и дежурному терапевту пора уходить. Дождался Кузнецов, когда тот примет последнего больного, и заходит к нему в кабинет. Такой просьбы от Кузнецова никто из коллег не помнил, хотя то, о чём доктор попросил, считалось делом обычным. А попросил он для себя банальный больничный на три дня с диагнозом ОРЗ. Сказал честно, что в Ленинград смотаться надо — срочно и по личному. Друг Райтсман дома тоже на больничном маялся, но этому законно выписали открытый лист — без указания даты, когда на работу являться.

Собрал Кузнецов свои записи, все рентгенограммы, микропрепараты и другие анализы и принёс всё домой. Рано утром набил вторую сумку лучшим коньяком, сел в электричку и

покатил в Ленинград. Хотя и не занимался этот доктор наукой, но многих знакомых в научных кругах имел. Остановился на три дня у кого-то из них. За это время своей «болезни» успел пройтись по светилам онкологии из 1-го меда, зашёл на кафедру патанатомии в Сангиге, сходил к коллегам в Онкоцентре. Везде народ только недоумение выражает. Мол, ну чего ты к нам с такой элементарщиной припёрся? Ты ведь сам классный специалист, какие ещё у тебя могут быть сомнения? Задача для студентов-второкурсников — элементарная, типичная аденокарцинома! Злокачественная опухоль тканей желудка. А раз имеются метастазы в лёгких и по всем лимфоузлам, то и диагноз проще пареной репы — рак четвёртой стадии. Прогноз больного однозначный — сливайте воду, выходите в тамбур, приехали. Следующая остановка — кладбище. Никто ничем помочь не может. Поздно. Давно поздно. Слушает эти очевидные истины доктор Кузнецов, а у самого в глазах слёзы. Да всё было ясно и понятно, только ведь друг это — на чудо надежда была...

Здесь уместно сделать одно лирическое отступление. Точнее, не лирическое, а бульварно-популяризаторское. Пусть медики снисходительно улыбнутся, зато остальным понятнее будет. То, что рак — это клеточная мутация, все знают. Но это не совсем верно. Каждую секунду в нормальном человеческом организме происходит более двух миллионов изменений хромосомного аппарата, однако двумя миллионами раков в секунду мы не заболеваем. Большинство мутаций не опасны, и хромосомные поломки чинятся, не выходя из клеточного ядра, — есть специальные репарационные механизмы нашего генного аппарата клеток. Но некоторые мутации «прорываются», что, в общем, тоже не проблема. Иммунная система стоит на страже — такие клетки-изменники быстро отыскиваются лимфоцитами и моментально уничтожаются как предатели. Разные лимфоциты работают в нашей иммунной опричнине, есть там и высокоспециализированные следователи, и штатные палачи. Прямо так и называются: Т-киллеры, это научный термин, а не жаргон. Так вот, эти киллеры без других типов лимфоцитарных клеток беспомощны. Не видят они клетку-мутанта. А вот почему не видят — вопрос открытый. Если кто на него ответит — это Нобелевская премия в области медицины и золотой памятник при жизни от всего благодарного человечества.

Понятно теперь, почему рак — это не только и не столько мутация, сколько брешь в системе «свой-чужой»? Как только принял организм мутировавшую клетку за нормальную, та сразу начинает своё простое быдлярское дело — жрать, гадить, безудержно размножаться и ломать всё вокруг. На начальной стадии такую опухоль можно вырезать. Есть в онкохирургии одно святое правило: маленький рак — большая операция, большой рак — маленькая операция. Ну а на последней стадии, когда опухоль распространила метастазы, операция зачастую совершенно бесполезна. Так, кое-какая терапия может лишь слегка замедлить процесс — и не более. Хотя в виде редчайшего казуса в мировой практике имелись единичные наблюдения, когда иммунная система восстанавливала контроль над ситуацией и происходило самоизлечение от рака. «Единичные» и «в мировой» — это ключевые слова. Никто из обычных практикующих онкологов такого не наблюдал и на подобную казуистику ссылаться не любит. Шанс стать миллионером, играя в лотерею, во много раз выше, чем самоизлечение от рака.

Вернулся доктор Кузнецов из Ленинграда, взял дома немного спиртяшки и пошёл в гости к другу Райтсману. Несколько дубовая советская медицинская этика предписывала диагноз онкологического заболевания от самого больного скрывать, обнадёживая бедняг всякой лажей. Диагноз надлежало сообщать только ближайшим родственникам в строго конфиденциальной форме. Но Райтсман был друг и врач — не мог Кузнецов ему врать. Опять же впервые в жизни наплевал он на медицинскую этику. Разлил спиртик и на вопрос «А мне можно?» ответил прямо: «Тебе, брат, теперь всё можно. Неоперабельная аденокарцинома у тебя, друг ты мой милый. Новый год нам вместе уже не встретить, да и на охоту не сходить. Счёт, в лучшем случае, на месяцы. Приведи дела и душу в порядок, чему быть — того не миновать. Как друга мучить ни тебя, ни твою семью я не собираюсь — не будет ни радио-, ни химиотерапии. Не нравится — иди к другому специалисту. В твоём случае чем скорее, тем

лучше. Обезболивающих, транквилизаторов и любой другой дряни получишь столько, сколько захочешь. Одно дополнительное средство тебе лишь посоветую — пей побольше гранатового сока. Лечить не лечит, но слизистую слегка дубит, — по моим наблюдениям, лучшая добавка в диету при таких случаях».

Доктор Райтсман вздохнул и сказал, что обо всём догадался ещё на кузнецовской кровати в новогодний вечер. Поблагодарил за правду и дружеское участие. К ситуации отнёсся философски — хоть и был он евреем без иудаизма, но и марксистско-ленинскую философию не ценил. Пора — значит пора. Посмотрим, что лежит за чертой, откуда не возвращаются. Дети подросли, жена в торговле крутится — вытянет. Стал он спокойным и уравновешенным. Сам составил список препаратов, которые посчитал нужными, и моментально получил на всё кузнецовские красные рецепты со специальными печатями для доставки на дом. Позвал жену. Попросил не плакать, всё ей рассказал и велел весь Выборгпродторг перерыть и притащить домой десять ящиков гранатового сока. Напоследок обнял по-братски доктора Кузнецова и попросил к нему больше не заходить, пока сам не позовёт. А позовёт, когда боли нестерпимыми станут. А пока не стали — отложит доктор все дела, прочитает то, что не дочитал, простит тех, кого не простил, а между делами займётся обычным созерцанием окружающей реальности, наблюдать которую осталось недолго. Поэтому такая вот дружеская просьба — не беспокоить. Других знакомых доктор Райтсман собирался оповестить позже. Выпили друзья по прощальному стопарику, и ушёл доктор Кузнецов домой. А дома впервые со студенческих лет нажрался вдрабадан.

Проходят месяцы. Доктор Райтсман не звонит. Мадам Кузнецова как-то пыталась набрать номер Райтсманов, за что получала по рукам от мужа, никогда подобного себе не позволявшего. Желание друга было святым. Подошла осень, охотничий сезон в разгаре. В лесу красота, заветные места лежат под жёлто-красным одеялом. Только без друга не тянет больше Кузнецова на охоту...

Вдруг в ночь с пятницы на субботу звонит Райтсман. На охоту зовёт. Вроде как вчера с Кузнецовым расстался. Ну, у онколога сразу только одна мысль в голове — всё, метастазы в мозгу, бред начался. Осторожно начинает выяснять состояние больного. Райтсман в ответ смеется бодрым голосом: «Да нормальное состояние. Курить бросил, по утрам бегаю, вчера только из лесу вернулся, хорошие места нашёл, где дичи много, а охотников мало. Поехали, не пожалеешь! Болей давно нет, бредом не страдаю. Короче, садись набивать патронташ, а утром ко мне».

Не верит Кузнецов, но всё же собирается на охоту. Если с другом плохо, как его семье врать и извиняться, что зашёл навестить не вовремя, да ещё в дурацкой охотничьей экипировке?

Утро. Как много раз до этого, стоит Кузнецов перед квартирой друга. Звонить нельзя — давнишний уговор: родственников не будить. Дверь должна быть не заперта. Точно, не заперта. В прихожей свет. На тумбочке сидит довольный Райтсман и натягивает сапоги. Рядом ружьё и рюкзачок. Палец к губам — не шуми, все спят. Друзья выходят на лестницу. Райтсман запирает дверь и быстро сбегает на улицу. За ним ничего не понимающий Кузнецов. Поведение абсолютно нормальное, в смысле абсолютно странное — поведение здорового сорокалетнего мужика в отличной физической форме. «На электричку опаздываем, давай бегом». У курящего Кузнецова одышка, у некурящего и бегающего по утрам Райтсмана — нет. Сели в электричку.

— Всё, Райтсман, хватит загадок — рассказывай всё подробно. Что делал и как себя чувствуешь?

— Чувствую себя прекрасно, а что делал... Что ты сказал, то и делал. Ничего не делал, гранатовый сок пил!

Нужная остановка. Друзья идут в лес. Хорошее место Райтсман нашёл — рябчик есть. Дождь доктор Кузнецов первого дуплета доктора Райтсмана, подошёл к другу вплотную и разрядил свой двенадцатый калибр ему в область сердца. Потом достал охотничий нож, труп раздел и провёл профессиональное вскрытие с полным извлечением органокомплекса от языка до ануса. Только череп вскрыл непрофессионально — циркулярной пилы не было. Пришлось топориком поработать. Правду говорил доктор Райтсман — рак рассосался!

После этого доктор Кузнецов разобрал своё и Райтсманово ружья, забрал патронташи, труп прикрыл плащом и хорошенько запомнил место. А дальше сел в электричку и поехал в город Выборг. В Выборге сразу пришёл в привокзальное отделение милиции, сдал ружья и рассказал всю историю...

Занималась бы этим делом только выборгская прокуратура, кабы его КГБ по особому статусу не провело. Местный следок по особо важным решил, что доктор Кузнецов открыл средство от рака — гранатовый сок. Ну и привлекла гэбуха Военно-медицинскую академию по полной секретной программе. Ведь если действительно всё дело в гранатовом соке, то государственный доход в чистой валюте с подобной разработки может и нефтяной переплюнуть! Делов-то — выделить действующее начало и запатентовать препарат. Судебка, патанатомия, фармакология, токсикология и куча других кафедр привлекались. Гранатовый сок подвергали всесторонним анализам — ничего специфического не обнаружили. По всему Союзу тонны гранатового сока в чистом виде были выданы онкологическим больным — тоже никакого эффекта. Тело Райтсмана основательно изучалось всеми возможными методиками. Нашли — зажившие рубцы от опухоли и метастазов. Не нашли — ни одной раковой клетки и причины исцеления.

Доктору Кузнецову прижизненного золотого памятника не воздвигнуто. По слухам, на суде он для себя попросил высшую меру и никаких прошений о помиловании не подавал.

Биологическая химера

Судмедэксперты, как видно по самому составу этого слова, — это медицинские эксперты для суда. Чаще всего им приходится разбирать дела криминальные, но иногда случается и гражданским тяжбам пособить. Особенно когда гражданские иски предъявляют друг к другу люди состоятельные, обложенные с обеих сторон кодлой дорогущих адвокатов. В этих случаях работа в основном идёт на адвокатскую экспертизу. Подвернулась такая шабашка — считай повезло! Ни тебе вскрытий, ни эксгумаций, ни следственного эксперимента — труд в основном лабораторно-кабинетный, не тяжёлый, а главное — хорошо оплачиваемый. Чем толще кошелек вовлечённых сторон, тем больше адвокаты выделяют на экспертизу — повторную, заключительную, альтернативную... Абы клиентские деньги тратить. Им же с этого тоже оплачиваемые часы набегает!

В тот раз гражданский иск был совсем неинтересный — по поводу банального развода. Отремела перестройка, развалился Союз нерушимый, и расцвела пышным цветом жизнь «новых русских». А у «новых русских», кроме картин на стенах и коньяка в баре, которые должны быть очень старыми, всё остальное должно быть исключительно новое. Жена тоже. Новая, молодая, модельно-показная. Однако старые жёны «новых русских» зачастую не были такими уж дурами и весьма лихо отпиливали от мужниного состояния довольно приличные куски. Причём при таких бракоразводных процессах адвокаты не просто старались поделить собственность, но и по максимуму выбить на содержание детей, не ограничиваясь алиментами. В ход шло всё «совместно нажитое» — движимость и недвижимость, паи и акции, целевые и депозитные счета в банках, контрактные сметы на образование, на отдых и

ещё много-много чего. И когда эти «мелочи» начинали зашкаливать за шесть нулей в твёрдой валюте, папочка частенько требовал подтверждения отцовства. А вот это уже по судмедэкспертной линии.

Раньше это делалось почти на глазок — доказывали по группам крови и резус-фактору. Выходили чахленькие вероятности, хорошо ещё если один к двадцати, а то ведь и один к трём бывало. Если говорить вульгарно-статистически, измени бывшая жена хоть с двадцатью мужиками — всё равно будет вероятно рождение такого ребёночка. То есть ребёночка чужого, но с такой же комбинацией главных эритроцитарных антигенов. Поэтому и анализы проводили не для подтверждения, а для исключения отцовства. С такой вероятностью ничего подтвердить нельзя.

К концу 70-х это безобразие поправили — понаоткрывали тонких различий в антигенах, установили аллельные закономерности их наследования, и вероятности отцовства стали выражаться в трёхзначных цифрах. Уже кое-что. В 80-х пришла мода на лейкоциты, на так называемую систему HLA (human leukocyte antigen), и вероятность отцовства подскочила ещё на порядок. А потом пришла эра ДНК-анализа. Здесь уже отпираться стало совсем бесполезно — стопроцентное подтверждение. Вероятность — один к куче квадриллионов, нули писать устанешь; за всю историю на планете всех людей в тысячи раз меньше жило, даже если австралопитеков пересчитать.

Риткины адвокаты, точнее, уже не Риткины, а Маргариты Петровны — старой жены «нового русского», понятное дело, работали под приличный процент с конечной суммы, которую удастся отсудить. Вроде как в долг пока, в таких случаях их контора — сама сострадательность, это же вам не нищего подростка от тюрьмы отмазывать. Там да, там деньги на бочку за каждое слово на суде, за каждую минутку независимого расследования, за каждую букву в документе. Здесь же риска никакого — папочка сейчас при нефти и газе, а значит, при любом исходе этого бракоразводного процесса ни экс-жена, ни куча её защитников голодными не останутся, даже если и по самому минимуму отхватить удастся. А вот на противоборствующей стороне наоборот — там новорусский папочка платит авансом за одностороннее спасение «совместно нажитого». И этот ни от результатов суда, ни от чумовой переплаты адвокатам тоже не обеднеет.

И вот приходит папиной стороне заключение генетической экспертизы на его родное чадо. Очень-очень странное заключение. Нет, его отцовство оно подтверждает безоговорочно. ОНО ИСКЛЮЧАЕТ МАТЕРИНСТВО!!! Вот если бы и материнство, и отцовство исключалось одновременно — проблем бы никаких не было: ребёночка подменила в роддоме пьяная акушерка, хороший сюжет для мексиканского сериала или индийского фильма. Вообще-то на судах таких детей однозначно приравнивают к законнорожденным по факту полноценного пребывания в семье со всеми вытекающими отсюда правами. Но ведь здесь же получается абсолютно абсурдная картина — получается, что папочка гульнул на стороне, любовница залетела, притом в один день с женой, каким-то образом проникла в роддом и там с какой-то радости подменила ребёнка. Нет, есть конечно, и более разумное объяснение: ребёнок «сделан в пробирке» из папочкиной спермы и донорской яйцеклетки.

Да только не делали такого в СССР! Во всяком случае, не делали жёнам мелких и бедных комсомольских работников, коим был в ту пору наш мультимиллионер. Да и не сдавал муженёк никуда свою сперму! Не было никакого искусственного осеменения и быть не могло. И с любовницами тогда он не спал — он тогда вообще был честный и правильный, такой аморалки допустить не мог!

Ко всему ещё один интересный факт вырисовывается: то, что мать — мать, это ясно, но участки материнской ДНК при этом не совсем чужие. То есть настоящая биологическая мать должна состоять в определенном родстве с разводимой женой. Возможные варианты — наиболее вероятно сестра (не близнец), менее вероятно двоюродная сестра или родная

тётка. Ещё родная бабушка такой матерью может быть. Но ведь по жизни отпадает всё! Бабушка умерла задолго до свадьбы, ни родных сестёр, ни тёток в роду нет, а двоюродные сёстры в ту пору ещё в детский сад ходили — из таких годную для оплодотворения яйцеклетку не взять.

Получив такой результат, адвокаты отцовской стороны посоветовали не торопиться. Это же самый прекрасный, самый желанный вывод — мамаша не мамаша, а при этом требует себе чужого ребёнка от законного папочки! Ух какая негодная! На каких основаниях, спрашивается? Вот, пожалуйста, настоящий отец, ему чадно и принадлежит. А вы, гражданочка-вымогательница, катитесь отсюда. Генетическая экспертиза подтвердила! Тут ошибок не бывает.

Узнав о таком повороте дела, Маргарита Петровна едва не двинулась рассудком. Как я не мать?! Да за какую дуру вы меня держите? Адвокаты советуют доказать факт искусственной вниутриматочной имплантации оплодотворённой яйцеклетки... Что за муть! Какая имплантация? Да дело было на обычной раскладушке у родителей на даче! И роддом потом был. И ребёнка не меняли — вон, она родинку увидела, как только вытащили, так с первых секунд и запомнила. Чуть это всё. Мой ребёнок, и точка! Скорее всего, большую взятку сунули судмедэксперту, раз он такую ахинею написал. Срочно на встречную экспертизу. И разумеется, в другую лабораторию, в самую солидную! Вон, военным пошлите, их судмедэкспертная школа весьма котируется, они на одних только ДНК-опознанках собаку съели.

Приходит ответ. Такой же самый. Ну как же так? Наверное, плохо сделали анализ! На повторное тестирование! И повторное сделали. Результат не изменился. Наверное, муженькова мафия и там всё скупила — везде подлоги, отовсюду сфабрикованные результаты шлют.

Нашли дурочку! Платите, платите свои взятки, а мы тестирование за границей проведём. Да не где-нибудь в захолустье, а в Кембридже! Старейший английский университет — всему миру авторитет, там взяток не берут. Пока чадно не отобрали, Маргарита Петровна срочно берёт билеты на самолёт и вдвоём с сынулей прямым рейсом в Лондон. Некогда, сынок, достопримечательностями любоваться, когда ближайший поезд на Кембридж? Так, адвокаты уже созвонились — забор материала будет засвидетельствован русскоговорящим нотариусом и заснят на видео. Плюс формальный протокол лаборатории. Всё в полном соответствии с международным правом — комар носа не подточит. Ну вот и всё, теперь спокойно посмотрим Тауэр, послушаем Биг-Бен, пройдемся по Даунинг-стрит, потаращимся на красных солдат в здоровых мохнатых шапках — и домой.

Вскоре приходит из Кембриджа здоровый пакет. Куча компьютерных графиков с непонятными пиками, куча сканогамм с тенями, сделанных непосредственно с фerezных плёнок и заключение: «Женщина, сдавшая свой биологический материал как мать, матерью не является, однако состоит в близком родстве с настоящей матерью — скорее всего родная сестра. Таким образом, данная женщина является тётей тестированного ребёнка».

Опять двадцать пять... Маргарита Петровна в слезах. Значит, муж на полных основаниях сможет отобрать у матери сына! Да пусть он подавится своими миллионами — ничего мне не надо. Пусть только дитя оставит. Зачем ему сын? У него сейчас другие забавы, другой стиль жизни, всё равно времени на ребёнка не будет. Да ведь и лучше же ребёнку оставаться с матерью. С родной матерью!

Именно этой драмы дожидались муженьковы адвокаты. Не верили они, что такое случится и что им так повезёт с ДНК-анализом, а тут — нате. Вот пруха! Ведь любящая мамаша за ребёнка откажется и от своей законной доли собственности! Ничего такой мамочке можно не отдавать. А вот Риткины адвокаты, источая ругательства, как-то сразу испарились. Ну, раз

мамани ничего, то и им соответственно ничего. Зря работали, лоханулись по полной. И осталась бывшая без пяти минут миллионерша одна. Уже без миллионов да считай вообще без денег. Правда, в обмен на её бессребрничество без пяти минут бывший муж устно пообещал у неё сына не забирать, а как подрастёт, то и на учёбу что-нибудь подкинуть... Его б слова да Богу в уши. Особых надежд нет — уж слишком сильно разругались. Тут даже не в жадности дело.

Рите захотелось., даже не справедливости — похоже, правды уже не сыскать. Захотелось просто разобраться. Ну ведь мать же я! Почему тест врёт? Чёрт с ним, с последним судом, — судья заседание перенёс аж на два месяца, якобы давая время истцам со стороны матери на сбор дополнительных доказательств. Издевается... Нет даже твёрдой уверенности, что муж ребёнка не заберёт. Теперь только рыпнись — до совершеннолетия сына будет меня этим шантажировать. А променять ребёнка на деньги... Это продать получается. Настоящая мать детьми не торгует.

Взгляд случайно упал на толстенную пузатую папку, оставленную на столе последним ретировавшимся адвокатом. Для продолжения дела теперь они требуют оплаты всех предыдущих расходов. А где ж Ритке в её положении столько денег набрать — муженёк давным-давно все совместные счета обнулil, а кредитки заблокировал. Что оставалось в заначке, съели последние метания. Денег совсем нет. Даже машину не продать — она ведь оформлена на чужое имя, у мужа всё так. В денежных делах он страховаться мастер. Маргарита бесцельно взяла в руки тяжеленный фолиант. Документов было так много, что вычурные застёжки на кожаных хлястиках уже не держали. Добрая треть листов выскользнула и разлетелась по полу громадным веером. Рита вздохнула, размазала слёзы и опустилась на колени собирать бумаги. В папку она их складывала как попало, не читая.

И вот остался последний листок. Он улетел дальше остальных, под стол. Маргарита откинула скатерть и, кряхтя, полезла за ним. То ли от того, что документ оказался последним, то ли от того, что его дольше остальных пришлось ей держать в руках, — но она его прочитала. Совершенно пустая, ничего не значащая бумажка — реквизиты центральной военной лаборатории судмедэкспертизы, где проводилось сравнительное исследование ДНК по просьбе её адвокатов. Рита прочитала на бланке телефонный номер и фамилию эксперта, проводившего исследование, а потом потянулась к телефону.

До эксперта она дозвонилась сразу, но доверительного разговора долго не получалось. Вначале тот даже не хотел ничего слушать. «Дамочка, да чего вы, в самом деле, хотите? Мы делали, англичане делали, ещё кто-то делал... всё сходится!» Тогда Рита спросила его с другой стороны — а знает ли он случаи, когда ДНК-тест врёт? Только так, чтобы не из-за лаборантской ошибки, а по каким-нибудь научным законам. Да, оказывается, есть такое явление! Биологический химеризм. Явление редкое, больше всего таких химер нашли в Штатах — они там ДНК-тесты по любому поводу проводить любят, а ещё там людская популяция слишком разношёрстая. Химеризм легче всего заметить при разнорасовых браках. Тогда он может проявляться как так называемый шахматный рисунок кожи — целые сегменты могут быть белее или чернее, причём разная кожа образует ровные квадраты с центральной симметрией.

Получается это от неизвестного процесса. Иногда в матке, а может даже ещё в маточной трубе, сливаются два зародыша в «возрасте» всего нескольких клеток, причём состоящие из разного генетического материала. В норме такие зародыши дадут двух разнояйцовых близнецов, а слившись, сформируют только один организм, но с двумя разными ДНК. Наиболее известны три случая. Самый нашумевший — это случай так называемого «техасского ребёнка», где правая половинка была девочкой-мулаткой, а левая — мальчиком-негритёнком. Настоящий пример истинного гермафродитизма с генетически обусловленным развитием как первичных, так и вторичных половых признаков обоих полов в одном теле. Потом, правда, этого ребёнка всё же хирургически в мальчика переделали.

Второй случай — это случай учительницы Киган, где клетки обоих генотипов оказались более-менее пере мешанными, и эта женщина рожала попеременно детей от «двух разных матерей». Третий случай «воровства детей» Лидии Фэарчайлд — у той женщины генетически чужеродными оказались одни яичники, что невероятно осложнило дело. У бедной женщины государство чуть не позабирало её собственных детей, обвинив Лидию в подделке документов на получение социального пособия (что ещё можно терпеть) и в киднеппинге, за что можно было сесть пожизненно!

Как проверить на химеризм? Да просто, если есть деньги. Тестов много придётся сделать. В крови ничего инородного не нашли, так это нормально — кровь из одной стволовой клетки развивается, там вероятность смешения небольшая. Надо теперь проверить слизистую рта, влагалища и заднего прохода, а потом надёргать волос из разных частей тела и проверять их по отдельности. Анализов пятнадцать минимум. Будет желание платить — приезжайте!

Денег Рита наскребла всего на четыре теста. Решили проверить слизистые рта и влагалища, а также лобковые волосы и волосы с самой макушки головы. И тут пришла удача буквально в первом анализе! ДНК слизистой рта была абсолютно аналогична ДНК крови, за одним маленьким исключением. Если бы эксперт, не зная подоплёки исследования, глянул на пики сканогаммы, то его заключение было бы однозначным — данный образец контаминирован! То есть засорён в минимальных количествах ДНК постороннего человека. Наряду с главными пиками на графиках появлялись малюсенькие вторичные пики «грязи», или второго донора-контрибьютора, если говорить тем языком, что используется для доказательства изнасилований. Только этот «вторичный донор» полностью укладывался в профиль настоящей генетической матери Риткиного ребёнка! Значит, в слизистой рта у неё уже есть клетки со вторым генетическим набором.

Волосы с макушки головы были абсолютно идентичны ДНК крови Маргариты, а вот волосы с лобка безоговорочно принадлежали матери её ребёнка. Ещё интересней получилась генетическая картина мазка слизистой влагалища, — и общем, она отражала картину слизистой рта, но с точностью до наоборот! Главным контрибьютором там выступила мать ребёнка, а то, что до этого считалось Риткой, вышло в форме «вторичного загрязнения».

Когда Рита положила перед адвокатами свои собственные изыскания, у тех снова глаза загорелись азартным блеском. Как же, как же, неопровержимые доказательства материнства. Блеска совести или вины перед клиентом за бездарно проигранные дела там не возникает — у хорошего адвоката такие чувства достаточно быстро атрофируются в процессе профессиональной деятельности. Профпатология такая, что попишешь, вредное производство...

После «распила» всего «совместно нажитого» и Ритке, и ребёнку её, и всей этой кодле изрядно денег перепало. Тому, что мать оказалась матерью, один новорусский папаша был не рад. Хотя уж кому-кому об этом не знать!

Голубая Эмма

Однажды в Клинику общей хирургии «скорая» привезла бабулю интеллигентного вида. Седенькая и сероглазая, в ней ничего не выдавало еврейку. Почти ничего. Кроме, конечно, имени. Эмма Аароновна Зин... э-э-э... Зингельшмуллер, если не ошибаюсь, — уж очень длинная фамилия. И ещё — у неё была татуировка на руке. Расплывшийся от времени неровный многозначный номер, страшная отметина фашистских лагерей смерти.

Бабушка корчилась от острой боли в животе, но татуировка настолько заинтриговала врача,

что тот нарушил классический порядок опроса больного и первым вопросом спросил, откуда у неё эти цифирки. Оказалось, из самого знаменитого места — из экстерминационного лагеря Аушвиц. Старший лейтенант Барашков аж подпрыгнул от любопытства. Не часто встретишь выжившего узника... Но тут подошёл профессор, и зелёному адъютанту Барашкову пришлось унять свою любознательность. «Итак, Эмма Ааароновна, когда заболело, где и как, что принимали, чем хворали?»

Старлей принялся старательно мять ей живот, проверять симптомы. Классическим аппендицитом назвать нельзя, но всё равно похоже. Боль в спину отдаёт — наверное, забрюшинный или ретроцекальный...

Одна только странность в анамнезе: бабка утверждала, что подобные боли, только не такие сильные, периодически беспокоят её лет сорок.

Тогда Барашков такому странному факту никакого значения не придавал. У бабки небось склероз, вот и считает любую случавшуюся боль в животе «такой же». Без шуток — сорокалетних хронических аппендицитов не бывает.

Так, с диагнозом понятно, экспресс-анализ крови пришёл, можно докладывать профессору. Профессор выслушал адъютанта и со всем согласился. Раз там ничего особенного, давай-ка, молодой человек, сам делай операцию. Случай учебный, великого опыта не требует.

Старший лейтенант моется, берёт в ассистенты кого-то из старшекурсников и становится к столу. Учитывая возраст пациентки, решают оперировать под общим обезболиванием. Подошёл анестезиолог, минутка — и бабушка в наркозе. Ну, с Богом, начали!

Когда вскрыли брюшную полость, первое, что удивило старлея, — это нормальный отросток. Из тех, что на жаргоне «синими» называют. Никакие они не синие, а нормальные, бледные, без малейших признаков воспаления. И лежал такой отросток не ретроцекально, а открыто. Бери — не хочу. Барашков уже хотел его вырезать, так, на всякий случай, чтобы хоть как-то оправдать операцию, но тут его внимание привлекло нечто непонятное. Там, где слепая кишка прилегает к брюшной стенке, была заметна некоторая припухлость. Эх, жаль разрез маленький! Не зря говорят, большой хирург — большой разрез. А мы пока мелковатые...

Тут старлей вспомнил, что для ассистента он ведущий хирург, смутился и принялся учить: «Смотрите, слушатель, там, похоже, какой-то желвак. Поэтому не будем гнать лошадей. Не зря бабка сорок лет на боли в этом месте жаловалась. Там, за слепой кишкой, скорее всего, сидит набухший лимфоузел. А может, и опухоль... Короче, рассечём этот бугорок, возьмём кусочек для патанатомов — пусть злокачественное новообразование исключат».

Ассистент придавил слепую кишку, и за ней сразу проступило нечто компактное, твёрдое и «холодное». «Холодное» не на ощупь. На ощупь оно такое же тёплое, как и всё внутри живота. На хирургическом жаргоне «холодным» называют то, что не имеет признаков острого воспаления. Барашков смело чиркнул по инфильтрату скальпелем. Скальпель упёрся во что-то, потом соскочил с лёгким скрежетом, как железом по стеклу. Старлей удивлённо хмыкнул. Ранка практически не кровила — стенки действительно оказались склерозированными, словно старый рубец. Похоже, что злокачественной опухолью здесь и не пахло — у них рост обычно инвазивный, въедливый, опухоль буквально прорастает в окружающие ткани. Ободрившийся Барашков отступил на сантиметр и небольшим полукруглым разрезом обошёл непонятный инфильтрат. Потом засунул в разрез палец, подобрался под этот комочек и буквально вылутил нечто размером с грецкий орех. Вот так легко и просто! Всё же большой хирург из Барашкова вполне может получиться...

— Ого, какая твёрдая! Фиброма, должно быть. В любом случае, опухоль доброкачественная, — сказал довольный старлей, держа находку на ладони.

Операционная медсестра подставила эмалированную плошку, и Барашков небрежно стряхнул в неё красный шарик.

— А чего оно такое... скрипучее? — поинтересовался ассистент.

Барашков хмыкнул: «Кто его знает! Небось кальций... Разрежем — увидим. Только не сейчас, после операции. Вдруг там какой инфекционный очажок? Не охота бабуле брюхо бактериями обсеменять».

Адъюнкт, насколько позволял боковой разрез, осмотрел брюшную полость, но ничего подозрительного больше не нашёл. Пора ушивать. Операцию закончили быстро. Больную переложили со стола на каталку и повезли в послеоперационное отделение.

Теперь надо всё описать в истории болезни, а чтобы описание было полным, неплохо бы изучить находку. Барашков принёс в ординаторскую баночку с консервантом и плошку. Уселся поудобней за стол и попытался рассечь непонятное образование ровно пополам. Опухоль со скрежетом выскользнула из-под лезвия в сторону. Старлей удивлённо взглянул на скальпель. Остро отточенная кромка затупилась, чуть погнувшись в виде небольшой зазубрины. Тогда адъюнкт взял комочек двумя пальцами и легонько сдавил. Из него прыснула капелька гноя, а следом со звоном выпрыгнул небольшой объект правильной конической формы. Ничего не понимающий доктор погонял эту круглую пирамидку по плошке скальпелем. Та звенела, словно стекляшка. Тогда Барашков плеснул туда чуть консерванта. Раствор смыл кровь, и перед взглядом изумлённого доктора предстал красивый кристалл, прозрачный, но с выраженным голубоватым оттенком, при этом играющий на гранях всеми цветами радуги. Что это? Драгоценный камень? Да нет — крупноват для камня. Если только какой малоценный... Скорее всего, бижутерия, гранённая под бриллиант стекляшка.

Когда рассекли пустую склерозированную массу, там ничего интересного не оказалось — типичный старый рубец, просто со свежим воспалением. Молодец Барашков, что не стал такое резать в чистой операционной. Впрочем, скальпель-то он туда всё же тыкал!.. Надо бабушке срочно антибиотики назначить.

В общем, теперь понятна история этого инфильтрата. Когда-то бабка проглотила эту цацку. Скорее всего, случайно. Такая круглая штуковина обычно без помех проходит желудочно-кишечный тракт. Однако произошёл довольно редкий случай — в районе слепой кишки эта стекляшка стала. Возможно, роль сыграло индивидуальное анатомическое положение того места, где тонкий кишечник соединяется с толстым. Дело в том, что входит он туда сбоку, под прямым углом, и у Эммы Аароновны этот угол оказался весьма высоко. Образовался своеобразный слепой мешок, где твёрдый и тяжёлый предмет вполне может задержаться. Инородное тело давит на стенку кишечника, образуя там выемку — пролежень. Слепая кишка одной стороной прилежит к брюшной стенке, и стекляшка постепенно «вгрызлась» туда. Такие случаи известны и нередко заканчиваются плохо. У данной же больной обошлось — кишка зарубцевалась изнутри, запечатав объект в ретроцекальном пространстве. После воспалительного процесса образовалась рубцовая ткань. Но микробы всё равно попадали туда, время от времени вызывая воспаления. Это объясняло и периодические боли справа внизу живота, и образование толстой фиброзной капсулы вокруг инородного тела. Осталось только спросить, помнит ли сама больная, как она проглотила эту цацку.

Наутро Эмма Аароновна отошла от наркоза и чувствовала себя вполне нормально. Хотя чувствовать себя совсем нормально после того, как тебе отключали мозги и резали живот, довольно проблематично, поэтому Барашков записал в истории болезни: «Состояние удовлетворительное». А в ответ на закономерный вопрос «Доктор, что у меня там?» устроил маленький спектакль — демонстративно достал из разных карманов две баночки и помахал ими перед носом у своей пациентки. В одной склянке в жидкости плавал круглый шматочек

«мяса», весь в белёсых лохмотьях и с резаной дыркой. В другой же, в сухой, позванивая и сверкая, катался светло-голубой кристалл.

— Не узнаете?

Такой реакции пациентки адъюнкт не ожидал. Руки её затряслись, губы задрожали. Забыв про боль, Эмма Аароновна изо всех своих старушечьих сил вцепилась в барашковскую руку. Старлей хоть и был худощав, но весьма рослый и силой обладал порядочной.

— Тихо, тихо, тихо! Швы же разойдутся! — Он бережно уложил больную обратно на подушку и снял её дряблые старческие руки со своего запястья.

На глаза Эммы Аароновны навернулись слёзы:

— Доктор, пожалуйста, отдайте его мне! Ну, пожалуйста! Очень прошу вас, отдайте!

— Что именно?

Вместо ответа бабуля прикусила губу:

— Ну, это... Украшение... Отдайте, умоляю!

Видно, цацка очень дорога для бабули. Старлей принялся успокаивать её:

— Эмма Аароновна, да берите, конечно! Уж коль из вас вырезано, то вам и принадлежит. Хотя как учебный препарат эта стекляшка была бы намного ценнее для нас, чем...

Адъюнкт не успел договорить, как его челюсть опять отвисла от удивления. Бабулька схватила пузырёк и тут же вытрясла из него кристалл себе в рот! А потом, крепко сжав челюсти, уставилась на Барашкова испуганными глазами.

Опешивший старлей не знал что и сказать.

— Эмма Аароновна... Мы, это... Никто тут ничего не собирается... Да вытащите вы эту дрянь изо рта!

Не ровен час, опять проглотите, что тогда? Вторую операцию делать?!

Бабулька нехотя выплюнула кристаллик в свой сухонький кулачок и теперь смотрела на адъюнкта жалостливо, виновато и как-то совсем беззащитно. Потом она, как малый ребёнок, засунула руку под себя, словно всё ещё боялась, что молодой человек станет отнимать её драгоценность. А ведь вчера производила впечатление полностью психически здоровой, образованной женщины... Что за буря эмоций? Сомнений нет — момент проглатывания бабуса должна помнить отлично.

Чтобы успокоить больную, Барашков стал задавать типично медицинские вопросы о самочувствии, о газах, попросил дать другую руку, чтобы померить пульс. «Нормальность» стала постепенно возвращаться к Эмме Аароновне. Она переложила кристаллик в левую руку и хотя всё ещё держала его зажатым в кулачке, но под себя уже не прятала. Да и больно ведь это делать со свежей операционной раной!

Барашков аккуратно осмотрел её живот, бережно помял брюшную стенку в районе разреза. Похоже, обошлось без инфекционных осложнений, хотя рано ещё судить, денька три ещё подождать надо. По ходу дела он с подробностями рассказывал весь ход операции, как за слепой кишкой нашёл инфильтрат, что он думал и как извлёк находку. На лице больной напряжение и страх сменились выражением благодарности. Адъюнкт понял, что пациентка успокоилась и можно задавать вопросы.

— Всё же хотелось бы знать, как вы эту штуку проглотили? И вообще, мне хотелось бы вас порасспрашивать о...

Эмма Аароновна мягко прервала старлея:

— Молодой человек... Вы уж меня извините, но сейчас я вам ничего рассказать не могу. Знаете, эта стекляшка... Цена ей копейка, конечно. Копейка цена! Но память... Она мне дорога как реликвия. Как воспоминание о моей жизни, моей семье. Конечно, спасибо вам большое, по прощу вас... Мне хотелось бы отдохнуть.

Барашков хмыкнул и вышел из палаты.

После обеда адъюнкт снова осмотрел старушку. Бабуля пребывала в прекрасном настроении, и её удовлетворительное состояние стало ещё удовлетворительней. Свою блестяшку она по-прежнему держала в кулачке.

— Ну что ж, Эмма Аароновна, будем вас переводить из палаты интенсивной терапии в общую.

Когда санитар привёз каталку, бабка всё же не удержалась и опять положила кристалл в рот. Там она его и держала всё время, пока снова не оказалась на койке. И похоже, когда она спала, тоже держала его за щекой.

В послеоперационном блоке режим строгий, а в общие палаты уже пускают посетителей. В тот же вечер к Эмме Аароновне приехали сын и невестка. Лысеющий мужчина в тёмной замшевой куртке и подчёркнуто строго одетая женщина. Видать, семья с достатком, вон какие гостинцы матери привезли, а ещё свежий номер «Иностранной литературы» и томик стихов. Но бабку чтиво не интересовало. Она обняла сына, а потом наклонила его голову вплотную к своим губам и принялась что-то долго ему шептать. Слушая мать, сын с недоверием глядел в пустоту, а потом, не сдержавшись, громко воскликнул: «Не может быть!» В завершение рассказа бабуля что-то украдкой передала ему в руку. Всё ещё не веря услышанному, сын ошалело посмотрел на свою жену, а потом подал ей знак пройти к окну. Повернувшись к жене, он хотел было что-то ей показать, но вдруг заколебался и осмотрел палату.

Одна койка пустует — заправленная чистым бельём, дожидается нового пациента. Обитательница другой, молоденькая толстушка с каким-то пластиковым мешком сбоку, только что, кряхтя и постанывая, вышла в туалет. Соседка матери, крепкая сорокалетняя женщина, наверное из рабочих, увлечённо смотрит юмористическую передачу по маленькому переносному телевизору и, похоже, никакого интереса к их разговору не проявляет. Одна мать неодобрительно качает головой.

Мужчина взял ладонь жены и положил туда синеватый кристалл, что передала ему мать. Вечерний мягкий свет скрадывал игру цветов на гранях. Женщина без всякого благоговения равнодушно смотрела на безделушку. Потом она нахмурилась, взяла её и, будто желая убедиться в каких-то своих догадках, провела гранью по стеклу. Раздался скрежет, как от стеклореза, и на окне осталась царапина.

— Невероятно...

Это совершенно не понравилось бабушке Эмме:

— Домой идите! И чтобы ни слова. Нигде и никогда! Поняли?

Сын и невестка понимающе закивали, потом принялись по очереди целовать мать и, бормоча пожелания скорейшего выздоровления, быстро удалились. У Эммы Аароновны от волнения разболелось сердце и закружилась голова. Она дотянулась до кнопки вызова медсестры.

Хоть корвалолу, что ли, попросить... Вскоре появилась сестричка, померила давление, посчитала пульс и вызвала дежурного терапевта. Похоже, нервы у бабульки порядочно разбуянились за сегодня. Капельками тут не обойдешься, пришлось назначать инъекцию. Укол подействовал, и ночь прошла благополучно.

Утром следующего дня адъюнкт Барашков сидел за историей болезни Эммы Зингельшмуллер и всё никак не мог решить маленькую проблему — назначать бабке консультацию психиатра или повременить? Решил повременить, а вот если и сегодня она откажется ему свою историю рассказывать, вот тогда и позовём соответствующего специалиста. Его доклад на утренней конференции об извлечении инородного тела был выслушан с интересом, но особого ажиотажа среди сотрудников не вызвал. Больше всего сотрудников раздосадовало, что такое забавное инородное тело Барашков умудрился в первый же день отдать хозяйке, у которой абсолютно нет никакого желания рассказывать свою историю. Бабку навестили доцент с курсантской группой и сам профессор, но та им тоже ничего не сказала, сославшись на слабость и плохое самочувствие. Врёт ведь! Нормальное у неё самочувствие. Ну, пойдём послушаем, что бабушка скажет нам сегодня.

Нацепив очки и высоко подложив под плечи подушку, Эмма Аароновна читала в своей кровати «Иностранную литературу». Женщина рядом так же смотрела телевизор, правда, почти без звука. Впрочем, утром там всё равно ничего путёвого не было. Толстушка с пластиковым контейнером сосредоточенно вязала шарфик. Последняя кровать всё так же была пуста. Барашков поздоровался со всеми и прошёл в палату. Женщины, не отрываясь от вязанья и телевизора, буркнули себе под нос ответное приветствие. Похоже, по молодости адъюнкта его тут за большого специалиста не считали. Старлей присел на краешек бабулиной койки. Вообще-то дурной тон, следовало бы стульчик взять, но молодому доктору казалось, что таким образом он завоюет хоть капельку больше доверия этой скрытной бабцы.

А бабка оказалось вовсе не такой уж и скрытной. Она охотно отвечала на вопросы, а когда дело дошло до номера на её руке, то вообще рассказала интереснейшую историю. До революции её предки обитали в Санкт-Петербурге и, судя по всему, не бедствовали. Однако воспоминаний об этом времени у неё нет — родилась она сразу перед революцией. Помнит, что в НЭП их семья жила в просторной квартире и имела прислугу. Потом всё это ушло, как её отца забрали. Чтобы спастись от возможных репрессий, мать с дочкой уехали к каким-то далёким родственникам, что жили под Минском. Там же Эмма закончила школу, потом Минский политехнический институт. Училась она хорошо, осталась при кафедре, стала подумывать о диссертации. Но через два года началась война. А ей всего двадцать шесть...

Через неделю немцы уже стояли под Минском, а ещё через неделю начали забирать евреев. Тогда её не взяли по чистой случайности — она возвращалась домой, когда выводили мать. Та сделала вид, что дочь ей не знакома. Таким образом светленькая Эмма спаслась в первый раз. Находиться в Минске ей было нельзя, слишком много людей знали о её еврейском происхождении. Оставался только один выход — податься куда-нибудь в незнакомое село, сославшись на то, что родная хата сгорела. У колхозников ведь не было паспортов, а значит, это единственная возможность избежать проверки документов и соответственно установления национальности. И неизбежной смерти.

Минуя патрули и заставы, Эмма ушла из города в никуда. Обосновалась на маленьком хуторке, где пожилая белоруска стала выдавать её за свою племянницу Василину. Так прошёл ещё один год. Эмма привыкла к новому имени, привыкла к тому, что надо копать мерзлую землю на полях, искать прошлогоднюю гнилую картошку, а потом тереть её на деруны — этикие пахнущие гнилью оладьи. Руки загрубели, а говорить она старалась мало — боялась своего городского выговора, а с виду ведь селянка селянкой! Но вот немцы стали набирать местных для работы в Германии. Молодая Эмма-Василина попала туда. Её группу привезли под Гюнтерсблум, на юге Германии, и распределили как бесплатную рабсилу по

фермерским хозяйствам. Работа была вполне по силам — подвязывать виноградники, обрезать да убирать виноград, следить за птицей и свиньями. Симпатичная Эмма, и до Германии сносно знавшая немецкий, бюргерам нравилась, её не обижали и вполне сносно, а порою даже очень хорошо, кормили. Дожила она в Гюнтерсблуме аж до осени 1944 года, когда, на своё несчастье, встретилась со своей землячкой-одноклассницей. Видать, она-то и заложила Василину, что та Эмма Циммерман.

За Эммой приехало СС. Не помогли ни похвалы хозяина-бюргера, что, мол, очень хорошая работница, ни её собственные причитания, что случилась досадная ошибка. Эмму даже ни о чём не спрашивали. Офицер СС просто глянул на неё и бросил одно слово — юден! Потом её привезли на какую-то станцию там она и ещё человек сорок евреев долго стояли в тесном помещении. Подошёл поезд, и их стали запихивать в товарные вагоны, где и так уже было битком людей. Поезд пошел на восток. Через сутки прибыли на место назначения — Аушвиц. Это если по-немецки. Или в Освенцим, если по-польски. Музыка Вагнера из громкоговорителей, колючая проволока под напряжением и собаки за ней, часовые с пулемётами на смотровых вышках... А ещё труба и чёрный жирный дым.

Пожалуй, это конец. Но не сразу — Эмма была физически крепкой, поэтому её оставили для работ. Средняя продолжительность жизни таких «счастливчиков» меньше шести месяцев. Однако это были последние недели Освенцима — с востока по Польше продвигалась Красная Армия. Узники рассказывали, что порою видят в небе английские и америкаиские бомбардировщики, а соседний химический завод уже давно лежит в руинах. Но тут нечто важное нарушилось в немецкой педантичной машине. Если раньше баланды давалось немного, но регулярно, то сейчас кормить перестали совсем. А тут ещё Эмма заболела и... И спаслась второй раз! Случись такое всего неделей раньше, и она стопроцентно оказалась бы в газовой камере. Но сейчас камеры уже не работали — слышна была советская канонада. Не работал и крематорий — трупы пытались сжигать штабелями во рву, но и на такое не хватало ресурсов. Здоровых заключённых вначале гоняли заметать следы, однако это дело быстро оставили. Всех, кто мог идти, построили в колонны и погнали на запад — знаменитый «марш смерти», прочь от советских войск. Оставшихся — кого убили, а кого просто бросили умирать.

Несмотря на сильную дистрофию и болезнь, Эмма не умерла — подошла Красная Армия. Особой медицинской помощи не было. Наладили питание протёртым супом, потом организовали порционную выдачу хлеба и маргарина. Эмме и тут повезло вдвойне. Худая и страшная, она всё же сохранила намёки на свою первоначальную красоту. Солдаты её заметили и определили при медчасти, что развернулась неподалеку. Через месяц молодой организм окреп, и её отправили назад, в Россию. Привезли в специальный реабилитационный лагерь, где до этого лечились ленинградские блокадники. Там она ещё пробыла недели две, а потом вместе с последними ленинградцами снова оказалась в своём родном городе. Таком же, как она сама, — истерзанном, полностью истощённом, когда-то доведённом до крайности, но живом. В послеблокадном Ленинграде вновь закипала жизнь; также возвращалась жизнь и в душу Эммы. Она повстречала молодого фронтовика, тоже еврея. Жить в Питере под «репрессированной» фамилией Циммерман ей не хотелось, и она быстро стала никому не известной и труднопроизносимой Зингельшмуллер. Вот и вся жизнь.

Похоже, что бабуля сама была не прочь выговориться. Барашков поблагодарил её за интересный рассказ, но посетовал, что главного-то он не услышал.

— Так вы эту, м-м-м... реликвию с собой в концлагерь брали?

Оказалось, что да. И не только в концлагерь. Эта никчёмная побрякушка, стекляшка, цена которой, конечно же, копейка, просто как память досталась её отцу от деда. Мать уберегла её, когда отца взяли. С нею они не расставались никогда — хранили в своей бедной квартире в простенькой шкатулочке. Однако у этой бижутерии-стекляшки была неплохая оправа из

белого металла. «Нет, не из платины, что вы, откуда... Из серебра». Так вот, в тот день, когда собирали минских евреев, Эмма вытащила из неё дешёвую стекляшку, а саму оправу понесла менять на что-нибудь съестное. Получается, что так эта безделица в первый раз спасла ей жизнь. Саму же серединку она зашила в уголок ватника и тоже постоянно таскала с собой. Вроде как ничего не стоящий, но для неё бесценный семейный талисман-спаситель.

В этом ватнике она попала в Германию. Там ей жена бюргера отдала своё старое пальто, и Эмма перепрятала стекляшку под его подкладку. А уж когда её взяло СС как еврейку... Тут уже нигде не прячешь — там на проверках даже рот заставляли открывать, а блочницы-капо могли залезть вообще куда угодно. Но она постоянно держала свой талисман во рту. А когда подходил проверяющий, просто глотала его. В громаднейшем же лагерном туалете Эмма всегда садилась на краешек, где в жиденьких фекалиях найти свой амулет ей было просто. Она обтирала его, и тут же бирюлька снова отправлялась в рот. Да, рисковала, да, может, из-за этой дешёвой бижутерии подвергала себя неоправданному риску, но ведь это же талисман. И оказалось, талисман не подвёл! Под конец лагерного ада при очередной проверке Эмма проглотило стёклышко, а оно из неё не вышло. Напрасно Эмма обшарила каждый сантиметр этого грязного уголка в туалете. Напрасно проделала то же самое ещё много раз, надеясь, что её стекляшка где-то «заблудилась» или застряла. Голубенького кристалла не было. Она посчитала, что просто потеряла его, ведь порой надзирательницы-капо давали на оправку всего тридцать секунд. А потом она заболела... Как оказалось, это талисман образовал пролежень в её дистрофичной толстой кишке и тем самым спас ей жизнь во второй раз. Ведь из тех здоровых, кого погнали «маршем смерти» на запад, выжили максимум десятки из тысяч.

Барашков с сомнением покачал головой. Адъюнкт был закоренелый материалист, в судьбу и талисманы он не верил. Хотя тот факт, что голубенький амулетик спас бабкину жизнь дважды, внушал определённое уважение. Переваривая услышанное, адъюнкт бесцельно поглядел в другую сторону. Толстушка с пластмассовым мешком на боку сидела с открытым от удивления ртом. Похоже, её спицы неподвижно застыли ещё в самом начале бабкиного рассказа. В глазах молодой женщины стояли слёзы. Сорокалетняя «пролетарка», наоборот, казалось, ничего не слышала, полностью углубившись в утреннюю новостную программу.

— Эмма Аароновна, скажите, а где сейчас ваш талисман? Меня уж вся кафедра достала, спрашивают, почему я не принёс его на пятиминутку всем показать, а сразу вам отдал.

Бабке вопрос явно не понравился.

— Э-э-э... доктор, так сейчас-то мне в нём какой толк? Мне помирать скоро! Вон отдала родственникам... Э-э-э... Племянница в институт будет поступать, пусть ей эту безделицу передадут, поди, на экзаменах поможет!

Тут «работяга» впервые оторвалась от своего телевизора:

— Доктор, да не верьте вы ей! Врёт она внаглую!

В разговор тотчас же вступила толстушка с пластиком на боку:

— Ну зачем вы так говорите о пожилom человеке?! Она еврейка, и татуировка у неё, вон, из концлагеря... Всё сходится!

«Пролетарка» презрительно хмыкнула:

— Чё сходится? Да я не за её жизнь говорю-то! Брешет бабка, что стекляшку она глотала. Доктор, ты к окошку подойди. Посмотри, какую царапину ейная невестка на окне той стекляшкой оставила! Нашли дуру! Стекля-а-шка, гы-гы! Брильянт то. Небось рублёв пятьсот стоит, а то и все восемьсот. Поставь его в оправу, там в кулончик золотой или в кольцо, токо

штоб толстенькое, такое, знаешь, солидное, так и целу тыщу дадут! Нашли дуру, стекло-о-о! Гы-гы...

Пусть даже бабка врёт, а «пролетарка» права. Старший лейтенант медицинской службы, врач-хирург, кафедральный адъюнкт и будущий преподаватель Барашков получал двести восемьдесят рублей денежного довольствия. Это без дежурств. А так и за триста выходило. Врач на гражданке имел сто двадцать целковых, рабочий — рублей сто пятьдесят — двести. Пятьсот рублей, конечно, состоянием не являлись, да и тысяча тоже... Хотя деньги считались приличными — целый месячный оклад начальника его кафедры! Но нет, не стал бы он всё равно из-за такого жизнью рисковать.

Барашков напоследок быстренько прощупал у Эммы Аароновны живот и вышел из палаты. Больная поправляется, а химический состав инородного тела его больше не интересовал. Для него эта история закончилась.

Для меня она бы тоже закончилась, если бы не один случай. Я этот день хорошо помню — на завтра исполнялось ровно десять лет, как я прожил со своей женой. Втихую от неё поднакопил кое-каких денежек и решил сделать жене роскошный подарок — кольцо с бриллиантом. В чём в чём, а в камнях я совершенно не разбираюсь. Поехал в Санрайз-Молл. Цены везде такие, что закачаешься. Тут, смотрю, объявление висит: «New York Diamonds 50% off», магазин «Нью-йоркские бриллианты», скидка пятьдесят процентов. Это типа как «Одесская артель московские баранки» — «Нью-Йорк Даймондз» и в Техасе, и на Аляске есть. Я туда. Жене подарок выбрал, в бюджет почти уложился, довольный, коробочку в карман прячу и тут вижу — брошюрка на прилавке лежит. Такая бесплатная цветная книжонка на десяток страниц. Дай, думаю, возьму почитаю, что там люди бриллиантового бизнеса пишут. Интересного оказалось мало — краткий ликбез по критериям оценки камней, потом объявления о распродажах, какой-то каталог, а вот в конце несколько картинок крупных бриллиантов мировой известности.

Вообще-то именные камни живут всегда дольше людей. Они сменяют вереницы хозяев, листая наши судьбы, как страницы. Вот и у этого камня новая судьба. Интересная картинка с аукциона «Сотбис» — фотография красивого голубоватого алмаза старой классической огранки пирамидкой-«розой». Написано, что какой-то индус его себе прикупил. Король металлолома, что ли... Всего за шесть миллионов долларов.

А имя у этого бриллианта... «Голубая Эмма»!!! И подпись в полторы строки: «Этот бриллиант из семейной династии старых еврейских ювелиров, имеет драматическую историю, в частности, пережил холокост». Никакой больше конкретики. А больше и не надо — таких совпадений не бывает. Тут только одно случайное совпадение — шесть миллионов. Доллар на жизнь. Вот знал бы Барашков, что он тогда вырезал!

Борщ с пивом

Дело было в клинике факультетской хирургии. «Факультетка» специализировалась в основном на ургентной абдоминальной хирургии. Поясню, что это такое. Это когда в животе какая-то проблема, требующая немедленной операции. Ну там аппендицит, ущемлённая грыжа, или, например, когда камень в желчном пузыре отток желчи закупорил, та обратным ходом в кровь пошла, а сам пузырь вот-вот порвётся. На хирургическом жаргоне всё это называется «острый живот».

В Военно-медицинской академии (сокращённо ВМА) тогда имелись свои машины «скорой помощи», которые привозили «тематических» больных — вылавливали по всему городу

случаи, подпадающие под профильность клиник и необходимые для демонстрационных целей учебного процесса. Так вот, дежурный капитан-клинорд, который попал на этот вызов, буквально через минуту после осмотра больного позвонил назад в клинику, истерически требуя срочно прислать вторую машину со специальными носилками и четырёх курсантов ему в помощь. Срочно! Очень срочно, потому как остановлено движение поездов на Петроградской ветке метрополитена.

Михаил Александрович демонстрировал «острейший живот», хотя в бытовом понятии его живот был круглым, как воздушный шар, и зыбучим, как бархан.

Эта безмерная жёлтая масса заполнила почти весь проход в вагоне остановленного поезда метро. Там, если не считать доктора, больше никого не было, а тётеньки в форме и менты отгоняли зевак, столпившихся на перроне моментально переполнившейся станции. Сам Михаил Александрович уже не вставал, а вытащить его за руки и за ноги из вагона не могли, как и не смогли его уместить на обычные носилки, из тех, что имеются в медпункте каждой станции. Потому что при росте под метр восемьдесят вес Михаила Александровича приближался к трёмстам кило!

Михаил Александрович был домосед, любитель дивана, телевизора и книжек. Работал он дежурным электриком-цэпэушником, точнее, оператором центрального пульта управления (ЦПУ) на какой-то мудрёной подстанции. Из всех обязанностей ему вменялось главное — без усталости сидеть по двенадцать часов на стуле в помещении без окон перед громадным пультом с бесчисленными лампочками и, если где какая лампочка замигает или потухнет, немедленно вызвать туда дежурную бригаду. Сам Михал Александрович ничего не чинил. Оплата на этом месте была так себе, и туда никто не рвался — сидеть там было невероятно скучно, а смотреть телевизор строжайше запрещалось, поэтому дежурный электрик слушал радио и постоянно что-то жевал, чтобы скоротать время. А вот добираться на работу было без проблем — каждый день маленький автобус их подстанции, полугрузовая-полупассажирская дежурная «летучка» перед работой появлялась под окнами и услужливо сигналила, а после смены забирала Мишку домой. И не его одного — часто многих других электриков так развозили. Однако если остальных часто, то его — всегда. Народ-то понимал, как тяжело их коллеге приходится! Такая вот полулегальная услуга, своего рода доплата за скуку.

В этот день случилась беда. Впервые за долгие годы работы Александрович забыл свой «тормозок»! Здоровый свёрток с котлетами, отварной картошечкой, яйцами вкрутую, бутербродами, тремя пакетами молока, а также дюжиной конфеток и кучей бубликов-сухариков, заботливо приготовленный его женой ещё с вечера, так и остался лежать в холодильнике. Вместо него Мишка прихватил кулёк сухой алебастровой штукатурки, который обещал по случаю кому-то на работе. По инерции взял свёрток в руки и успокоился. Хлопнул дверью и потопал, тяжело отдуваясь, к лифту. Жил он на третьем этаже, но лифтом, сами понимаете, пользовался всегда. А про второй свёрток, где завтрак, он же ленч, обед и полдник, так и не вспомнил...

К середине смены, когда подошло время главного перекуса, муки голода превратились в настоящую пытку. Мишка обшарил все ящики в ЦПУ, но не нашёл там ничего, кроме несчастной замызганной карамельки. Смокча конфетку как можно нежнее и пытаясь растянуть удовольствие, он заглянул в мусорную корзину — вчера жена дала ему курицу, может, там остались кости... Но нет, уборщица уже успела всё выбросить. Ко дну прилипла маленькая скрученная шкурка от сала. Это уж точно ещё с прошлой недели. Конфетка слизалась окончательно, обдав язык прогорклым повидлом. Через секунду во рту стало совсем пусто. Мишка воровато огляделся — за открытыми дверями никого. Он запустил руку в мусорку, бережно отодрал сальную шкурку и быстро засунул её в рот. На приторный карамельный остаток горько наложился вкус сала. «Дурнэ як сало без хлиба» — вспомнилась ему тёщина поговорка, и тут же шкварочка соскользнула в пищевод. Голода эти находки не утолили, даже наоборот, разбудили какое-то неистовое урчание в кишках, отчего ему стало

совсем невыносимо. Мишка тщательно облизал конфетный фантик и, обречённо вздохнув, опустил его в мусор.

Вообще день этот оказался удручающе гадким. К концу смены прибыла дежурная бригада, радостно объявив, что у «летучки» движок дал клина и завтра им из Горэнерго срочно пришлют другую машину. А на сегодня вся работа отменяется. Мишкиному сменщику уже позвонили, из-за форс-мажора тот приперся на работу раньше и наконец отпустил голодного Саныча на все четыре стороны. Мишка запыхтел паровозом и быстро, насколько позволяла его комплекция, побрёл на выход. Вообще-то он ненавидел самостоятельные поездки по городу, да и в метро последний раз спускался, пожалуй, пару лет назад. На полпути до станции одышка взяла своё, и Александрыч тяжело опустился на лавочку в первом попавшемся сквере. Через минуту мимо проскочил паренёк, которому он приносил алебастр. Заметил Саныча, предложил зайти пропустить по маленькой. Чего ж не зайти! С удовольствием. Мишка, словно Винни-Пух-переросток, сглотнул слюну. В гости — это хорошо, благо идти всего до соседнего дома и пытки лестницей не будет — хата на первом этаже.

Но за заветной дверью вместо ожидаемых вкусных ароматов чего-нибудь жареного в нос ударил запах краски. К сожалению, жена у паренька уехала с детьми в отпуск, и тот временно холостяковал, занимаясь мелким квартирным ремонтом. Такая работа давала уважительную причину самому себе ничего не готовить — главным местом ремонта была кухня. Из всех припасов, что супруга наготовила перед отъездом, осталась одна здоровая кастрюля борща. А мужики — они ведь в таких ситуациях частенько становятся как дети: вначале съедят всё второе, потом пожрут колбасу, а первое стоит, пока не скиснет, коли никто им его не греет и на стол в тарелочке не подаёт. Короче, к кастрюле борща даже хлеба нет — единственную корочку пустили «па занюх» припрятанной чекушки водки. Хозяин увидел Мишкин голодный взгляд и подзадорил: «Мих-Саныч, да ты ешь, не стесняйся! Всё равно я этот борщ в унитаз вылью, пожалуй, он завтра уже скиснет. Выручай, чего добру пропадать!»

И Мишка ел. От пуза ел. Борщ был не густой, кислый, но, в общем-то, вкусный. Кастрюля быстро пустела. Его коллега смотрел на такое чудо и только ахал от восторга, подзадоривая его. Наконец голод отступил, Мих-Саныч наелся. Благодарный хозяин вызвался проводить Мишку до метро. Побрели неспешно, чинно, Вот уж и станция. А на пятак перед ней — ларёк, пиво на разлив. Ну, давай на прощание по кружечке. По кружечке не вышло, вышло не то по пять, не то по шесть, а может, и побольше, кто их там считал. Рядом с «точкой» туалет, нужда не мучает. Простояли до закрытия — белые питерские ночи незаметно крадут вечернее время.

Наконец распрощались. Мишка поджал левой рукой живот и кое-как запустил правую руку в брючный карман. Облавливаемая со всех сторон складками жира, рука нащупала мелочь. Фух, вот он — долгожданный пятак. Протискиваться через хищные створки Александрыч не любил. Он опустил монетку в крайний турникет, пропыхтел мимо контролёра, где проход шире, и осторожно стал на эскалатор, надёжно перегородив его для всех желающих сбежать вниз. Осталось самое страшное — сойти с эскалатора. Он завистливо посмотрел на стайку молодых студентов, весело прыгающих через «гребёнку» где-то впереди. Опасная черта всё ближе и ближе. Мишка сконцентрировался и сделал критический шаг. Тело закачалось, но ничего, не упал, не потерял равновесия. Слава богу, пронесло. Заранее подгадав место, где остановится вагон, из которого ему будет ближе всего выходить на своей станции, Мишка остановился, невольно морщась от удивлённых взглядов прохожих, — его фигура явно привлекала внимание. Впрочем, народу на станции было немного, а вскоре подошёл поезд, в котором тоже полно пустых мест. Вот и проделана самая сложная часть его сегодняшнего вынужденного путешествия. Мих-Саныч уже успел пропотеть, словно на него вылили ведро воды. Он вздохнул с облегчением, прошёл в вагон и, предчувствуя, как прохладный дерматин коснётся его липкой спины, с наслаждением плюхнулся на сиденье.

Наслаждения не получилось. Случилось нечто ужасное — как будто ему в живот вогнали кол. Острая боль пробила его. Та боль, что называют скручивающей. Он бы и скрутился, если б было куда. Живот грузно сверзился набок, потащив за собой всё тело. Усидеть не было сил, и Михаил Александрович упал, а тут поверх боли вдруг нахлынула такая слабость, что и на помощь не позвать. Миша захрипел, потом жалобно заскулил. Народ повскакивал с сидений, попытался его поднять. Всё, что им удалось, это перевернуть Мишу на спину. В этом положении ему лежать было даже тяжелее, чем на боку, его хрип перешёл в громкое сдавленное сипение пополам со свистом, как будто его тело подкачивали велосипедным насосом. Кто-то дёрнул стоп-кран, поезд завизжал тормозами, и из селектора послышался грозный голос машиниста. Уяснив, что происходит, машинист снова тронул поезд, пообещав «скорую» на ближайшей станции.

На ближайшей станции прибежали два малахольных мента с носилками, но им оказалось не под силу вытащить Мишу из вагона. Ситуация сложилась неприятная — стоит целая ветка, в подземном городе образуется людской затор. Поэтому и завернули туда первую попавшуюся «скорую», на счастье, с нашим клинордом. Клинорд же оказался мужиком толковым, быстро распознал у этого гигантского толстяка «острый живот», а не стандартную проблему с сердцем. Поэтому и решил эвакуировать больного в свою родную «факультетку».

Дополнительная помощь в виде четырёх здоровых детин в курсантской форме с раскладными НШБ-2 («носилками широкими брезентовыми» по старой военснабженческой номенклатуре) подоспела буквально за минуты. Носилки в проход рядом с телом не вставали — места мало. Пришлось под него подложить обычные носилки да пару человек поставить по краям живота. Кое-как вынесли тушу из вагона и уже на перроне перевалили на НШБ. Потом на эскалаторе поставили головной конец на ступеньку, а ноги держали, попеременно сменяясь и стараясь поддерживать тело по возможности горизонтально. Хорошо хоть, что тётка выключала эскалатор, давая бригаде погрузиться и сойти. В «скорую» тащили его вшестером, и то руки аж белели от напряжения.

Ну, наконец туша в клинике. Толстенские обычно повышенным давлением страдают, а тут низкое и дальше падает, а пульс, наоборот, растёт. Ого, вот уж за сто тридцать зашкалил! Такое обычно бывает при кровопотере. Дежурный хирург пытается сквозь жир прощупать живот. Руки топнут в гигантских складках, вязнут в мягких волнах жировой трясины. Наконец удаётся докопаться до брюшной стенки. Живот твёрдый, как доска. Если бы наш богатырь был бы раза в три полегче, он, пожалуй, завертелся бы ужом от боли, а так только пронзительно завизжал, судорожно забив кистями рук, словно выброшенный на берег кит.

Ответственный хирург морщится — клиническая картина не слишком понятная. Ну-ка, давайте ему сделаем лапароцентез. Это малюсенькая операция с сугубо диагностической целью — в животе делается небольшой разрез, потом в эту дырочку заводят крючок, им цепляют переднюю брюшную стенку и поднимают её «палаточкой». В образовавшееся пространство вводят специальный инструмент, лапароскоп, если нужно, чтоб было лучше видно, то дополнительно подкачивают брюхо стерильным газом и спокойно рассматривают все органы. Можно также засунуть обычную трубочку от капельницы, подсоединить к ней шприц и взять содержимое брюшной полости на анализ. Вообще-то, в норме там сухо — всякая жидкость находится исключительно внутри кишок.

Где-то в клинике нашли здоровый толстенный кусок акрилового оргстекла, больше чем метр на полтора и сантиметра три толщиной. Промыли дезраствором, протёрли спиртом, положили его на операционный стол, сверху покрыли стерильной клеёнкой и простынями, а уж потом перекатали нашего негабаритного больного. Сделали лапароцентез, подцепили брюшную стенку — крючок по самую рукоятку скрылся в жиру. Подтягивать эту массу пришлось двоим, да и то без особого успеха. Внутри почти ничего не видно. В норме на внутренних органах лежит этакая кисейная сеточка с жировыми включениями — большой сальник называется. Так вот сальник у Михаила Александровича представлял собой

лоснящиеся непроходимые тяжелые торосы белесого жира, по которым бежала реденькая паутинка кровеносных сосудов. Дали в брюхо газ на максимум. Где-то по самому краю сальника появилась полоска жидкости. Попробовали отсосать шприцом пару миллилитров. Странная жидкость — красноватая, мутная. Поставили больному предварительный диагноз — прободная язва желудка. Быстренько погружаем в наркоз и идём уже на настоящую лапаротомию — операцию, где широко вскрывается передняя брюшная стенка ровно по срединной линии живота.

Подошёл анестезиолог с клинком-ларингоскопом. Сестра-анестезистка пустила по вене наркотик, больной обмяк, теперь надо быстро засунуть ему в трахею трубку, а потом специальными лекарствами-миорелаксантами отключить мышечный тонус и сразу же подсоединить к аппарату искусственной вентиляции лёгких. Человек парализован, сам дышать уже не может, воздух в его лёгкие будет подавать машина. Зато ничто не будет мешать хирургу работать. Легко сказать быстро — у этого пациента и второй и третий подбородочки имеются, и каждый потяжелее хорошей ягодицы будет, да и шея какая грациозная — как у самого породистого борова на пике откорма. Такое едва гнется и к быстрой работе не располагает. А сам жир! Жир — это депо для большинства лекарств. Не добавь наркотика — умрёт человек от болевого шока, переборщи — умрёт от передозировки. Нужную дозу обычно считают исходя из веса тела. Нормального тела. А тут 70% жира. Он в силу своей химико-биологической природы поглощает лекарства, как губка, а потом долго отдаёт их. Грань между «очень мало» и «передозом» становится весьма зыбкой, расплывчатой. И чем неясней эта грань, тем нервней анестезиолог. Он играет желваками, стучит зубами и вместо строгих понятных схем начинает рассчитывать только на собственную интуицию. Ну вот наконец наркоз дан, аппарат работает... Ребята, поехали!

Поначалу ведущим хирургом к столу встал подполковник Федоткин, личность истероидная, осыпая всех и вся какой-то нарочитой квазиинтеллигентностью. Словно молитву, прочёл собравшимся вокруг курсантам лекцию о том, что во всяком теле необходимо видеть свою скрытую красоту. Хирургические маски скрывают выражение лица, но слышно, что курсанты за спиной двусмысленно захихикали. Федоткин неуверенно полосанул скальпелем по операционному полю. Рана моментально развалилась, обнажив ярко-жёлтые, словно гранулированные, края мощнейшего подкожного жира. На редкие сосудики наложили зажимы, и хирург полосанул ещё раз. Никакой «анатомии» не возникло — просто жёлтый овраг заметно углубился, Руки подполковника скрылись в ране и неуверенно пошарили по дну — везде монотонный подкожный жир., Федоткин проямлил нечто жалобно-несуразное и опять резанул тело. Эффект тот же — жир! Федоткин поднял руки: «Случай тяжёлый, позовите профессора!» Курсанты опять захихикали.

Пришёл профессор. Оценил обстановку. «Да, случай тяжёлый, в прямом и переносном смысле. Рану прикройте стерильным — я моюсь и продолжу. Вы станете в ассистенты!» Через пару минут курсанты почтительно расступились. Капая первымуром на пол, профессор быстро прошествовал к операционной сестре, вытерся стерильным полотенцем, принял халат на плечи, сунул руки в подставленные перчатки. Кто-то услужливо завязал пояс, кто-то поправил ему очки. Шаг к столу — и операция понеслась с невиданной скоростью.

Вот уж видна белая линия живота — прочное сухожилие, что разделяет брюшную стенку на симметричные половинки. Этот апоневроз вскрывается буквально одним движением, словно это не профессор медицины, а скрипач на сольном концерте. Руки ассистентов сдвигают тяжелый пласт сальника, и под ним появляется... борщ!!! Точнее, плавающие в борще кишки. а по операционной тут же разносится мощный запах пива. Кто-то из курсантов растерянно бормочет: «Жигулёвское, поди...» Профессор недовольно бросает: «Это кто тут такой знаток?» — и на болтуна дружно зашипели. Всех сейчас больше волнует не сорт пива, а сама причина нахождения этого винегрета в брюшной полости. Неужели и вправду прободная язва, где в желудочной стенке образуется свищ, через который изливается содержимое? Нет, всё проще.

При ревизии желудка никакой язвы не нашли. Желудочек был правда что надо! Объём нормального желудка около литра, ну полтора. Этот же куда более трёх. Бурдюк, а не желудок! На человека, прошедшего курс нормальной анатомии, такой производит впечатление, пусть даже пустой. И на передней стенке этого «вместилища», где-то сантиметров пять от малой кривизны, находился огромный, в ладонь, РАЗРЫВ! Заполненный до отказа борщом и пивом, желудок элементарно лопнул, когда Михаил Александрович плюхнулся на сиденье в метро.

Разрыв ушили, брюхо промыли от борща. Потом долго боролись с инфекционными осложнениями. Но выжил наш гигант. За долгий и мучительный послеоперационный период даже весу порядочно сбросил — перед выпиской на нём громадными лопухами висела излишняя кожа. Здесь, правда, начальник кафедры один секретик сотворил — ушил он нашему толстячку желудок весьма хитро, так что от трёхлитрового бурдюка остался маленький мешочек — с кулачок. Хочешь не хочешь, а всю оставшуюся жизнь ему максимум по полмиски супчика кушать придётся — больше за раз не влезет. Самое радикальное средство от ожирения.

Тут бы и позубоскалить насчёт неумеренного обжорства, да не получается. Болезнь это. Нельзя обжорство списывать исключительно на личную распущенность, хоть таковая и важнейший фактор. Тут и генетика, и психология тоже свою роль играют.

На самой милой кафедре Военно-медицинской академии — кафедре детских болезней — довелось нам видеть такую картину: железную решетку и плачущих за ней детишек. Плачущих от голода. Потому как эта мирная кафедра делала большую военную науку — изучала влияние питания на становление армейского призванного. Ведь каждый солдат когда-то был ребёнком. А то, что иные будут негодны к призыву, становится порой ясно уже в весьма раннем возрасте. Или ограниченно годны — то, что вырастает из таких детей, солдатом можно назвать только в издёвку — ни отжаться, ни пробежать, ни подтянуться не могут! При том, что ничем не больны. Единственная причина их инвалидности — лишний вес. Вот и создали специальное отделение, где пытались таких детишек лечить. Мы приходили на кафедру и слышали голодный плач упитанных восьмидесятикилограммовых крепышей, что тянули к нам из-за решётки ручки с мольбами: «Солдатик, дай конфетку». А решетка в этом деле совершенно необходима, чтобы сердобольные детки из других отделений им свои печенки не отдавали. «Крепышам» же маминых передач не дозволялось, да и самих мам старались в это отделение не часто допускать — ведь пытка голодом, пусть даже частичным, для матери порой куда тяжелее, чем для ребёнка.

В сталинское время таких практически не было, появились они под закат хрущёвской эпохи, в брежневское время обозначились как проблема, а после перестройки словно плотину прорвало. Излишний вес сейчас у каждого пятого россиянина. Поэтому хочется дать всем мамам один такой простенький совет — в 99% случаев, если ваш ребёнок не доел, не заставляйте! Большую этим пользу ему принесёте. «Кушай хорошо, вырастешь большой» — это палка о двух концах. Вырастешь большой в любом случае, но если очень хорошо кушать, то запросто можно вырасти очень большим. Ведь взрослые частенько меряют детские порции, исходя не из потребностей своих чад, а исключительно из собственного представления о таковых.

Кошунственно это или нет, но живём мы в век продуктового изобилия, а поэтому пока этот век длится, то место несъеденной каши в помойном ведре, а не в желудке. Ведь количество липоцитов (жировых клеток) закладывается до пяти лет, а всю остальную жизнь мы лишь меняем их качество, усиленно накачивая туда жир. Вот когда таких клеток много, да ещё и заполнены они под завязку, и получают трёхцентнеровые мих-санычи с рисками лопнуть, присев в метро.

В старой школе, что на Петроградской стороне, недалеко от метро, особым старорежимным рвением к борьбе за успеваемость отличалась Светлана Николаевна Рябкина — для всех учеников злющая математичка, а для тридцати четырех её подопечных из десятого «А» ещё и классный руководитель.

В десятом «А», считавшемся лучшим классом, имелась одна проблема — там учились дочь директора школы умница Людочка и сын заведующего районным отделом образования, умный, но бесшабашный Валентин. Проблема состояла в том, кому из них вручить золотую медаль.

Претендентов двое, а медаль одна. Выбирать между умниками надо, и Светлана Николаевна свой выбор сделала в пользу Людочки. Выбор простой и надежный. Во-первых, директор близко, а районо подальше, хоть и повыше. Чего себе жизнь осложнять, у рядового учителя, как у рядового солдата — сержант в казарме главней генерала в штабе. А во-вторых, Люда математику получше Валентина знала. Для того чтобы «завалить» медалиста, много не надо — всего одна четвёрочка в табеле за четверть. Для учительницы подловить отличника на «хорошо» проблем нет, особенно на таком предмете, как математика.

Сказано — сделано. Раз, два к доске, ляп на проверочной контрольной, невыполненные домашние задания. Вроде и знание предмета отличное, но реально стала высвечиваться четвёрка и прощание с золотой медалью. Сынок с папой такое дело обсудили, папа нагнал комиссий да проверок, но те только руками развели — всё честно. Обиды обидами, но ничего не поделаешь, и учеба Валентина продолжалась в обычном русле.

Прошла пара недель после суматохи. Приходит как-то раз Светлана Николаевна на очередной урок совсем в другой класс, давай мелом на доске что-то писать, да вдруг почувствовала себя неважно. Хотела на стульчик присесть, да не успела — как грохнется при всем классе в обморок. Детки испугались, девочки к математичке подлетели, давай тетрадками обмахивать, мокрый платочек ко лбу прикладывать, а самого шустрого мальчика послали в медпункт. Прибежала медсестра с нашатырем, да толку нет — не приходит в себя Светлана Николаевна. Бегом в учительскую, где телефон, звонить в «скорую». Прибежал физрук, притащил спортивный мат — тётка была грузная, тащить куда на диванчик хлопотно, поэтому и уложили на мат прямо на полу в том же классе. Наконец «скорая» прибыла. Врач давление померил, пульс пощупал, на носилки её и бегом в больницу с дежурным диагнозом «а чёрт его знает».

Привезли в больницу. Давление низкое, кома, остановка сердца. Однако надо отдать врачам должное, притащили дефибриллятор, шарахнули тётку током, мотор завели. Лежит она неделю в реанимации, в сознание не приходит, хоть дышит уже самостоятельно. На восьмой день глаза открыла, и тут всем стало ясно, что Светлана Николаевна парализована. Да так парализована, что даже говорить не может, чудо, что дыхание есть. Вызвали невропатологов да ангиохирургов, тс руками развели — нет у неё ни инсульта, ни инфекции в мозгах. Поищите-ка, ребятки, отравление. Наконец дошло взять кровь и мочу на тяжёлые металлы. Шибко тяжёлых не нашли, а нашли мышьячок в страшном количестве. Пришёл ответ как раз «вовремя» — померла училка. Хоть ленинградские больницы и не чета периферийным, но в этом конкретном случае с диагностикой они маху дали. Такое исследование следовало бы сделать в первый день, ведь была очень яркая симптоматика классического острого отравления мышьяком. Хотя, по моему мнению, даже при самой активной и вовремя проведённой детоксикации с ясным диагнозом помочь тетке было невозможно, такова уж природа этой отравы.

Вообще, о мышьяке следует отдельно пару слов сказать, не вдаваясь в тонкие медицинские подробности. Отравление мышьяком — это «большая обезьяна», как говорят токсикологи, имитирует всё что хочешь, в зависимости от количества яда и характера отравления. Мышьяк из тела выводится медленно, в количествах, достаточных для диагностики, но недостаточных для выздоровления. Поэтому наиболее частые мышьячные отравления — хронические. Изредка по чуть-чуть — и через годик в гроб после «продолжительной и тяжёлой болезни». Однако путь этот рискованный, потому как очень велика вероятность обнаружения истинной причины этой самой «болезни». А вот если сразу и много, то тоже эффект не сразу проявляется, а когда проявляется, то вывести мышьяк из организма уже сложно. Этому яду для своего действия время нужно, чтоб всосаться и хорошенько разойтись по телу. А действие само по себе очень простое — «липнет» атом мышьяка к великому множеству белков в теле и, подобно лишней гайке в моторе, «выключает» ферментные системы, поддерживающие тонкую биохимию. Особенно сильно страдают нервные волокна. Не идут больше по ним импульсы, отсюда и паралич, и другая сходная симптоматика. Пусть звучит странно, но это действие мышьяка, направленное на поражение нервных волокон, на себе испытал едва ли не каждый. Вспомните свой визит к стоматологу, когда нерв в гнилом зубе удалять надо. На этот самый нерв дантист кладет мизерное количество специальной мышьячной соли, которая, убивая волокно, даёт возможность прочистить зубной канал без лишних криков пациента. Оказалось, что именно с таким вот препаратом и связана наша история.

Труп «отравной», криминальный — такие дела к нам, в судебку. Быстро выяснили, что отравление острое, хотя по определенным признакам ясно, что яд давался не один раз. Эх, не было у нас тогда всей необходимой аппаратуры, точную дату первого приема яда установить трудно. Дефицит лабораторной базы сказывался. Гадали мы тогда куда больше, чем сейчас. Многое вычислялось лишь по косвенным признакам, но правильно, как потом следствие подтверждало. Насмотревшись современных технических чудес и сверхчувствительных методов, мне хочется снять шляпу перед старыми волками советской судебной медицины, перед их опытом, наблюдательностью и прозорливостью. Чем больше аппаратуры меня окружает, тем больше восхищаюсь моими учителями и горжусь ими — вооруженными порой лишь прозекторским ножом.

С современной техникой работать просто, но здесь один подводный камень есть — видишь порой, как при всей технической мощи эксперт искусственно низводит себя до затрапезного лаборанта. Тогда же работали творчески — на глазок крутили степень белковой денатурации, вручную вычисляли концентрации в костях и жирах, срезали ногти и волосы на анализы. По распределению в них ядов и зная скорость их роста, вычисляли даты отравлений. Умудрялись распознать тончайшие морфологические (видимые в микроскоп) признаки поражения нервной системы, печени, почек...

В данном случае, изучив концентрации мышьяка в ногтях, пришли к выводу — травили всего на протяжении одной недели.

Отчёты и протокол составлены, дело за следователем. Прежде чем криминал искать, надо исключить бытовое отравление, то бишь несчастный случай. Заявились менты домой, побеседовали. Легко тогда было, народ в основном участливый, санкций прокурора не требовал. Все здоровы, симптомов отравления нет, муж и детки горем убиты, хотите чего поискать — да на что нам санкция на обыск, идите смотрите так просто. Ну посмотрели, взяли кое-какие пробы — еда из холодильника, там продукты всякие. Ничего не нашли, нет дома мышьяка, и подходов к нему нет. Не могла просто так Светлана Николаевна его неделю кряду глотать. Значит, все же криминал.

Прошлись по соседям для порядку. Какой криминал?! Увольте — тётя Света была образец морали. Ни любовников, ни семейных скандалов. Грубости от неё не услышишь, к чужим проблемам участлива, но без назойливости, семья живёт на зарплату, не шикуют, врагов нет.

Достойная женщина строгих правил. Опрос знакомых и родственников подтвердил то, что рассказали соседи. Мотивы убийства вне работы отсутствовали напрочь.

Конфликт интересов в школе раскопали быстро — разве такое утаишь в преимущественно женском коллективе? Там же и версию подкинули, кто в главных врагах числился. Следак подался в районо с папочкой побеседовать. Папочка бледный, трясется, но ничего криминального не признает, в показаниях не сбивается, лично с учительницей встречался только на родительских собраниях на общем основании. Похоже, что на главного подозреваемого он явно не тянет. Пришлось побеседовать с сынком. А вот тут началось самое интересное. Стал вьюнош в мелочах путаться. Когда был в классе на переменках, когда не был, где видел свою классную, где не видел...

Это только мифический Шерлок Холмс по царапине на ботинке определял полную картину преступления. В жизни так не бывает. Тут всё куда прозаичней — нормальный опер и следак подозреваемого «колют», то есть самого на себя заставляют показания давать. Один раз сбrehал на мелочи — и попался. Подозреваемый зачастую не догадывается, сколько ценной информации он сам дает следователю своими малюсенькими неувязочками. Тут ведь сразу игра начинается по принципу «тепло-холодно»: чего же наш голубчик боится и зачем ему это надо. При этом есть один парадокс — обычно чем умней подозреваемый, тем легче с ним в такую игру играть. Тупого зечару с интеллектом на грани дебильности расколоть зачастую труднее: «Ты чё, начальник, лепишь, не при делах я», — вот те и весь сказ с нулевой информативностью. А рафинированные умники начинают играть в содействие, перестраховываться, переигрывать, чем и выдают себя со всеми потрохами.

Заподозрив неладное, следак запер Валентина в кабинете завуча (ещё один прекрасный метод психологического давления — наехать, а затем на некоторое время бросить «клиента» в полной неопределённости). Пока десятиклассник ёрзал на стуле, следователь побывал в учительской, где быстро выяснил, кто у него в друзьях числился. Прошёл в нужный класс и вызвал друга номер один.

Вот и Вовка. Друг номер один оказался мальчиком трусоватым, но бесценным кладезем информации. «Здравствуй, Вова!» А Вова аж заикается. «Ну, расскажи о себе». Вова рассказывает. «Подожди, где, ты говоришь, мама твоя работает? В аптекоуправлении. И кем? Провизором? Нет, не провизором. Уборщицей на складе. А ты к матери на работу заходишь? Молодец, что заходишь, это здорово — помогать матери убираться. Только вот на тебя один товарищ письменные показания дал, похоже, плохо твое дело... Как это он один травил? А он сказал, что это ты! Ах, врёт он... Ну, тогда давай по порядку, а то виноват он, а под суд тебе...»

Валентин и Владимир дружили давно, несмотря на большую разницу между их семьями. Разницу не имущественную (тогда доход разнорабочего не слишком сильно отличался от мелкочиновничьего), а культурную. Если родители Валентина рассуждали о высоких материях, то Вовины папа с мамой лихо резались в дурака «за погоны». Субботние походы в театр стояли контрастом к традиционным выходам в винно-водочный магазин за бутылкой беленькой, а Эрмитаж — к рыбалке. Однако это не мешало пролетарию Вовке читать книги в громадном количестве, а интеллигенту Валентину тянуть с другом дешёвый «портяшок» в подворотне. Помните, были такие номерные портвейны, сладкие и крепкие. Вот и объединились товарищи по общности вкусов и интересов.

Идея убрать классную родилась у Валентина сразу после контрольной. Ошибка была незначительная, и он по старой памяти рассчитывал, что Курочка Ряба, как за глаза называли ученики свою учительницу, ему за такую мелочь оценки не снизит. А постоянные вызовы к доске для ответов на самый трудный материал лишь подтвердили его уверенность, что его «срезают» в пользу директорской дочки. Хотелось убрать и дочку, просто технически это оказалось сложнее, пришлось ограничиться классным руководителем. Под страшным

секретом Валентин полушутя спросил у своего приятеля,, не видел ли он каких ядов, когда тот помогает своей мамке полы мыть. Да как же тут не видеть, когда там в одной комнате здоровая вывеска висит о том, что из одного бачка мусор нельзя убирать, потому как там яд! Мышьяк... Похоже, что по-настоящему серьёзность последствий попадания такого мусора в пищу друзья не оценили. В понятии Вовы это вообще было не преступление с покушением на жизнь, а почти что безобидная шалость.

Пришёл Вова к матери на работу. Мать рада, что сам пришёл, обычно заставляя да просить надо. Поднялась мать на второй этаж, а для сына на первом этаже все помещения открыла. Он полы моет, а сам к заветному бачку приближается, откуда мусор нельзя выкидывать. Бачок этот стоял под специальным вытяжным шкафом, где развешивали мышьячные соединения перед отправкой их по зубоврачебным поликлиникам. В бачке оказалось полно мятых бумажных салфеток, кое-где слегка вымазанных какой-то розоватой пастой. Вот парочку этих салфеток Вова и прихватил по просьбе своего друга Валентина.

Валёк этим трофеем распорядился просто — соскрёб пасту с бумаги в маленький пузырёк и кинул его в свой школьный портфель. Поначалу никакого особого плана у него не было, но удобный случай представился буквально на первом уроке. Была у Светланы Николаевны такая привычка — на большой перемене прямо в классе бутерброды есть. У Курочки Рябы все-гда пара-тройка бутербродов в сумочке имела. На обычных коротких переменах математичка Рябкина: без всякой задней мысли оставляла свою сумку подле учительского стола, а сама могла выйти из класса в учительскую, в соседние классы к коллегам-преподавательницам или по каким другим делам. Учеников же из класса она старалась тоже выгонять — до поздней осени открывала настежь окно, чтобы перед уроком проветрить. Этим моментом и воспользовался Валентин. Дело секунд — нырнуть в сумочку, отлепить от хлеба колбасу и посыпать на масло немного розоватых крупинок. Под колбасой такое точно не заметишь. Вот Светлана Николаевна и не заметила...

Копальхем

...Данная история о других ядах — о трупных. Название этой группы самообъясняющее — трупные яды образуются при гниении трупов. Наиболее известна троица так называемых птоаминов — нейрина, пудресцина и кадаверина. Это сильные яды. Считается, что у человека от них защиты нет. Другое дело шакалы, гиены, грифы — их эта отравка совсем не берёт. Оно и понятно — они же падальщики, трупные яды просто неотъемлемая «приправа» к их пище. Мы же вроде чистой едой питаемся, ферментные системы, способные нейтрализовать птоамины, нам не нужны. Но не торопитесь с выводами — эволюция человека полна тайн и загадок, и ещё очень большой вопрос, насколько чистой была пища наших далёких и не очень предков. Оказалось, что биологический механизм такой защиты у человека всё же есть. Но весьма своеобразный.

Это случилось в самом начале того периода, который ныне принято называть брежневским застоём. Специальная топографическая группа под началом подполковника Лузина облетала район между озером Кокора и озером Лабаз. Это в самом основании Таймырского полуострова. Летели на вертолёте Ми-8, что называется, дружную гурьбой — два летуна, трое топографов и один местный — некто Савелий Пере-соль, ненец по национальности. Военные взяли его с собой как знатока местности, показывать болота, указывать местные ориентиры и их названия.

И вот в воздухе произошла серьёзная поломка — что-то случилось с гидравликой, которая передаёт движения от пилотской ручки на ось винта. Ручка взбесилась, начала колотить

лётчика по ногам, управления никакого, вертолёт падает. Высота, на счастье, была небольшой — случилось то, что называется жёсткой посадкой. Вертолёт завалился набок, винт с визгом врезался в землю и, раскидав чахлую растительность, обломался о вечную мерзлоту. Удар был сильным, однако никто особенно не пострадал. В ушибах и ссадинах, с разбитыми носами и с головокружением от лёгкого сотрясения мозга народ ошалело тарасился друг на друга.

Первым очухался пилот — в вертолёте нестерпимо завоняло горелой проводкой, и к этому вдруг примешался знакомый запах авиационного керосина. А потом в нутро повалил дым. «Всем из машины!!!!» — заорал он, распахивая дверку. Каждый моментально оценил ситуацию и ринулся наружу. В двери на секунду образовался затор из тел, но ещё через миг людской клубок вылетел из вертолёта, как пробка из бутылки.

И вовремя — внутри что-то негромко треснуло, и в салоне показались языки пламени, которое в секунды объяло весь вертолёт. Народ открыв рты, немигающими глазами, молча наблюдал это зрелище. Вначале даже с радостью — ведь все живы, потом с растерянностью — а что же делать?..

Вокруг на сотни километров ни души, рация сгорела, еды нет, тёплой одежды нет, оружия нет, ничего нет! А ведь «на дворе» сентябрь — ещё повезло, что снег не лежит, хотя пора бы уже. Ночами ощутимый морозец, да и днём не жарко. Вся надежда на поисковую группу: по идее, всего через несколько часов должны хватиться. Правда, район поиска великоват...

Первую ночь провели вблизи вертолёта — такой ориентир с воздуха легче всего обнаружат спасатели. Но никто не прилетел. Никто не прилетел и на второй день, а третий день был туманным — похоже, никто и не летал. На четвёртый день где-то вдали слышался вертолётный стрёкот, и ослабевшие люди побежали туда, но военную форму на фоне болотных кочек с воздуха трудно заметить, особенно если так далеко. Не помогла и надежда на маленький костерок, что постоянно жгли на месте аварии, — таймырский кустарник не мог обеспечить значительного огня, а попытки устроить дым кончились ничем — северный ветер разгонял его по тундре уже в десятке метров от костерка.

За всё время умудрились убить с десятков леммингов и дюжину мышей, в обгорелых останках вертолёта нашли куски, заменившие сковородку и кастрюлю. Постоянно варили отвар из брусники и морошки, но сильнее всего помогали грибы. Вот чудо — древесных пород практически никаких, но даже среди карликовой тундровой растительности встречаются лесные грибы. Да ещё какие — крепыши-гиганты! Вероятно, ещё августовские — сейчас уж и днём около нуля. Видать, поэтому в грибах ни единого червяка, все крепкие как на подбор. Однако такое счастье долго длиться не может — припорошит первым снегом, и придёт смерть. Даже не от голода — от холода. Ведь более или менее одет один Пересоль — ненцы свою кухлянку не снимают ни зимой, ни летом. Ещё сам Дузин выскочил в ватнике, у пилота унты, у остальных — комбинезоны и полевое пэша. Верхняя одежды сгорела в вертолёте. Хотя и дают греться, предлагая по очереди ватник и кухлянку, но помогает такое не сильно — ночью сна практически нет, силы на исходе.

На следующее утро с первым взглядом на сереющее холодное небо в глазах каждого застыла безысходность — такое, пожалуй, к снегу. А если судить по едва заметной позёмке, что заструилась между болотными кочками и запела тонким голосом в веточках полярных ив, то это будет не просто снегопад — это будет метель. Подобие убежища, что сварганили из оставшейся вертолётной обшивки, от пурги не спасёт. Офицеры молча взялись за руки — вроде вместе бедовали, давайте, друзья, вместе и встретим неизбежное. Не разделял общего настроения один Пересоль:

— Ой-ой, какой мы все шибко глупый! Зачем сидели?! Кого ждали?! Сегодня ветер болото выморозит — копальхем найти трудно будет! Надо было в первый день болото обходить —

обязательно бы копальхем нашли! Давно бы нашли, много бы наелись, много бы с собой взяли! Каждый день бы шли, кухлянку и ватник по очереди бы носили, копальхем бы кушали, уже бы до Хеты дошли! Я бы мало-мало посмотрел по берегу, а потом бы повёл вас куда ближе — на север в Жданиху или на юг в Хатангу. А потом туда бы за нами из Крестов вертолёт послали, где шибко сгущёнки, тушёнки и водки. Шибко много! Мы бы спаслись и веселились. А так подохнем!

Офицеры расценили план местного оленевода как полную авантюру — он предлагал маршрут не в одну сотню километров. И это пешком по тундре без еды и одежды? Глупость! Даже если бы они вышли в первый день, то всё равно к этому моменту не сделали бы и полпути. Хоть так, хоть иначе — всё равно помирать. Даже скорее всего пойдя они к Хете, то уже были бы трупами — такой путь по-любому вымотал бы их силы намного быстрее. Однако про какой такой копальхем говорил ненец? Что за зверь такой?

— А-а-а, копальхем вкусный, копальхем жирный, от копальхеа тепло, от копальхеа сила, от копальхеа жизнь! Копальхем духи берегут, потому что в том болоте, где копальхем лежит, живёт сам Дух Большого Оленя. А он самый главный, кто помогает человеку в тундре! Других богов, если плохо помогают, можно и плёткой выстегать, и в костёр бросить, а Духа Большого Оленя нельзя! И нельзя тут больше оставаться — пока болото совсем не выстыло и Дух Большого Оленя на зиму спать не лёг, надо за копальхемом идти, а то все помрём!

Такое объяснение сути мифического копальхеа не раскрывало. Что-то вкусное и жирное, что связано с каким-то Духом Большого Оленя и при этом почему-то живущее в болоте, куда нормального оленя вовек не загнать. Насчёт других богов понятно — их фигурки ненцы вырезают из берёзы и хранят в стойбищах как божков-талисманов. Если талисман «плохо работает», счастья не приносит, его воспитывают методом кнута и пряника. Вначале задабривают оленьей кровью, а если тот не «исправился», могут и выпороть. Если и после этого удачи не прибавилось, то могут в сердцах ткнуть головой в полный дерьма подгузник из берёзовой коры, заменяющий туго спеленатым ненецким деткам памперсы и пелёнки. А уж если и это не помогло, то такому никчёмному богу одна дорога — в костёр. Тогда отчего же такое трепетное отношение к Духу Большого Оленя?

После многочисленных дополнительных расспросов наконец вырисовалась более или менее материалистическая картина. Самого духа мы оставим ненцам — это одна из ключевых фигур в пантеоне местного шаманизма. Но вот сопутствующий обряд, посвящённый этому духу, оказался весьма интересным. Периодически в оленьем стаде надо менять вожака. По каким-то местным эзотерическим приметам вычисляют, когда это надо делать особым способом — старого вожака необходимо отдать в жертву Духу Большого Оленя. Такого оленя отбивают от стада и пару дней ему ничего не дают есть для полной очистки кишечника. Дальше ритуал принесения жертвы прост — свергнутому вожаку (при этом обязательно надо, чтобы тот был жирным и в полном здравии) на шею накидывают сыромятный аркан и тянут его на ближайшее болото. Там его этой петлёй давят и оставляют в болоте. Но оставляют хитро — олень должен скрыться там полностью, потом это место ещё досыпают торфом или мхом-сфагнумом, а сверху обкладывают ветками и камнями. Давят оленя с великой осторожностью — нельзя, чтобы его шкура хоть где-нибудь повредилась, туша его должна быть абсолютно целой. Сам торфяник хорошо маскирует запахи, а поэтому случаи осквернения копальхеа хищным зверем сравнительно редки. Возле копальхеа на ближайшей кочке вбивают кол, обязательно из лиственницы, чтоб не гнил. Кол украшают пучками травы и ягеля, а часто ещё какой-нибудь яркой тряпочкой. В советское время, например, особой популярностью пользовались пионерские галстуки или вымпелы «Лучшему оленеводу».

Так вот, эта оленья туша может так пролежать столетиями. Вообще-то, с позиций танатологии, раздела судебной медицины, изучающей трупные изменения, тут ничего особенного нет. Ведь даже в Средней полосе России в торфяниках находили тела невинно

убиенных купцов времён Средневековья. Да ещё при этом вызывали милицию — вроде как на недавнее убийство, настолько хорошо сохранились тело и рубленая рана на голове! А в болотах Ирландии находили даже людей каменного века. В тундре условия одновременно и хуже, и лучше. Из-за вечной мерзлоты вода там всегда холодная — несомненный плюс. В то же время холодная вода не позволяет бурно развиваться болотной растительности. Не позволяет она и гнить тем скудным растительным остаткам, что, собственно, и создают торф. Поэтому вода там бедна гуминовыми кислотами, органическими соединениями типа широко известной янтарной кислоты, что являются дубящим агентом и губительным для бактерий консервантом. Относительно чистая вода — это главный минус. Там всё же труп-нос гниение идёт. Медленно, десятилетиями, но идёт. Прекращается оно только в одном случае — если болото поглотит вечная мерзлота.

Оказывается, у ненцев отношение к этим «мумиям оленьих фараонов» отнюдь не святое. Впрочем, как и ко всем их богам. Эти святыни запросто можно кушать! Прямо в гнило-сыром виде, с душком. Даже полная тухлятина не теряет своей калорийности. Едят такое не только в нужду или по форс-мажорным обстоятельствам, но и просто как своеобразный деликатес. Но всегда восполняют взятое: захотелось копальхема — смерть вожаку, Духа Большого Оленя тоже обижать не следует. Тысячелетия жизни в тундре такому научили — это ведь прекрасные консервы на чёрный день, не говоря уже о спасительной помощи тем, кто потерялся в тундре. Ведь главная их ценность — что они как бы ничьи, забытые и разбросанные по северной земле дары предков. Именно такую тушу и взялся разыскать Савелий Пересоль.

Идея разжиться мясом офицерам очень понравилась — про то, что это тухлятина, не хотелось даже и думать. Если помираешь, то и такое съешь, а что запах... своеобразный... Так нос можно пальцами зажать! Короче, Пересоль, надевай свою кухлянку, хватай нож и бегом за консервами национальной ненецкой кухни. Всё равно никуда идти отсюда нельзя — ждать надо. Но на полный желудок шансов дожидаться намного больше! Так что, товарищ оленевод, от тебя зависят наши жизни — не подведи.

И он не подвёл. К вечеру, когда уже стали закрадываться сомнения, а вернётся ли Пересоль, не дёрнул ли он в одиночку на Хету, из-за сопки на фоне ярко-оранжевого неба чёрным силуэтом медленно появилась его коренастая фигурка. Офицеры радостно побежали ему на встречу. Вот он идёт груженный, улыбается, за спиной висит здоровая оленья нога. Савелий нарезал ремней из оленьей шкуры и подцепил мясо на спину, словно рюкзак. Ого! Сегодня пируем.

Мясо как таковое уже слабо различимо — вместо него какая-то сероватая, дурно пахнущая масса. А вот жир ничего — просматривается. Грязно-серый и мылкий на ощупь, во рту он прилипал к нёбу, чем-то напоминая мягкий парафин, только холодный. Легко отдирался и грязно-серый слой, что сразу под шкурой. У свежей оленины такую мезгу не прожует, а тут ничего — мягкая, словно восковая корочка с сыра. Вкус же копальхема больше всего походил на жутко прогоркшее несолёное сало. Когда попробовали прожарить копальхем на костре или хотя бы разогреть его на сковороде, то получилось ещё хуже — вонь пошла такая, что кусок определённо нельзя было взять в рот. С него капал тягучий жир, который горел тёмным смрадным пламенем, словно резина. Да, такое «лакомство» лучше всего глотать холодным, хотя, по словам ненца, самый вкусный копальхем — вообще мороженный, тогда его нарезают тонкими ломтиками, которые сворачиваются под ножом в серенькие трубочки. Полученную строганину макают в соль и едят вместе с парными сырыми лёгкими только что забитого оленя.

Служившим на Севере частенько приходилось сталкиваться с местной традицией сыроедения. Из оленьей требухи — национального ненецкого лакомства — наиболее отважные из офицеров иногда пробовали сырую печень, а вот мясо любили слегка обжарить на сковороде. Внутри оно оставалось практически сырым, лишь чуть-чуть белело снаружи.

Нарезанное мелкими кубиками, его называли «пастеризованной олениной». Это там пробовал практически каждый. Поэтому к вонючему копальхему отнеслись с доверием. Нарезали кусочками и, запивая брусничным отваром, не жуя, наглотались до отвала.

К ночи разыгралась непогода. Первый снег пришёл с порывами ветра. Теперь ему лежать до конца мая. Однако на удивление ночь со снегом оказалась не такой уж и холодной. Облака действовали как одеяло, сохраняя последнее тепло земли. Народ набился в убежище, там же запалили импровизированную «буржуйку». А к утру вообще всё стихло, воздух стал прозрачен, небо ясное. Побелевшая тундра словно надела подвенечный наряд. Или саван... Фатой к наряду по небу разбежалось северное сияние. Ух как крутит! Вот стратосферным дождём вытянулись зелёные всполохи. Вот кое-где они порозовели, развернулись поднятым занавесом божественного театра. Светящиеся складки пошли фиолетовым отливом, под ними опять зелёная бахрома... Ударил приличный морозец. Холодно, конечно, но на сытый желудок такое терпеть можно. Не смертельно...

Оказалось, смертельно. Не от холода — от копальхема. У кого начались боли в области печени, у кого рвота, под конец у всех галлюцинации, а к утру потеря сознания. Только Савелий Пересоль оставался в полном здравии, никаких симптомов у него не появилось, хоть он-то съел больше всех! Всю ночь он пытался хоть как-то помочь офицерам, но бесполезно. Уже когда совсем рассвело, остановилось дыхание у лётчика, а вот и тело старшего отпустило дузинскую душу в землю предков. К обеду умер механик. Двое топографов ещё были живы, но в тяжёлой коме.

Савелий не понимал, почему так. Давно подзабывший тонкости верований собственного народа, он вдруг вспомнил, что ещё в детстве ему говорила бабка и о чём со страхом в голосе полярными ночами шептал дед. В чуме тихо, лишь потрескивают дрова под чайником, а дед всё не ложится спать — первый снег ведь, надо вспомнить Духа Большого Оленя. Такая же ночь, как сейчас. Неужели Савелий чем-то тундру обидел? Эх, проклятая водка! Лучше бы деда слушал да заклинания учил как следует... Натянув портянку на их кастрюльку, Пересоль принялся бить в неё, как в бубен, пытаюсь заговорить от смерти оставшихся. Потом прыгал вокруг вертолёт и что было силы кричал на ненецком те обрывки магических фраз, что всплыли в его памяти. Пытался разбудить духов, призывал деда прийти и, как в детстве, отвести беду.

И видать разбудил! На низкой высоте со стороны болота, где вчера вечером выходил он сам, из-за сопки внезапно выпрыгнула гигантская зелёная стрекоза с красными звёздами на боках. С высоты на белоснежном фоне тундры закопченный остов вертолёт выделялся особенно чётко. Перед лицом изумлённых лётчиков промелькнула смешная будочка, из которой шёл дымок, три безжизненных тела перед ней и выплясывающая фигурка какого-то местного с непонятным круглым барабаном. Стрекоза винтом, вертолёт заложил крутой вираж, развернулся, завис на минуту над своим сгоревшим собратом, а потом прыгнул в сторону и, погнав во все стороны позёмку, принялся снижаться. Всё, Дух Большого Оленя доказал, что он главный в тундре — пригнал-таки вертолёт! И всего-то стоило найти копальхем...

Эвакуацию произвели прямо на север, в Жданиху. Всё равно до Крестов или даже до Хатанги горючки бы не хватило. Но в Жданихе был только фельдшер, врач аж в Крестах. Пока вертолёт заправишь, потом ещё сколько часов лёту... Решили не рисковать — связались с ним по рации. Заочные диагнозы — дело трудное и опасное, но что делать? К тому же абсолютно не понятно, почему местный без каких-либо отклонений, не обморожен и даже не кашляет, а двое военных без сознания. Спасибо, тот же местный разъяснил — было шибко мало кушать, с голоду оленьей тухлятины нажрались. Тогда рекомендации простые — внутривенно-капельно побольше жидкости, медикаментозно форсируйте диурез, для защиты печени дайте глюкозки и витаминов, если надо, то колите препараты, поддерживающие дыхание и деятельность сердца. Понятно, что всё это в миллиграммах, миллилитрах, процентах...

Ночью умер один из топографов. Состояние последнего военного, старшего лейтенанта, оставалось стабильно-критическим. Это значит, что в любой момент помереть может, да только вот чего-то долго не мрёт. Через день кризис, похоже, миновал. Дыхание стало глубже, вернулось нормальное давление. Кома незаметно перешла в сон.

Именно выживший старший лейтенант и поведал всем о вкусовых качествах копальхема. На следующий день с ним вылетели в Кресты, где располагался поисковый штаб и куда прибыла комиссия по расследованию происшествия. А с ней аж два следователя — один гражданский, другой офицер военной юстиции. И как вы понимаете, завели эти следователи уголовное дело на гражданина Савелия Пересоля за убийство четверых военнослужащих путём отравления. По ходу расследования статью за убийство поменяли на «непреднамеренное убийство», потом на «случайное убийство по неосторожности».

А какая может быть осторожность при приёме внутрь местного пищевого суррогата, называемого по-ненецки «копальхем»? О такой осторожности тогда ни один профессор-токсиколог не знал. В Москву, в Центральную лабораторию судебной экспертизы Министерства обороны доставили замороженные куски копальхема. Ненца Пересоля тоже потаскали по военным заведениям — был он и в Институте военной медицины на Ржевке, и в разные другие токсикологические лаборатории заходил. Военных интересовало лишь одно — какая же в его организме система нейтрализации птоаминов? Очень интересно, а вдруг и к другим ядам у ненцев такая устойчивость? Оказалось, что нет. Только к трупным ядам они не чувствительны. Но ничего, кроме повышенной активности специального белка, называемого цитохромом Пэ-450, у него не нашли. Кстати, для науки бедняга Пересоль даже добровольно согласился на биопсию печени. Это когда толстой поллой иглой с острыми краями из печёнки на живую столбик ткани вырезают.

Может, из-за такой вот научной ценности и осудили Савелия лишь условно. Тот случай, когда из-за принципа неотвратимости наказания буква закона перевешивает его дух, — по идее, нет никакого состава преступления в этом деле.

Аналог ненецкому копальхему есть у российских чукчей — они подобным образом сохраняли мясо моржей. Дальневосточные народности до прихода белого человека с его поваренной солью красную рыбу не солили — чуть подкоптят, чуть подвялят, но в общем хранили её «медвежьим методом» и ели вполне тухленькой.

Американские эскимосы по сезону лезут на прибрежные скалы, так называемые птичьи базары, где большими сачками ловят морскую птицу. Особенно любят мелких крачек и тупиков — тёмных птичек с широкими ярко-оранжевыми клювами. Этих они даже не потрошат — набивают ими кожаные мешки, перекладывают слоями тюленьего жира и оставляют порой на годы. Едят это только тогда, когда содержимое «перебродит» в однообразную серую массу. Понятно, что косточки и пёрышки не в счёт — это остаётся, так что плевать всё же приходится. По оценке FDA (Food and Drug Administration — в США головное учреждение по контролю за качеством пищевых продуктов и медикаментов) калорийность такой пищи выше, чем у бекона! Кстати, торговля этой «едой» категорически запрещена по всей территории Штатов, включая Аляску, а изготовление строго лимитировано резервациями северных «нэйтив амери-канз» (коренных жителей Америки). Самое забавное в этом законе — а кто же, кроме самих эскимосов, такое купит?

Ещё чуднее «консервы» у «нэйтив канадиенс» — канадских инуитов. Эти умудряются «сгноить впрок» целого кита!

Однако индивидуальная история такой вот толерантности к трупным ядам у каждого представителя северных народов отслеживается легко. И начинается она с самого-самого рождения. Чтобы новорождённый не плакал, ему вместо соски дают сосать кусочек сырого мяса на нитке. Привяжут, чтоб не проглотил, и в рот. А меняют эту «соску», когда мясо, как

бы это сказать... попахивать начинает. Потом вместо кашки кровушки оленьей попить дадут. Потом и ломтиком копальхема побалуют. Вот постепенно и развивается толерантность к птоаминам.

Ну и последнее, что известно любому судмедэксперту, работавшему с эксгумированными останками. Если захоронение производилось в плотную глинистую землю и в сравнительно герметичном гробу, то без доступа кислорода труп не гниёт, а переходит в состояние, называемое «жировоск». Такое я видел, а вот копальхем не приходилось, но сдаётся мне, что биохимические превращения там весьма сходные. Хотя весьма затруднительно сей процесс отнести к кулинарии...

Душ с расчленением

В начале 80-х недалеко от Финляндского вокзала в Ленинграде велись земляные работы. Отсыпали здоровую насыпь на Выборгской железнодорожной ветке. И вот один из бульдозеристов заметил какие-то куски в земле. Мясо напоминают. Остановился, вышел и обомлел. Мясо-то с человеческой кожей оказалось. Работам стоп, звонок в милицию.

Менты приехали, попросили раскопать. Извлекли мяско. Больше ничего не нашли — ни одежды, ни иных зацепок. Куски мелкие, но почти целый труп складывается. Явно мужской. Лицо восстановить невозможно — череп сильнее всего разбит и фрагментирован. Труп должен быть свежий, больше двадцати четырёх, но менее сорока восьми часов. Метод расчленения не ясен. Края явно не резано-рубленые. Да и вообще какие-то странные. Выглядят, как будто эти фрагменты человеческого тела помыли, вроде как мясо перед варкой. Чушь какая-то получается — помыли и закопали. Уверенно определить, откуда земля, приехали ли куски на самосвале или захоронены на месте, оказалось сложно. В одно и то же место одновременно по крайней мере с восьми точек землю возили. Да и грунты схожи, плюс всё перелопачено здорово.

Вся надежда на экспертизу. Взяли пробы землицы, собрали куски, разложили по кулёчкам и отправили на кафедру судебной медицины, что в Военно-медицинской академии. Определяйте, товарищи эксперты, откуда тело приехало, по той земле, что на мясо налипла. Заодно заключёнице дайте — что это такое интересное с трупом сделали. Ну и главное — причину смерти, если сможете.

Собрались светила экспертизы. Сняли первично налипший грунт. Быстро выяснили, что останки расчленённого тела были закопаны в землю, которую свозили с метрополитена. Следов крови в грунте нет — расчленение на месте исключается. А вот с самим способом расчленения и причиной смерти проблема. Ни на что не похоже — не пилено, не разорвано, не передавлено. И в то же время чем-то все способы сразу напоминает. Никаких дополнительных ран-травм на фрагментах не обнаруживается. Сердце-почки-печень в норме. Похоже, был здоровый молодой парень семнадцати-восемнадцати лет. И вроде как его живого по щучьему велению на запчасти разобрало.

Подготовили ткани на микроскопию. Ещё загадочней — ткани водой напитаны, вроде как кто её туда под давлением закачал. Догадочка одна возникла. Так как подобное в кафедральной практике не встречалось, решили провести эксперимент. Заказали молодого поросёночка со спецфермы и послали гонца в поликлинику академии за инъектором для солдатских прививок. Этот аппаратик без иголок укол делает — напором жидкости кожу прошивает. И поросёнок нужен был не для шашлыка — просто у маленьких хрюшек кожа и мясо по механическим характеристикам на человекьи похожи. Вот этому поросёночку кучу уколов обычной водой сделали, потом умертвили, а места уколов изучили под микроскопом. Картина

разрушения тканей идентична с найденными кусками. Для верности ещё холодный труп покололи — там размозжение иное. По результатам экспертизы и следственного эксперимента интересная вещь получается — расчленили живого человека, порезав его струёй воды под громадным давлением! Об этом и доложили следакам. Дальше распутывание дела заняло часа три.

Оказалась вот такая история. В Метрострое была водяная пушка. Такая штука в горнодобывающей промышленности используется — она даёт струю столь большого давления, что та выбивает камень куда быстрее отбойного молотка. В СССР гидропушки популярны были — беспыльная выработка, вроде как о здоровье проходчика забота. Вот и совали этот метод куда ни попадая, в том числе и на строительство метрополитена. Но там грунты мягкие и от такой пушки толку никакого. Не пропадать же добру, и работяги нашли этой «брызгалке» хорошее применение — на самом малом напоре смывали грязь в построенном туннеле. Работала эта пушка всего ничего, а всё остальное время стояла без дела для голой отчётности.

Пришли в Метрострой два пэтэушника на практику. Работали с месяц, пушку при них ни разу не включали. Да они и не знали толком, что это. Знали — туннель мыть. Каждый день после работы были грязные и потные, а до душевых далеко было тащиться. Вот этим умникам после конца смены пришла в голову блестящая мысль — далеко не ходить, а прямо на проходке помывться. На гидропушке была надпись: «При большом давлении струя горячая». То что надо! Устройство в управлении простое. Врубают давление на максимум, чтоб душ приятней был. Один разделся и под «краник» стал. Другой у пульта струю врубает. Ну водичка и того — дружка пополам.

«Оператор» испугался. Хоть и непреднамеренное, а убийство. Лет на шесть по минимуму. Вокруг никого, свидетелей нет. Парень решил выкрутиться — положил дружковы половинки на толстый стальной щит и покромсал той же струйкой. Потом куски закопал прямо на ленте землепроходочного комбайна, а место происшествия хорошенько замыл. Утром транспортёр скинул дружковы останки прямиком в самосвал — никто ничего бы и не заметил, если б не бульдозерист.

Пошёл-таки парень за непреднамеренное, но уже с весьма отягчающими.

Клинч

В конце 1982 года в клинику военно-полевой хирургии поступил по «скорой» экстренный больной. Парнишка лет четырнадцати с многочисленными рваными ранами конечностей и разорванным горлом. Необычным довеском к такому букету шло сквозное пулевое ранение кисти правой руки. Пятно въевшихся в кожу пороховых газов свидетельствовало, что выстрел в руку был сделан почти в упор.

Раненый был без сознания, в тяжёлом шоке от обильной кровопотери. Станным было и то, что подросток был абсолютно голым. Обычно все травматикки одеты, и медсёстры безжалостно режут одежду ножницами, прежде чем подать тела хирургам на стол. Иногда частичное раздевание производит «скорая», но тогда привозная бригада обязана скинуть шмотки по месту доставки больного.

Опрос самих «извозчиков» тоже никакой ясности не дал. Вызов был ментовский, целевой. Причём запрашивали сразу реанимационную бригаду. Адрес в самом блатном доме Ленинграда — возле Домика Петра, где куча сталинских скульптур на крыше. Когда прибыли, дверь в квартиру была взломана, парень валялся в луже крови и уже без сознания. Менты

тоже ничего не объяснили, да и особо спрашивать было некогда. Сказали только одно — доставить в Военно-медицинскую академию, где лечение получше, а трёпу поменьше. Видать, какого-то туза сынок.

Особо болтать времени нет. Неотложная реанимация — растворы по жиле струйно. затем эритромассу и цельную кровь-матушку. Ну и в операционную — срочная остановка кровотечения, а дальше хирургическая обработка ран. Чуть резать, а больше шить да латать, запихивая куда возможно дренажи для оттока раневого экссудата — главная мера профилактики инфекционных осложнений. Хирургам ещё ничего, а вот реаниматологи подёргались, побежали за ночь. Но вытянули. Наутро давление стабильное, если бы не литр вколотой наркоты и прочей дряни, уже бы паренёк в сознанку пришёл. А так лежит под аппаратом искусственного дыхания.

Среди ночи в клинику звонок от дежурного по академии: к поступившему больному приедут родственники, приказываю их в клинику пропустить! Как не можете? Какая стерильность? Как в реанимацию не положено? Пропустить без разговоров под мою ответственность! Приказ не обсуждать!

Через пять минут ещё один звонок, теперь от начальника клиники генерала Дерябина. Тон уже человеческий: ребята, сам бы всем голову за подобное па-мыл, но уж сильно «блатной» нажим. Придут — им маски на нос, бахилы на ноги, халаты на всё остальное. Проводите папочку с мамочкой до сына.

Припёрлись на персональной «Волге». В руках здоровые сумки с деликатесами. Смех — и это в реанимационный зал! Ну, разъяснили большим людям, что горлышко у вашего отпрыска порвано. Ему такое ещё долго не кушать. Кормить его будем сами, вначале по вене, потом протёртой бурдой через трубочку. Проводили к «телу», ну и намекнули — посмотрите, поплачьте, но лучше валите от сюда. Пользы от вас нет, а мешаетесь сильно. Переведём наверх в общее отделение — тогда и милости просим.

Ну, мамаша повыла чуть, папаша молчком слёзки повиытирал, наконец засобирались на выход. Ответственный хирург в расспросы родителей подался. Что случилось-то? А родители несут какую-то ахинею. Мама грузит, вроде как пришёл мент с собакой, а у нас своя собака, редкая смесь волка и сибирской лайки, те подрались да сына искушали. Папа несколько иную версию излагает — мент в нашу волко-лайку выстрелил, вот она сына и покусала. Ну вроде и сыну до кучи руку прострелил. Ясности мало, но хоть стало понятно, что основная травма — результат укусов собаки.

Смену менять, а тут милиция и следак в клинику заявляются. Вообще-то, в полевой хирургии это частые гости, иногда и не раз за день. Одно неудобство — сдающую смену с ночи задерживают. Один мент, совсем молодой сержантик, повёл себя нетипично — перед дежурным хирургом на колени упал. Попросил дать медописание в уголовное дело в свою пользу, так как родители того мальчика уже на Колыму его посылать грозятся. А всё за то, что он их отпрыску жизнь спас. Только папа-туз очень не хочет, чтобы правда где-то всплыла...

А правда оказалась простой.

Из элитного дома поступил звонок в ближайший опорный пункт милиции от соседей — за стеной погром и нечеловеческие вопли. В том доме, кроме белой горячки, проблем никогда не было, там на входе вахтёры. Ну, на всякий случай послали самого молодого. Пойди посмотри, если что, то свяжись по рации. А если «белый конь», звони «03». Приходит сержантик по адресу. За лакированной дверью действительно погром и вопли. Звонит, стучит — никто не открывает. Спустился до вахтёра, у того, на счастье, здоровый лом имелся, лёд перед подъездом скалывать. Звякнул сержант коллегам и давай этим ломом дверь ломать. Возня продолжается, но крики стихли.

Врывается мент в квартиру и видит сюрреалистическую картину: подросток с разорванным горлом СНОШАЕТ здоровенную собаку! Собака пытается подростка кусать, а тот из последних сил правой рукой её за голову удержать пытается. Левая рука изгрызена и висит плетью. Вся хата в крови, обстановка погромлена. Сержант хватает подростка и пытается оттянуть от собаки. Не выходит — как склеились! Собака пытается и мента покусать. Достает сержант пистолет и бух собаке в голову. Да с перепугу через руку «партнёра». Собака пару раздёрнулась в конвульсиях, и тут же парень из её влагалища вывалился. Говорить не может из-за травмы горла. А через несколько секунд вообще сознание потерял. Вызвал спаситель «скорую», а тут и другие менты подкатили. Вот и вся картина происшествия...

Не поверил ответственный хирург. Не поверил, потому что история слишком уж на устное народное творчество смахивала. Ну кто не слышал баек про то, как Он Её, а тут Муж. А у Неё — того, зажал. Вместе склеенных выносили. Так вот, с женщинами такого не бывает! Брехня это. Бывает женский патологический спазм влагалища — по-медицински называется вагинизм. Так вот, при вагинизме туда засунуть невозможно, а оттуда вытянуть проблем нет. Тем более когда грызут до смерти. Да только вот собака не человек...

Снимает тогда хирург телефон и звонит начальнику кафедры биологии, профессору Щербине. Извинился за странный звонок, конкретно историю описывать не стал, спросил в принципе — с собакой сцепиться реально? На другом конце провода категорическое: «Да, да, да — элементарный клинч». Почти как в боксе, когда друг на друге виснут. Оказывается, клинч — это научный термин в зоологии семейства Canis (собаководных). При размножении шакалов, койотов и волков это обязательное состояние самки. У собак такая реакция слабее, но тоже наблюдается весьма часто. У волков же клинч длится от двух до пяти часов. Специальные мышцы влагалища так плотно сжимают половой член самца, что вытащить его, не порвав самку, просто невозможно. В этой беззащитной ситуации много молодых зверей гибнут от клыков конкурентов — матёрых волков и волчиц, но даже перед смертью не могут расцепиться. Природное значение этого явления не ясно, но известно, что если пытаться разнять таких партнёров, то самка будет испытывать страшные боли, ну и, разумеется, будет кусаться. Но и тогда не расцепится. Возможно ли это у гибрида собаки с волком? Не только возможно, но и неизбежно. Правда, в одном только случае — сука «горячая» должна быть. В смысле в течку.

Следователь положил на стол заключение ветеринара-кинолога, осмотревшего труп гибридной собаки. Сука в разгар течки, во влагалище обнаружена свежая сперма. Значит — всё-таки клинч.

Мой ласковый и нежный зверь

Вообще-то, зоофилия распространена гораздо шире, чем об этом говорят или пишут. Но говорят об этом обычно те, кто сам подобным не занимается. Поэтому почти все сведения о зоофилах случайны. И вот ведь какая интересная закономерность: о зоофилах узнают в первую очередь не психиатры, которым вроде бы по роду деятельности положено с таким явлением дело иметь, а врачи «неотложек» и urgentные хирурги.

Человеческий организм хрупок...

Эта история произошла в маленьком гарнизонном госпитале вблизи посёлка Угулан, что на побережье Охотского моря. Впрочем, любая «близь» там относительна — от части до Угулана ещё ехать порядочно. Места малолюдные, до больницы далеко, и поэтому военным медикам часто приходится оказывать помощь гражданскому населению.

Как-то раз заезжает во двор госпиталя выдавший виды «зиллок» из местного рыбпромхоза. В кузове грузовика набросано соломы, а поверх лежит девушка без сознания. Рядом мать и подруга. Спрашивают, что случилось, мать ничего не знает. Она в полнейшей растерянности, похоже, действительно не знает. А вот подруга тоже молчит, но только отчего-то жмётся к стенке. Губки поджаты и глазки бегают...

Сняли девушку, положили на каталку, отвезли в приёмный покой госпиталя. Там полностью раздели, пришли хирург, терапевт, реаниматолог... И тут замечают, что на простынке, которой была покрыта каталка, красное пятно. Откуда? Да между ног. Госпиталь малюсенький, нет там гинеколога. Ближайший за триста вёрст — в Магадане. Придётся самим. А гинеколог оказался и не нужен — кровь из заднего прохода сочилась. Небольшой разрыв на анусе. Пока реаниматолог устанавливал систему для внутривенных вливаний, хирург быстро пальцевое исследование заднего прохода провёл. И обнаружил там сперму. Эге, вот какое дело! Изнасилованием с причинением тяжких телесных повреждений такое называется. Статья 117-я, а учитывая возраст потерпевшей (несовершеннолетняя), то ещё и 119-я.

Кто же это мог быть? Беглые зеки, бичи, старатели, залётные гастролёры? Местные — рыбаки да охотники — на такое не пойдут, нравы Севера строгие. А может, это наши солдаты постарались?..

Но рассуждать некогда — похоже, повреждения внутренних органов серьёзные, срочно девушку на стол. Едва догадались стерильными тампонами смазы из заднего прохода и влагалища взять. И на счастье, фельдшер, который у них за лабораторию отвечал, дельный попался. Перед тем как положить этот материал в пробирки и поставить в холодильник, он тампонами мазнул по стёклышкам для микроскопии. Подписал, что откуда, — получились готовые микропрепараты, разве что не прокрашенные. Вот молодчина, здорово помог следствию!

Места глухие, следовательно придётся на вертолёте сюда лететь. Поди знай, когда он явится, а тут ещё и погода нелётная...

Когда разрезали живот, по всей операционной завоняло фекалиями. Среди розовых кишок прятались коричневые колбаски — самая мерзкая находка для хирурга. Без разрыва кишечника такое в брюшную полость не попадёт. Причину нашли быстро — ректальная ампула, самый последний участок прямой кишки, разорвана по длине. Края раны рваные — явно такое возможно только в одном случае — если в задний проход забить что-то твёрдое, например палку. Да, настоящий садизм... Хирурги рассуждают, а их руки тем временем ловко вылавливают вышедшие из разрыва фекальные массы и бросают их в стоящий подле стола тазик на треноге. Вонь так и лезет под маски. Вот наконец последний кусок. Подбежавший санитар сразу уносит таз, воздух в операционной становится чище.

Меняются халаты и перчатки, кто-то по-быстрому пошёл перемиываться — в дерьме измазался, стерильности, понятно, никакой. Теперь начинается самое сложное. Нет, не ушивание ампулы прямой кишки. Это тоже весьма мудреная процедура, требующая хорошей сноровки, твёрдых знаний и навыков. Но не от этого разрыва исходит главная опасность. Каловый перитонит, или воспаление брюшины, обсеменённой микрофлорой фекалий, — вот это враг номер один. Вначале заполнили брюшную полость физраствором, «прополоскали» в нём кишки, потом электроотсосом откачали. Затем залили раствором фурацилина, постарались промыть каждый закуток брюшной полости. Но удалить таким образом бактерии невозможно. Можно только уменьшить их количество, но всё равно останутся в брюхе миллиарды кишечных палочек да всяких пептококков. До начала эры антибиотиков каловый перитонит означал смерть. Теперь же есть надежда. Правда, далеко не стопроцентная.

К сожалению, надежда на антибиотики не оправдалась. Разлитой каловый перитонит цвёл пыльным цветом, не обращая внимания на самые сильные дозы новейших лекарств.

Брюшную стенку в таких случаях даже не зашивают полностью, но повторные промывания бактерицидными средами, дренажи и трубки, через которые внутрь брюха подавались растворы и оттекало гнойное содержимое, тоже особого эффекта не имели.

Девушка умерла, не приходя в сознание, как раз когда прилетел следователь. Он и отправил обратно вертолёт с телом умершей, двумя пробирочками и теми лабораторными стёклами, что были взяты в первые минуты при поступлении. Понятно, что отправил он это областному судмедэксперту.

Вскрытие трупа мало что дало — прошло много времени с момента предполагаемого изнасилования, а ушитая рана изменила свои очертания. Можно, конечно, хирургические нитки снять и попробовать восстановить края на момент травмы, но и это почти бесполезно. Лучше воспользоваться описанием самих хирургов. Травмирующий объект должен был быть твёрдым и, скорее всего, с коническим, но не острым концом. Впрочем, теперь это всё гадания. Из сопутствующих повреждений только небольшая ссадинка и синяк на спине. Повреждений в паховой области и на внутренней стороне бёдер никаких — очень странно для столь садистского изнасилования. Об этом и записали в протоколе.

Дошло дело до мазков. Покрасили гематоксилин-эозином. Теперь можно и под микроскоп. Влагалищный мазок пустой. А вот в ректальном точно сперма, да ещё какая — сперматозоидов навалом. Правда, они чуть-чуть странные. Головка нормального сперматозоида окрашивается немного неравномерно — передний конец более светлый. А эти тёмные... И пропорции несколько иные. Опять же — едва заметная разница в соотношении размеров головки и среднего участка — небольшого утолщения, переходящего в хвост. Но известно же, что около четверти сперматозоидов в обычной сперме здоровых мужиков имеют те или иные дегенеративные признаки. Списал судмедэксперт свои догадки на индивидуальные особенности конкретного индивида и значения им не придал. А зря... Золотое правило патогистологии: сомневаешься — положи для сравнения рядом контрольный препарат с нормальным образцом и сравни. Нашлось бы ещё кое-что интересное, например разница в размерах.

Тем временем следователь вплотную занялся подругой потерпевшей. Кстати, подруг звали Лена и Надя. Лена в морге, а Надя показания даёт. Вначале отнекивалась: мол, не знаю ничего, а потом разрыдалась и рассказала, как было дело. Не было никакого изнасилования. Была странная девичья забава, кончившаяся так неожиданно и страшно.

Подруги приезжали в поселок только летом, на каникулы. В остальное время они жили порознь — Лена в Магадане, Надя в Охотске, где учились в профтехучилище и десятилетке-интернате. Были они одноклассницы, и исполнилось им по шестнадцать лет. Отец Лены работал зоотехником на свиноматке. Несмотря на то что главным делом посёлка было рыболовство, местный рыбпромхоз имел небольшое подсобное хозяйство, где выращивал мясо для своих рабочих. Свиноматка была маленьким, и по штату, да и то неофициально, работал там лишь один зоотехник. Летом, когда путина и все в море, в посёлке скучно. Вот и пошли девушки помочь Лениному отцу на свиноматку. А у того ответственный день был — он свиноматку до хряков подпускал. Девчонкам на такое смотреть не разрешил, но те всё равно увидели во всех деталях — залезли на чердак да залегли в соломе. Вот загнал папаша свинку к хряку, тот взгромоздился, но попасть куда надо не может. Отец хватается хряка за детородный орган и суёт его по назначению. Истощенный визг свиноматки, довольное повизгивание хряка — дело сделано. Закончив с осеменением, батя достал початую бутылочку беленькой, хлебнул из горлышка за будущий приплод, а потом ушёл в посёлок. На сегодня ему здесь делать нечего.

Девушки долго лежали на соломе в вонючем свиноматке, смачно обсуждая увиденное и возбуждая друг друга рассказами о своих половых связях «на Большой земле». Потом решили спуститься и самим попробовать провести осеменение — уж очень им понравился

вид совокупляющихся свиней. Впустили хрюшку к хряку, картинка повторилась, и опять хряк попасть не может... Тогда Лена набралась смелости, схватила хряка за член и точно так же, как делал её отец, направила. От этого прикосновения её тело аж вздрогнуло от разлившегося возбуждения. Дождавшись конца случки и разогнав свиней по клетухам, девушки пошли в посёлок по домам. На полпути Лена сказала, что забыла на свинарнике часы, пусть подруга идёт одна, а ей надо срочно вернуться. Ведь если их найдёт отец, могут быть лишние вопросы... Логично. Так девушки и расстались.

Вечером в дом к Наде постучалась мать Лены. Оказывается, та дома так и не появлялась. Наде что-то подсказало, что поиски надо начинать со свинарника. Но в свинарнике Лены тоже не оказалось. Правда, самый стройный и молоденький хрячок свободно разгуливал меж клетухов, а дверка в его загончике оказалась настежь открытой. На сетке, огораживающей клетух, висела Ленкина кофта, а на столике, где её отец-зоотехник вёл журнал по уходу за своим свинским хозяйством, лежали трусики и колготки.

Лену нашли у ручья за свинарником. Та лежала у воды без сознания. Мать осталась с дочерью, а Надя побежала в промхоз за машиной. Девушку отвезли в госпиталь, а дальше товарищ следователь и сам всё знает. На вопрос, кто же изнасиловал Лену, Надя отвечает просто — вот тот хряк и изнасиловал.

Посмеялся следователь над такой версией. Свиньи людей не насилуют. Кусают, грызут, даже, бывает, полностью съедают, но не насилуют. Вариант отпадает как полностью бредовый. Но как бы там ни было, за неимением никаких улик и других подозреваемых надо эту бредятину отместить научно.

Следак звонит судмедэксперту и задаёт ему глупый, казалось бы, вопрос: «Слушай, док, а случаи женской зоофилии со свиньями в науке описаны?» Оказывается, описаны, пусть и как казуистика. Причём и исходы такого сожителства известны — очень часто подобные дела заканчиваются серьёзной травмой, в основном от копыт животного. Свинья в три раза тяжелее и намного сильнее человека. Но встречается и более специфическая травма — промежностные разрывы. Дело в том, что член у *Sus scrofa* (домашнего кабана) закручен на манер штопора, а головка заострена. Кроме кавернозных тел и спонгиозных хрящей, в физиологии спаривания свиней большую роль играют специальные мышцы по бокам пениса. С одной стороны, чаще всего справа, они гораздо сильнее развиты, чем с другой. Поэтому во время полового акта кабаньих член действительно подобен штопору — он с силой вкручивается в свиноматку, словно гигантский шуруп. Да и топографическая анатомия Ното и Суидеа (людей и свиней) заметно разная. Если представить себе женщину в роли свиноматки, то очень вероятно, что оружие попадёт чуть выше — в задний проход, и тогда разрыв прямой кишки гарантирован.

Ну что ж, оказывается версия не так уж и глупа, как казалось ранее. Дело за малым — проверить серологическим методом: а чья же сперма? Антигены не врут. К великому изумлению Ленкиных родственников и вообще всех, кто её знал, дело о садистском изнасиловании со смертельным исходом было закрыто из-за отсутствия состава преступления. Её смерть — пусть редкий, но несчастный случай при совершении полового акта по обоюдному согласию. Иммунология подтвердила — сперма оказалась свиной. А вот как там уж дело обстояло... Остаётся только гадать.

Криминальные аборты

Это тело выглядело впечатляюще, такое на всю мирную жизнь запоминается. Похоже, что нам её сгрузили не с привычного микроавтобуса-труповозки, а с неведомой машины времени. Привезли или из концлагеря, или из блокадного Ленинграда. Помните этих ужасных дистрофиков? Не сразу поймёшь, где мужчина, а где женщина, — одни скелеты. Полнейшее истощение. На месте грудей, да и самих грудных мышц глубокие провалы межреберных щелей. Колени кажутся громадными узлами на прямых, тонких, как запястья, ногах-палках. Из-за истончённой, кажется, до полного отсутствия лицевой мускулатуры щёки впали, а рот и глаза приоткрыты, что создаёт картину предсмертного адского страдания.

Ну, хватит играть в эстетствующего судмедэксперта — если взглянуть на низ живота, сразу возникает здоровый профессиональный интерес.

В надлобковой области из ямой провалившейся брюшной стенки выпирает нечто. Такое чувство, что перед смертью она проглотила баскетбольный мяч — сюрреалистическое дополнение к картине страшного голода. Так, ничего пока не режем, давайте эту балерину сперва на весы. Ого! Аж тридцать девять килограммов на метр семьдесят восемь. А если выкинуть четыре-пять кило, что у неё в животе, сколько же остаётся собственного весу? Тридцать пять килограммов на такой рост — невероятно! И это в доме, полном еды. А ведь недавно здоровая была баба. Вот книжка из её поликлиники: два года назад — девяносто семь кило. Не просто рослая, но ещё и при весьма пышных телесах. Глядя на этот труп, такое представляешь с трудом.

...Полтора года назад Нелька действительно была знойной молодой женщиной округлых форм. Оптимистка и хохотушка, она своего лишнего веса совершенно не стеснялась. Диеты и ограничения на сладкие блюда ей были чужды, равно как ограничения на другие утехы. В Ленинград она приехала давно, в семнадцать лет, устроившись по лимиту маляром-штукатуром. Уже тогда Нелька была отнюдь не тихоней, хоть и неисправимой провинциалкой. Нравы второй столицы быстро придали ей некоторого поверхностного лоска, хотя и не тронули основного клубка дремучей сельской простоты, что сидела ядром в её душе. Все бабоньки из бригады были Нельке друзьями. Каких-либо сложных хитросплетений в людских отношениях она просто не замечала, и, наверное, поэтому в её комнате всегда было весело и шумно.

Соседка, долговязая Наташка, полная Нелькина противоположность, с таким образом жизни смирилась. Пожалуй, единственное, что её искренне огорчало, так это несхожесть их размеров — это исключало периодический обмен гардеробами для пущего щегольства. Водка и мальчики в их общаге были не в диковинку, равно как и периодические культпоходы в вендиспансер и женскую консультацию.

В неполные восемнадцать Нелька получила первый свой фингал — за якобы переданную гонорею.

На самом деле никакой гонореи тогда у неё не нашли, а нашли свежий острый трихомоноз и шестинедельную беременность. Нелька быстро из обвиняемой перешла в обвинители и обидчику спуску не давала, взяв того на пушку по двум статьям: она пугала его одновременной сдачей в вендиспансер и надвигающимися алиментами. Кавалер такой атаки не выдержал и буквально на десятый день прессинга смылся из Ленинграда куда-то, оставив после себя богатое наследство в виде радиолы, старого бобинного магнитофона, телевизора и холодильника. Исчез странно, практически не попрощавшись. В последний день принёс Нельке четыреста рублей денег и ещё один магнитофон — кассетную «Весну», которая постоянно жевала плёнку. Что-то говорил о море, какой-то путине, длинном рубле и старых

друзьях. Все ждали официальных объяснений с отвалной. Но он никому ничего не поставил, а просто выписался из общаги и исчез. От такой роскоши девки устроили пир на весь мир, а в ближайшую среду Нелька не вышла на работу по поводу первого абортного больничного. Среда для таких дел — самый лучший день — есть возможность дополнительно поваляться в выходные.

Нелька быстро разобралась в мальчиках-лимитчиках, правда, общажные залёты не прекратились. От тихого Славика она забеременела на своё двадцатилетие: пили-гуляли большой компанией, а как до дела дошло, то оказалось, что вроде все «заняты». Щуплый и маленький, он Нельке едва доставал до уха. Весь вечер она почти не обращала на Славика внимания, считая его случайным гостем со стороны и уж явно себе не парой. А получилось, что его же на ночь и оставила — все разошлись, а он как к стулу прилип. Правда, больше никакой любви с ним не было — на следующее утро чуть до драки не дошло с его подругой, которая облазила всю общагу в поисках загулявшего возлюбленного. Из-за этой глупой ссоры Нелька дотянула с абортom почти до конца третьего месяца, как будто желая показать своей сопернице, кто теперь хозяин положения. Однако Славик снял где-то хату, похоже, вместе со своей невестой, и больше в общаге они не появлялись. Искать же их ради продолжения скандала Нелька сочла глупым и пошла «облегчаться» во второй раз. Аборт прошёл с некоторым осложнением в виде температуры, и ей пришлось задержаться в стационаре на пять лишних дней. Там же выслушала гневную отповедь старой гинекологини о «какого чёрта дотянутом сроке» и небольшую лекцию о правильном подмывании, ведении календаря с крестиками и «вакууме» — сравнительно безопасном методе вакуумной экстракции зародыша на первых днях задержки менструации.

Менструация! Как много значит это не слишком поэтическое слово для женщины! Категория поистине архетипическая, апофеоз детородной функции, да и физиологически это драма — кровавые слёзы матки о несостоявшейся беременности. Месячка, менстра, течка — понятие, наполненное совершенно особым смыслом, отделённым от мужского и детского умов магической стеной сакрального, исключительно женского бытия. Её всегда так трепетно ждут, а когда она приходит, то с такой же силой ненавидят. Ненавидят за усталость и раздражительность, за вонь и головную боль, за прыщи и спазмы внизу живота, за кровь, когда страшно смотреть в унитаз, где, не дай бог, «аж кусками», за то, что между ног трёт, за таблетки, за грязные ночнушки и простыни в пятнах, за невозможность быть с мужчиной и за трудности всё это ему объяснять. А в советское время неизбежным атрибутом менструации были ещё и прачечные заботы — ареал обитания «Тампаксов» и «Котексов» на территорию Советского Союза не заходил, а подкладки строго ассоциировались с чем-то техническим, с ремонтом оборудования на производстве. Вата, марля и тряпки — вот атрибуты социалистической менструации, а фраза «я потекла» — её лозунг! Пожалуй, закончим оду этому физиологическому процессу и вернёмся в Нелькину общагу.

Был Новый год. Разгул праздника захватил весь этаж. Веселиться начали рано, и так получилось, что не в Нелькиной комнате. Это редкое обстоятельство имело следствием два половых акта с двумя разными парнями за один новогодний вечер. Потом прошло аж три недели, а долгожданного «периода» все нет и нет... Умудрённая жизненным опытом Нелька галопом помчалась в консультацию, чтоб успеть на вакуум. Процедура оказалась неприятной, но по сравнению с простым абортom действительно пустяковой. Выйдя из больничных стен, Нелька зло рассмеялась — до неё дошло, что она даже не знает, кто отец того высосанного комочка. Вообще, аборты плохо действовали на Нельку — на пару месяцев, а то и дольше она становилась злой на всех мужиков мира. Хамила им, делала мелкие гадости и всегда окончательно и бесповоротно рвала отношения с «виновником». Правда, после третьего аборта Нелька поумнела и сама стала покупать презервативы. Залёты прекратились. Правда, не надолго.

Появился Пётр. Ей уже двадцать шесть, а ему тридцать семь. Почему он пошёл лимитить «под старость», почему был без семьи, осталось невыясненным. Пётр стал Нелькиным

исключением. От него она залетела дважды за три года. Каждый раз Пётр предлагал ей выходить за него замуж, и каждый раз Нелька без сожаления ему говорила твёрдое «нет» и бежала за очередным номерком к гинекологу. Потом пару месяцев к себе не подпускала, ну а дальше... Дальше гормоны пробуждали от послеабортной спячки желание, которое вкупе с бесконечной Петькиной сексуальной дипломатией делали своё дело — она его прощала, по не до той степени, чтоб идти под венец. Тут ведь совсем не в возрасте было дело. Несolidный он был. На работе едва держался. Пил Пётр. Пил вечерами, пил в выходные. Пил много, хоть и без длительных запоев. Так пил, что мог обоссаться в ночь. Какая семья с таким? А что ходил он к ней три года, которые сама Нелька считала выброшенными, — так куда же деваться, уже не столь молода, и по-серьёзному с нею не знакомится никто... Трудно было от Петра отказаться. Хоть и алкаш, а культурный, не бил, не ругался. Песни пел под гитару. Водил не только в ресторан, но и в какие-то музеи, а бывало, что и на концерт или в театр. В общем, с ним было поинтересней, чем с остальными. А ещё Нелька знала, что он только к пей ходит. Для любой женщины факт значительный.

На её пышные груди и пухлые бока всегда было много ночных претендентов, но все они хотели «экзотики»: или разово, или когда их собственных подруг рядом нет. К тому же Нелька была куда доступней многих. Как Наташка-соседка шутила, тебе только покажи ключик, как двери нараспашку. Но ни случайные партнёры, ни многочисленные подруги блядью Нельку не считали. Никогда и ничего Неля не хотела взамен, оплатой ей было хорошо проведённое время и оргазмы случай от случая. Лимитные молодые ухажёры частенько были в семяизвержении неводержанны, да и в остальном необучены — навалятся, только заведут, как сразу и отвалятся с полной потерей интереса. Нелька пробовала поиграть в «недавалку», рассчитывая на более долгие ласки, но получалось даже хуже — и не потрогают, и не лизнут, а только злятся и домогаются побыстрее вовнутрь, да и то в основном словами, а не руками...

С Петром было не так. С Петром было «вкусно». Проси, что хочешь — сделает, да и сама готова сделать что угодно. Закусив угол одеяла или подушки, Нелька выла от неземного удовольствия, пусть и сквозь стиснутые зубы. В такие моменты даже Наташка не смущает, хоть вот она, совсем рядом, сопит себе под новым кавалером за тонкой простышкой, висящей на бельевой веревке, протянутой между кроватями. Утром она выгонит своего очередного новичка, бесцеремонно отодвинет эту символическую преграду и опять будет беззастенчиво разглядывать сплетённое Нелькино-Петькино якобы тайное соитие, правда, уже под одеялом. Её уже почти не стесняются, как и она их. Наталья, накинув одеяло на ноги, но оставив голыми свои тощие, распластанные груди, закуривает сигарету и, завидливо косясь на блаженную парочку, начинает привычно плакаться: мол, вам хорошо, а мне с моим мудаком хоть собственными пальцами до кайфа дотирайся...

Квартирный вопрос для всех троих застыл в самой глубокой вечной неопределённости — обещания отдельной комнаты в коммуналке и постоянной прописки уже не вызывали былого оптимизма; общажный быт и секс стали некой естественной и единственно возможной нормой жизни. Перемен не ждали. На двадцать девятом году жизни Нелька забеременела в шестой раз. Она стояла возле большого настенного календаря, раскрашенного зелёными Наташкиными крестиками и её красными ноликами. В который раз считала клеточки, тыкая в них погрызённым стержнем с красной пастой. Задержка получалась недельной. Дело дрянь, у неё уже выработалось чутьё на залёты. Пятница, вечер, а настроение на выходные окончательно испорчено. Сейчас прибежит Наталка со своей малярки, притащит два пузыря водяры. Полтора на сегодня, половинка на завтрашнюю опохмелку. На этой неделе её очередь в лавку бежать. За дверями заскребли, это явно не Наташка, у той или ключ, или будет лупить сапогом, если сетки в руках. Пётр, наверное. Нельку взяло зло, и она крикнула:

— Подожди, козлина! Щас я...

Она приоткрыла дверь. В щёлку из коридора боязливо заглядывала Верка, кастелянша, по

кличке Колобок. Маленькая и круглая, никогда и никем не любимая бельевщица обожала крупную Нельку, вроде только по-дружески, по-девичьи, хотя и с лёгким лесбийским оттенком. Нет, ничего такого откровенного, просто обнималась да целовалась, когда Верке было или очень хорошо, или очень плохо. Сегодня, похоже, было плохо, и Колобок пришла плакаться — к груди она прижимала бутылку «Пшеничной» и банку сосисочного фарша, вполне благородная закуска, а если добавить буханку хлеба, то ужин можно не готовить. С радости Верка обычно не угощала.

— Нелюнька, ты чего? Я тут к тебе. Недостача у меня за полугодие рублей на сорок. Но если что, то я пойду...

— Вер, да заходи. Я думала, что это мой коз-з-зёл ломится.

Нелька замолчала и опять тупо уставилась в календарь. Верка постояла у дверей некоторое время, видимо ожидая похвалы за водку. Потом поняла, что Нелька действительно зла, а поэтому обычных обниманий с чемиками, охочками да ахачками не предвидится.

Она по-хозяйски прошла к столу и стала хлопотать, как у себя в комнате, скрипя открывашкой по жести и звеня стаканами. Нелька последний раз ткнула стержнем в календарь, бросила его с досадой и стала помогать Колобку, хоть всех дел осталось вытрясти пепельницы да нарезать хлеб.

— А где Пётр?

— Пятница сегодня, он, поди, уж бухой. Давай садись, щас Натаха тоже водки принесёт. Надо сегодня нам, бабам, нажраться. С горя. Ой, залетела-а-а!.. Опять надо идти скребтись. На куски бы его порвала, алкоту, — два раза на неделю его гандоны из себя по утрам вынимаю. Придёт кобель, я его пошлю. Уже в натуре навсегда!

Наташа легка на помине — грохот страшный и дверь ходуном. Значит, с магазина.

— Да не стучи ты так, сестричка, уже открываем.

И действительно, на стол ложится сетка яблок, колбаса, сыр и, конечно, водка...

— Чего хмуримся, бабы?

— Ой, Наталья, день сегодня — труба! У Колобка опять недостача, у меня опять залёт. Наливай, поехали!

Часа через два компания уже была весьма во хмелю, хотя и не «навеселе» — минорная атмосфера шла в диссонанс с душно-загульной атмосферой комнаты, где запах свежесваренной водки сплетался с ароматами гастронома и вонью табачного дыма. Свет лампы без абажура (разбили каким-то транспарантом ещё Седьмого ноября, по пьяни после демонстрации) резкими лучами резал сизую мглу. Дым стоял слоями, и было видно, как эти слои дрожат в такт трём тоскливо, но громко поющим глоткам. Ни у одной не было заметного слуха, хотя голоса были у всех. Конечно, если судить не по тембру, а по децибелам. Классическая «Вот стоит калина...» чередовалась с «Миллионом алых роз» и «Ты такой холодным, как айсберг в океане. », а потом опять включалось нечто народное вперемешку с пошлым новым фольклором типа «Не ходите, девки, замуж...», ну и дальше там про сиськи набок... Когда в дверь опять постучали, исполнялась «А я люблю женатого...». Наташка как самая трезвая, ибо опоздала на первые пару стопарей, заорала «Открыто!». На пороге, покачиваясь, стоял Пётр, в его руках застыла бутылка, завёрнутая в коричневую обёрточную бумагу. Песня оборвалась на полуслове.

— Девушки! Марочное! — сказал он вместо приветствия.

Нелька сверкнула глазами и стала медленно вставать из-за стола. Притихшие подружки вжались в стулья. Разойдись она серьёзно, то Нелькиной силы хватило бы и на Петра, и на них. Совершенно молча Неля подошла к своему ухажеру, взяла из его рук бутылку и поставила её на холодильник, а потом развернулась и одним движением руки пихнула Петра назад в коридор. Тот опешил и от неожиданности сказал одно лишь глупое: «Как... э-э-э?» Нелька захлопнула дверь перед его носом, задвинула шпингалет и застыла, упершись рукой в косяк. Будто ждала, что сейчас будут ломиться. По подрагиванию её по-мужски выделяющихся мышц, привыкших к большому мастерку с раствором и долгим часам тяжёлой физической работы, было видно, насколько сильны и она, и её ярость. Как и ожидалось, через несколько секунд Пётр затарабанил, стал истерично спрашивать, что же произошло. Нелька крикнула одно короткое «проваливай», сильно ударив ладонью по косяку, и пошла к столу. Пару минут за дверью была абсолютная тишина. Нелька сидела в ступоре, уставив глаза в одну точку. Наталья решила взять инициативу на себя. Сдвинув стаканы, она стала торопливо разливать остатки второй бутылки. Чокнулись и быстро выпили без тоста. Наташка неуютно поёжилась, а потом скинула тапки и в одних чулках на цыпочках подошла к двери. Посмотрела в замочную скважину, затем приложила ухо. Через минуту заключила:

— Тихо вроде. Похоже, ушёл.

Атмосфера разрядилась. Посудачив минут пять, коллективно пришли к выводу, что сегодня Пётр уже не вернётся. Опять потянулись ложками за сосисочным фаршем, стали густо мазать его на хлеб. Решили, что открывать третью бутылку водки будет перебор, но выпить ещё хотелось. Пospорили — мешать или не мешать — и пришли к выводу, что бутылка марочного вина на троих — это немного, такое мешать безопасно. Вино оказалось грузинским, вполне приятным, но обыденным и дешёвым даже по советским понятиям. Дружно закурили «болгарские». Поиграли в игру, кто сможет с закрытыми глазами отличить «Опал» от «Веги» и «Стюардессы». Получалось не очень, и все пришли к выводу, что все болгарские сигареты, за редким исключением, насыпаются из одной кучи, просто в разные пачки. Вечер возвращался в привычную колею, и девичник опять созрел для пения. Решили начать с того, где прервались:

— «Парней так много холостых! На улицах Саратова-а-а...»

Дверь сильно дернулась, и шпингалет со звоном отлетел на пол. На пороге опять стоял Пётр. На этот раз в его руке был букет цветов. Дорогой. А по сезону — так и очень дорогой.

— Не злитесь, шпингалет я починю... Неля, что произошло? Ну чего ты молчишь? Натали, Верка? Ну объясните мне наконец. Если я где-то был не прав... Неля, как и когда я тебя обидел?!

Все опять заткнулись и хранили молчание. Колобок делала вид, что очень интересуется этикеткой только что выпитого вина, наигранно вертя в руках пустую бутылку. Наталка взяла тарелку и стала сметать туда крошки со стола. Одна Нелька сидела не шелохнувшись и не изменив своей позы, подпёрши кулаками вмиг погрузневшее лицо. Её глаза внезапно повлажнели, и она, пропустив почти всю песню, неожиданно громко и невпопад снова запела:

— «А я люблю женатого-о-о! С любовью справлюсь я сама, а вместе нам не справиться-а-а!»

Потом увидела, что её никто не поддержал, и тоже смолкла. Пётр подошёл к ней и положил перед ним цветы. Нелька заревела, а Колобок покатила закрывать дверь от взоров случайных многочисленных соседей в длинном общажном коридоре. Захлопнув дверь, она обернулась, чтобы убедиться, что ни её, ни Петра Нелька выгонять не собирается. Видимо, разговор по душам будет при свидетелях. В предвкушении интересного приключения она заперла изнутри замок, оставив ключ в замочной скважине. Нелька посмотрела на неё, потом

на Петра и бросила:

— Да сядьте вы, не мельтешите, без вас тошно.

— Неля, так что же случилось? Скажи мне правду! Мы ведь уже года три как договаривались не врать. Ты любишь женатого? Кого?

— Дурак! Дурак ты безмозглый. Никого я не люблю. А тебя так вообще ненавижу! Все мужики кобели, гады и сволочи. Ваше дело не рожать — сунуть, вынуть и бежать! Залетела я. Из-за тебя, козла, снова пойду на аборт. На шестой аборт! Да за мои страдания тебе надо яйца оторвать. Блядь, успеть бы на вакуум, а то опять скрести будут. Ох, не хочу... Больно!

Девки сидели тихо-тихо, медленно курили уже до рвоты надоевшие сигареты. За вечер обе пепельницы переполнились и походили на ёжиков, язык неприятно щипало от дыма, но они курили одну за одной — сигареты делали их как бы занятыми, невидимыми, не присутствующими при разговоре. Пётр встал, подошёл к телевизору и вытащил из-за него бутылку водки, спрятанную девками от случайных посетителей для завтрашней опохмелки — все их трюки давным-давно стали и его трюками. Спросил, кто будет. Колобок и Наталья отказались, Нелька сунула ему стакан. Стакан доехал до самого края стола и чудом не свалился. Пётр налил себе и ей. Выпил, закурил сигарету и сказал:

— Девочки, выйдите на минуту, нам тут поговорить надо.

Верка и Натаха недовольно переглянулись — их игра в «невидимость» не сработала. Наталья вопросительно уставилась на соседку — только намекни, я сейчас ему такой скандал устрою, как полноправная хозяйка комнаты, сам быстро вылетит, вместо того чтобы пас гнать! Однако Нелька едва заметно качнула головой в сторону двери. Подруги нехотя встали, Колобок высыпала пепельницы на газету, а Наталья подхватила пустые бутылки, чтоб не выходить совсем уж без дела.

— Неля, ты третий раз беременеешь от меня, и я третий раз тебе предлагаю выйти за меня замуж. Мы оставим ребёнка, мы подадим на малосемейку. Нам дадут, ну не позже чем через год после родов. А семейные с ребёнком, мы уже станем в нормальную очередь, не в коммуналку, тут ведь не меньше двухкомнатной...

— Заткнись.

— Неля, ну я ведь тебе же правду...

— Заткнись, я и так знаю, что ты правду говоришь. Только так не будет. Ты каждый вечер под газом. Ты же бухарь, алкаш конченный. Ты же как дорвёшься до халявы, меры не знаешь. Ты же тогда меня ночами обсыпашь! У таких дети уродами рождаются. Не-е-ет, в понедельник за номерком — и на вакуум. Замуж за него! Размечтался. Алкоголика мне на остаток жизни не хватало. Тебя вот выгоню, так, может, кого нормального найду! Вон Вика с шестнадцатой комнаты за ленинградца замуж через месяц выходит. А она на два года меня старше.

— Постой, Неля! Я ведь потому пью, что холост, что семьи нет. Да если бы семья, да я бы сразу бросил... Я бы подшил, я бы «торпеду» вколол! Я бы...

— Заткнись! Ты как мой отец, который...

Она пыталась рассказать про отца, которого абсолютно не помнила. В её памяти почему-то остались ножки их старого стола, много раз крашенные, облупленные, с оголившимися разноцветными пятнами из разных слоев. Рядом нечто эфемерное, синее, яркое. Вроде это вещь какая-то, а может, одежда. Этот неясный «звон» из самых ранних моментов памяти и был её настоящим отцом. Что-то сильное и страшное связано с этим мгновением, но что

конкретно, она вспомнить не могла да и не хотела. За невинным кадром ранних воспоминаний стояла вся драма её семьи: матери, бабушки, старшей сестры и — Фёдора.

Фёдор появился поздно, когда Нелька заканчивала пятый класс. За три года она кое-как научилась говорить ему дежурное «папа», а после восьмого ушла в училище и переехала в райцентр. И «папа» опять стал Фёдором. Зачем мать его взяла, она тогда не понимала. Сейчас ей кажется, что из-за денег. Фёдор был парализованным инвалидом первой группы, но резво катался по их маленькому домику на коляске, делал самодельные блёсны, крестики и цепочки, которыми мать вполне успешно приторговывала на базаре. Плюс пенсия по инвалидности... Она знала, что Фёдор не пил, то есть пил, но мало, а её настоящий отец пил много и что из-за её отца Фёдор инвалид. Точнее, не из-за отца, а из-за водки, которую они пили. Фёдор очутился в кресле, а отец в тюрьме, где и сгинул много лет назад. Бабушка и мама постоянно внушали девочкам, что с алкоголиками жить нельзя, хотя сами особыми трезвенниками не были.

Не отличаясь слишком философским складом ума, Нелька вполне владела умом интуитивным, простым, бытийным. Сама жизнь подтверждала их семейное проклятие: алкаши — это не мужики. Проблема была в том, что в их лимитной общаге и на их лимитной работе неалкашей было мало. А те, что были, на плотную, рослую и, в общем, некрасивую Нельку не глядели. А для нормальных городских мужиков, пусть даже разведённых, с алиментами и в возрасте, но коренных ленинградцев, она была из касты неприкасаемых, девочка на лимитной прописке. Остались пошлые сопляки, случайные любители «экзотики» в виде секса со здоровой коровой с вот такими жопой и дойками, или алкаши. Лимитные алкаши были более «своими», нежели городские. Ну а Пётр был лучший из худших. Это она ему и объяснила.

Пётр дослушал до конца. Глаза его стали очень серьёзными. В свои сорок он выглядел куда старше, а в этот момент казалось, что на него внезапно свалились ещё лет десять. Он медленно встал и сказал:

— Я прошу тебя, не делай аборт. Дай мне шанс. Аборт можно делать до трёх месяцев, сама говорила. Я бросаю пить сейчас. Я больше не пью совсем. Я готов подать с тобой заявление в ЗАГС. И если ты хоть раз увидишь меня пьяным, тогда ты права и между нами всё кончено. Тогда я алкаш и портить тебе жизнь не буду. И не буду я травиться антабусом и «торпедой». Я так брошу. Я завтра приду. Я каждый день буду приходить. Трезвый...

Пётр отставил стакан с водкой и вышел. Нелька его передразнила смешной гримасой, подождала, пока тот спустится по лестнице, и пошла в умывальную за водой для цветов. Там на подоконнике сидели её девчонки. Все вместе вернулись в комнату, где выслушали короткое Нелькино объяснение в три слова, вмещающее весь разговор: «Обещал не пить». Потрепались, сошлись на том, что это брехня. Наконец пьяное возбуждение сменилось апатией и потянуло на сон. Все поняли, что вечер окончен. Хозяйки разделись и улеглись по кроватям, а Колобок на прощание по-бабьи обняла Нельку, прижимаясь к её грудям и, говоря глубокомысленное: «Вот видишь, как оно, хотя, конечно, если нет, то тогда...», тоже пошла спать. Вставать и закрывать за ней дверь было уже лень.

Около десяти утра в их незапертую комнату вошел Пётр. Явно с похмелья, но не похоже, чтобы он чего добавил вчера. Из кармана достал отвёртку и шурупы, стараясь не шуметь, поставил на место шпингалет. После возлияний и нервотрепки девки спали или делали вид, что спали. Пётр убрал со стола, подмёл, помыл посуду, а затем залез в холодильник, чего-то там набрал и ушел на кухню готовить завтрак. Минут через сорок он внёс благоухающую сковородку жареной картошки со шкварками, кастрюльку отварных сосисок и кофе. Точнее, чайник с кипятком, кофе был растворимый. Нести в одной руке сковородку и чайник, а в другой парящую кастрюлю было крайне неудобно, и «спящая» Нелька пулей подскочила и помогла ему всё поставить на стол. Потом пнула Наташку, и они, как были в ночнушках,

побежали через весь коридор в умывальную. Пётр, зная их вкусы, сделал каждой кофе, нарезал огурцов и хлеба, намазал несколько ломтей маслом. Такой примитивный стол считался весьма приличным для лимитчиков и бывал у них далеко не каждый день. Не из-за бедности, получали ребята достаточно, а из-за лени и пренебрежения к собственным нуждам.

Вернулись бабы. Нелька хитро осмотрела стол и достала оставшуюся со вчерашнего початую бутылку водки:

— Голова болит, щас похмелимся разом на три стакана!

И она быстро разлила остатки на троих. По лицу Петра пробежала весьма заметная тень внутренней борьбы — его желваки заиграли, глаза забежали, горло дёрнулось, как будто он несколько раз подряд пытался что-то сглотнуть.

— Ну?

— Не буду я. Обещал. Ты мне нужней, чем водка. Ты и наш ребёнок!

Нелька хмыкнула и чокнулась с Наташкой. С утра, как обычно, пили за «лося». Чтоб спалось, еблось и любилось. Пётр молча наблюдал. Нелька сунула стакан ему в руку. Пётр понюхал водку и отделался стандартной шуткой про то, как такую гадость коммунисты пьют, а затем разлил свой стакан девчонкам. Нелька, похоже, удивилась по-настоящему и больше экспериментов на стойкость не проводила. Выпили за погоду, хотя окно уже чертилось длинными косыми каплями ледяного ленинградского дождя. Особых планов на день не было, но девок развезло «на старые дрожжи», и они страсть как хотели куда-то выйти. Порешили сходить в кино, а когда вернулись, то устали в телевизор до самого вечера.

Воскресенье выдалось солнечным. Наталка засобиралась на чей-то день рождения, где якобы много потенциальных кавалеров, а Нелька с Петром, как семнадцатилетние, просто вышли на улицу и поплелись по Ленинграду, как они говорили, «в далёкий поход» — от моста Гренадеров по набережной через Стрелку и дальше до Исаакия и Кировского, а потом назад длинным кругом через Невский, Литейный... Просто гулять. Приятно и бесцельно, до вечера, до страшной усталости в ногах.

Пётр приходил каждый вечер. Чтобы не искушать его, пьянки в Нелькиной комнате полностью прекратили. Временами, конечно, девки бегали на стопарь к Колобку или к кому из соседей, но в комнате ничего не держали. Через несколько дней Нелька снова пустила Петра к себе, резина ей была уже не нужна. В конце концов Пётр стал ездить к себе в общагу реже и реже, в основном по необходимости: дежурство по этажу, комендантское собрание, субботник или иная досада. Наташка удачно нашла какого-то мужика на стороне и тоже стала исчезать надолго, так что у Петра и Нели началась практически семейная жизнь. По обоюдному признанию самый счастливый период за всю их сознательную жизнь. Бабки на вахте к вежливому Петьке давно уже привыкли, а уж как он стал трезвенником, то и вообще души в нём не чаяли и относились к нему куда лучше, чем к законным жильцам.

К концу третьего месяца Нелька стала перед дилеммой — пойти и незаметно сделать аборт, ничего не говоря Петру, или соврать о выкидыше, якобы случившемся на работе. Её влекло на этот шаг по двум простым причинам. Во-первых, она видела, какого труда стоит Петру пройти мимо каждого винно-водочного магазина или пивной точки, она не верила, что такое может продолжаться долго. Вот если устроить испытание на год! Тогда, чем чёрт не шутит, может, он и вправду завязал? Ну а вторая причина была ещё проще: после трёх месяцев аборт в СССР было сделать нельзя. Легально нельзя. А перспектива родить и остаться без мужа, если тот снова запьёт, её пугала больше всего. Однако она недооценила его. Пётр почувствовал её сомнения и уверил, что через несколько месяцев она будет женой по паспорту, а потом ей туда впишут ребёнка.

И Нелька никуда не пошла. Пётр гнал её к врачу, чтобы провориться и встать на учёт, но что-то в Нелькином подсознании запретило ей это делать. Может быть, негативные ассоциации, связанные с этим заведением, а может, боязнь легально «засветить» свою беременность — после этого уже и криминального аборта не сделаешь, ведь Советское государство рабочих и крестьян начинало учитывать своих подданных ещё до их рождения. Нелька соврала Петру, что была в консультации, что доктор её посмотрел, всё, мол, нормально, и сказал приходить, если будет токсикоз, а если нет, то тогда прямиком на роды. Пётр не разбирался в тонкостях диспансерного наблюдения, и его такой ответ вполне устроил. Токсикоза у Нельки практически не было. Ну, воротила нос отдухов, три-четыре раза блеванула, а так если и подташнивало, то слегка и без особой головной боли. Прекрасная, легко протекающая беременность. На фрукты и хорошее питание денег не жалели. К концу пятого месяца Нелька бросила курить и стала пить витамины «Гендевит» — лучшее, что имелось для будущих мам в советских аптеках.

А на двадцать второй неделе у Нели впервые забился ребёнок. Вначале изредка, а потом чаще и чаще. Она сказала об этом Петру и положила его руку к себе на живот. Неопишуемая картина! Пётр, ощутив биение малюсенького человечка, с испугом дёрнулся, а потом застыл и долго-долго ждал очередного шевеления. Он испытывал гордость и какую-то детскую радость, когда его чадо напоминало о себе из кругленького Нелькиного животика то лёгким трепетанием, то по-настоящему хулиганским стуком в его ладонь через мягкие стены своей уютной квартирки. Пётр прижимал ухо к Нелькиному животу, ощущал биение щекой, попутно покрывая её пузо бесчисленными поцелуями, начиная с пупка, ставшего таким смешным, большущим и выпуклым. Единственной сложностью для Нельки стала работа. Она также исправно давала свою норму, но это ей давалось уже куда тяжелее. Запах красок она переносить не могла, а поэтому вламывала, как кобыла, исключительно на штукатурке. Без справки из консультации рассчитывать на облегчённую работу не приходилось, ибо официально она беременной не являлась...

И тут случилось несчастье. Окончательно убедившись, что Нельке деваться некуда, поняв, что теперь она по-любому выйдет за него, Пётр сорвался. Нет, он ни в коем случае не был каким-то злодеем, обманувшим её. Просто сдерживающие мотивационные механизмы в виде «выпьешь — пошлю на три буквы» перестали его пугать. Остальное: желание создать семью, любовь к Нельке и будущему ребёнку — всё это осталось. Он искренне хотел больше не пить. Он просто сорвался.

Самое страшное, что рациональная сторона его сознания оказалась абсолютно права — Нелька даже и не подумала его бросать. Всякие условия и ультиматумы оказались давно забытыми и несерьёзными. Нелька страшно хотела семью! Она стоически стала выискивать его по дружкам, тянуть пьяного к себе в комнату по крутым лестницам. От таких упражнений её беременный живот иногда побаливал, но не так чтоб сильно. Но Нелина любовь сослужила злую службу Петру — его тормоза совсем отказали. Она ведь даже не ругала его. Тихо стояла и плакала, отмывая его рвоту и стирая его трусы. Когда он был более или менее вменяем, просила, умоляла, стояла на коленях, валялась в ногах, шептала ему на ухо, вслух мечтая о будущем... Тщетно. У Петра начался запой, чего раньше никогда не было. Деньги исчезли полностью. Какие там фрукты и овощи — Нелька две недели ходила просто голодной. Конечно, можно зайти к соседям, к Колобку: эти последнее для беременной подруги отдадут! Нелька так и поступала, но только в моменты, когда совсем не могла. Да, она простая примитивная лимитчица, но и у неё есть гордость. Ей стыдно за Петра.

И вот Нелька не выдержала. Пётр пришёл пьяный и с ободраным лицом. Тут она ему и закатала первый, и последний скандал. А ведь это был день аванса! И он не дал ей ничего. Она сказала, что отныне она будет жить исключительно на свои деньги — ей нужно хотя бы элементарно нормально питаться. Но, видимо, запой уже сделал своё дело — Пётр совершил поступок, которого Нелька от него никогда не ожидала. Он вырвал из её рук её же кошелёк и быстро убежал. Она гналась за ним почти до вахты и, наверное, догнала бы, если

бы так не заколотилось сердце и не налился противной тугой болью низ живота. Испуганная баба Аня выскочила из своего закутка и усадила Нелю к себе на вахтёрский стул. Минут через десять боль прошла, и Нелька, размазывая сопли и закрывая рукой слёзы, пошла к себе в комнату.

Пётр вернулся часа через два. Гораздо пьянее, чем был, да ещё принёс с собой две бутылки водки. Он кинул Нельке её пустой кошелек и предложил с ним выпить. Неля молча взяла водку и выставила её за дверь. Вообще-то, было желание всё разбить, но она просто вспомнила тот вечер, когда только узнала о своем залёте, и ей очень захотелось повторить нечто подобное.

Её простенький расчёт сработал: Пётр вышел в коридор за водкой, а Нелька проворно закрыла дверь за его спиной. Не веря больше в надёжность шпингалета, заперла замок на два оборота.

— Ты, пусти, коза! Сука, чё делаешь?!

— Нет, теперь не пушу. Иди пей где хочешь, а не у меня в комнате. Жри свою водяру! Мне плевать. На тебя плевать!

— Ну и сука! Пойду и выжру! Всю выжру тебе назло!

Нелька бросилась на кровать и зарыдала, уткнувшись носом в подушку. Плакала долго и безутешно, пока слёзы не кончились и на смену им пришли глубокие порывистые вздохи, как бы с лёгкой дрожью. Такое бывало с ней очень давно, маленькой девочкой, когда после сильного и длительного рёва от несправедливой обиды вдруг внезапно приходило облегчение в виде таких вот шумных вздохов. Ей самой показалось на момент, что она опять в своём детстве, плач сработал как дежавю. Вроде она не прошедшая Крым и Рим тридцатилетняя стокилограммовая бабища, а снова маленькое, запуганное существо, спрятавшееся между тёплой печкой и здоровым мешком с тыквами от страшного огромного мира с коварно обижающими взрослыми. Эти внезапно наворачнувшиеся детские переживания стали приятны ей, она ещё пару раз вздохнула и закрыла глаза. Скоро перед глазами поплыли мутные большие картины, переходящие в неясные пятна, фиолетовые, синие, жёлто-зелёные на бесконечном бархатном фоне чёрной пустоты. А потом унеслись и они, и Нелю окутал тихий сон, каким спят вдоволь наревевшиеся дети.

Она проснулась под утро от страшного стука в дверь. Наверное, Пётр припёрся, кому же ещё.

Однако за дверью явно было несколько человек. Все, похоже, трезвые, голоса вроде знакомые — мужики со второго этажа. Накинув халат, она поспешила открыть. Точно, перед дверями стояли два парня из 28-й, по-домашнему одетые в «спортивку». Видно, что испуганы.

— Неля, Пётр умер. В нашем сортире. Мы в ментовку пока не звонили, к тебе вот пришли...

Втроём прошли в туалет. До Нельки ещё не дошла серьёзность происходящего, хотя она чувствовала, что парни её не разыгрывают. А может, Пётр просто мертвецки пьян? С интересом пересекла некую запретную линию мужского туалета и тут поняла, что парни не ошиблись. Пётр лежал поперёк унитаза, как на дыбе. Лицо его упиралось в зассанный пол и было налито синей трупной кровью. Рядом валялись две пустые бутылки. Нелька тихо присела, макнув полы своего халата в туалетную грязь. Она не плакала, ей не было страшно. Коснулась холодной шеи, поднялась и сказала:

— Ну вот и пиздец. Сгорел мой Петенька от водки. Надо бы ментам позвонить...

Потом она долго сидела на подоконнике в коридоре мужского этажа, подходили парни, своя родная лимита, что-то говорили. Она забыла, что бросила курить, стреляла горькую плоскую мужскую «Приму» и смолила одну за одной. Текли слёзы и сопли, она утирала их ладонью, пальцы становились мокрыми и мочили сигарету. Приехали менты, походили по туалету, попросили парней помочь вынести тело. Какой-то лейтенант задал несколько вопросов. Вопросы были простыми: когда видела последний раз, был ли пьян и сколько у него оставалось водки? А вот жила ли она с ним, беременна ли от него, это никого не интересовало. Нелька поняла, что вокруг смерти Петра копошатся лишь мелкие дежурные формальности с полным официальным безразличием. Ем быстро сунули подписать протокол свидетельских показаний а потом о её существовании забыли.

Новость моментально облетела общагу. В Нелькину комнату потянулись подруги с соболезнованиями, вскоре приехала Наташка. На работу Нелька в этот день не пошла. А на следующий вышла как обычно. Её душа переполнилась жалостью. Вначале было жалко Петра. Потом стало жалко саму себя — жизнь показалась окончательно сломанной. Машинально она прокрутила события на полгода назад, и её взяла досада: почему она послушала ту глупую клятву больше не пить, почему не пошла на аборт? Жалость и досада сменились гневом к тому, кто сидел в её пузе, — она больше не хотела этого ребёнка. Работалось плохо, однако Нелька с остервенением кидала штукатурку на стены, а когда та вышла, схватила ведро и сама побежала вниз за свежим замесом, подъёмника ждать не стала. Пусть будет выкидыш! Ломило руку от тяжести, дужка врезалась в пальцы, однако ничего не происходило.

Вечером к ней пришла Верка Колобок и рассказала один народный рецепт, как ребёнка весьма просто убить внутри, а потом вызвать преждевременные роды. Рецепт был прост: пачка лаврушки па стакан кипятка. Отвар выпить, а сам лист завернуть в марлю и засунуть на ночь во влагалище.

Тогда пачка лаврового листа стоила четыре копейки. Вечером Колобок зашла в магазин и взяла сразу десять пачек, к немалому удивлению продавца. Принесла их Нельке. Та, следуя сё инструкциям, запарила, настояла, выпила, завернула, засунула. Колобок просидела с Нелькой до часу ночи, однако ничего не произошло. Утром разболелся живот, но не сама матка. а сбоку, где придатки, хотя боль была терпимом. Поль ка пошла на работу, а вечером позвала Колобка, и они повторили процедуру. Результат был тот же, но живот болел уже меньше. После отвара немного мучила изжога, но, в общем, состояние было нормальное. День за днём они израсходовали семь пачек, и Нелька уже была готова отчаяться в Колобковой медицине, как вдруг ощутила, что метод работает: шевеления плода полностью прекратились. Она продолжала ходить на работу, таскать там тяжёлые ведра с цементом, однако роды не наступали.

Прошла ещё пара недель, и живот заметно спал. Неля не понимала, как такое возможно и что с ней происходит. Не может же ребёнок рассосаться! Работать стало очень тяжело, она быстро уставала, стала совсем слабой и начала терять вес. Навалилась апатия и безразличие. Каждый день к ней приходила Колобок, помогала с ужином, мерила температуру. Температура если и была, то небольшая, а вот аппетит пропал совсем. От вида и запаха еды Нельку рвало. Колобок чувствовала, что что-то не так, что-то идёт не по плану, чувствовала свою вину и боялась страшных последствий. Она умоляла Нельку ни в коем случае не ходить к врачу, ободряя её, что всё идёт как надо и роды с мёртворождением наступят со дня на день. Обхаживала Нельку как могла, даже когда та перестала ходить на работу. Из отдела кадров позвонили комендантше, и та пришла выяснить, в чём дело. Нелька страшно похудела и едва держалась на ногах. К счастью, Колобок оказалась рядом — объяснила комендантше, что Нелька на больничном, заболела с горя после смерти Петра. Такой ответ показался естественным, и из отдела кадров больше не звонили. Изредка приезжала Наталья, но и её Колобок убедила не поднимать шума. Непрошенных гостей быстро отводили под тем же предлогом душевной травмы, этим же объяснили и ужасный

Нелькин вид. Вскоре Неля настоль ко ослабела, что едва могла встать с кровати. Даже ходить в туалет стало неваготу. Работая в общаге. Колобок денно и ношно находилась с Нелькой, обслуживала её, принесла откуда-то стульчак с горшком, который выносила ночами, втайне от людских глаз.

Когда Нелькина худоба стала пугающей, дверь в комнату стали держать на замке, а перед дверью повесили простыню — Колобок боялась, что кто-нибудь увидит Нелькино состояние и вызовет «скорую». Теперь живот выделялся куда резче, чем даже тогда, когда Нелька была здорова на пике беременности. Как последнее средство, решили ещё раз попробовать лаврушку. Неля с трудом заставила себя проглотить противную жидкость и запихала в себя тампон с листом. Ей стало совсем плохо, живот скрутило, но не внизу, а в области желудка. Гримаса боли отразилась на её лице, но слабость и истощение взяли своё, и наступило забытие.

Колобок валялась рядом на Наташкиной кровати и читала книжку, когда зашуршал ключ в замке. Она подскочила и подбежала к простыне, отделявшей перед дверью импровизированную прихожую. Вернувшаяся Наташка недовольно крутила носом — в комнате стоял неприятный запах, неизбежный спутник стульчаков, уток и лежащих больных. Колобок попросила Наташку не шуметь, так как Неля спит. Но Неля уже не спала — она умерла.

На вскрытии быстро нашли причину интоксикации и следующего за ней истощения — пергаментный плод. В определённых условиях женский организм не отторгает мёртвый плод, а оставляет его в матке. Такой плод не может подвергнуться полной резорбции. Он частично рассасывается, истончается и становится как бы сделанным из парафина. Название «пергаментный» — это официальный термин. Для меня плод парафиновый или пластмассовый, потому что я пергамента за свою жизнь в глаза не видел, хоть и знаю, что это такое — тонкая, выделанная под бумагу кожа. Решено было его сохранить как учебное пособие для курсантов, и третий участник этой драмы нашёл свое прибежище в банке с формалином.

Ну а насчёт самой главной причины — лаврового листа... Думаете, я такой умный? Да ни в жизнь бы не определил, почему такое произошло, кабы не характерный запах желудочного содержимого и сами листья, извлечённые из влагалища.

Катапульта

Прапорщик Мишуков обслуживал катапульту — здоровенный механизм, чем-то похожий на парковый аттракцион. На небольшом помосте у высоченной решётчатой мачты стояло пилотское кресло, скользящее вертикально вверх по длинной рельсе. На этом тренажёре тренировали военных лётчиков аварийно покидать самолёт. В самолёте под креслом имеется специальный пиропатрон, который и выстреливает пилота словно ракету. Удовольствие не из приятных, но готовиться к таким ЧП надо. Вот и создали для этих целей машинку, имитирующую возникающие нагрузки. Тренировки на катапульте строго лимитированы — каждый «прыжок» даёт сумасшедшие нагрузки на позвоночник, а если переборщить, то и сотрясение мозга получить можно. А сколько раз Мишукову приходилось отмывать кресло от мочи и дерьма... Поэтому он каждого пилота просил сходить в туалет перед занятием.

Ещё об одном интересном применении вверенной ему техники прапорщик Мишуков узнал от своей жены.

Офицеры — народ мобильный, интересы Родины частенько кидают их с места на место, и,

разумеется, за ними следуют их верные боевые подруги и тылы — офицерские жёны. Прапорщики обычно более оседлы, ну и прапорщицы соответственно. Жёны прапорщиков в военных городках считаются старожилками, они всегда готовы встретить новеньких лейтенантш и капитанш и ввести их в курс дела, а те в свою очередь делятся с ними впечатлением и опытом с предыдущего места службы мужа. Так вот одна из новоприбывших и рассказала мадам Мишуковой об абортных возможностях катапульты. Говорят, что впервые это открытие было сделано случайно, во времена Юры Гагарина и Вали Терешковой, когда кандидаток на звание первой женщины-космонавта отбирали. Так вот одна из претенденток оказалась слегка беременной, и сразу после «отстрела» на катапульте у нее случился выкидыш. Ну оно и понятно — такие перегрузки просто отрывают плод от маточной стенки.

Мишукову эта мирная возможность его военного агрегата очень понравилась. Вот и решил он немного денег подзаработать и попрактиковаться в бесконтактной гинекологии. Вначале дело шло туго, клиентуры было мало. Но город Ленинград под боком, и молва о добром кудеснике туда долетела. Брал Мишуков немного, от трёх до десяти рублей. Со знакомых и жён знакомых не брал ничего. Лишних вопросов не задавал, порой даже имени не спрашивал, что многим очень нравилось. Тайком проводил баб на территорию части, сажал в кресло, пристегивал ремнями и кидал. Обычно хватало одного раза, но иногда приходилось повторять аж до пяти раз. Но успех был всегда, и успех стопроцентный.

Будучи человеком внимательным и заботливым, он после каждого «покидания самолёта» спрашивал пациентку, как та себя чувствует. А ну если пять раз подряд трясти придётся? Тут поневоле почувствуешь себя как после нокаута. В таких случаях Мишуков проявлял поистине джентльменские качества — после экзекуции он брал даму под ручку и заботливо доводил до самой станции и не уходил, пока не сажал её в электричку. Дальше он, правда, не следовал, боялся, что жена может неправильно понять. О своей частной практике на гособорудовании он языка не распускал, хотя и особой тайны не делал. Многие сослуживцы, видя Мишукова с очередной женщиной, только небрежно махали рукой: опять, мол, какая-то на катапульту «облегчаться» приходила.

А все же зря Мишуков ни о чём не спрашивал, кроме самочувствия после «полёта». Один вопросик ему всё же следовало задавать до посадки на тренажёр. Простой такой вопросик: «Какой срок беременности?»

Ирина залетела в отпуске — с подругой поехала в Геленджик. Море, фрукты, танцплощадки. Сама она в Луге жила, а на танцах повстречала парня из Питера. Двести километров — ерунда, считай, земляки. Если бы он из Москвы, к примеру, был или ещё откуда подальше, то она бы и в голову не брала; получила летнее удовольствие — и прощай. А тут близость жительства как-то на продолжение намекала.

Она уехала чуть раньше, он позже. Через неделю позвонил, пригласил к себе в гости. Очень хотелось продолжения отпускного рая. Она приезжала к нему, а он к ней. Но работа... Получалось только на выходные. Месяц молчала, а потом рассказала, что беременна. Отношения сразу закончились, а любовь осталась. У неё. А у него, оказалось, уже есть невеста, да и вообще Ирка ему не пара, а так, погулять, повеселиться.

Может, никакой невесты не было — не стыкуется невеста с полностью свободными выходными, да и не станет официальный жених у себя постороннюю девушку на две ночи оставлять. И потом, какие слова он до того говорил... Короче, Ирка решила оставить ребёнка. Дождалась до пяти месяцев, а потом передумала. Не видя «суженого» долгое время, быстро переосмыслила его «достоинства», и любовь сразу куда-то делась, да и матерью-одиночкой перехотелось быть. А если честно, то и раньше не хотела, просто ждала, что любимый вернётся. А коли любимый перестал быть любимым, то и на фиг такое надо.

Возможностей легально прервать беременность уже не было, но она вспомнила, что когда-то

одна подруга рассказывала ей, что под Ленинградом в одной военной части мужик на какой-то машинке делает такие выкидыши, что обзавидуется любой гинеколог! При этом сам в дырку не лезет и даже имени не спрашивает. Денег берет смех, червонец, да, наверное, и за бутылку с ним можно договориться. Прямо сказка! Ирина быстро разыскала ту подругу и узнала, как пробраться к чудо-знахарю. Оказалось просто — надо сесть на электричку и поехать в Горелово, там найти детский садик и спросить любую воспитательницу. Тот детсад для детей военных, а воспиталки там все военные жёны, они точно на этого чудесника выход имеют. На следующий день Ирина взяла отгул и поехала по указанной наводке, правда, без особой надежды на успех. Путь поиска этого «акушера» казался слишком уж нечётким и безличным.

Однако зря она переживала. Быстро нашла указанный детсадик. Как подойти, что спросить, как объяснить, что тебе надо и кого ты ищешь? Прямо не сказать — тут со стыда сгоришь. Лучше всего, решила Ирина, задать всего два вопроса: где тут лётная часть и не знают ли они мужика, который на «подбрасывающей машинке» там работает? Оказалось, что и часть недалеко, и мужика такого они знают. И даже догадываются, зачем она этого мужика ищет. Воспитательница оказалась участливая, сама куда-то позвонила, о чем-то договорилась. Ничего за это не взяла, а просто сказала, иди, мол, по этой дороге, пока не дойдёшь до здорового бетонного забора. Иди затем вдоль этого забора до зелёных ворот с красной звездой, а там тебя уж ждать будут. Отсюда за час дойдёшь.

Пошла Ирина, как сказали. Дошла до ворот, а там и вправду её мужичок-прапорок дожидается. Провёл за ворота. Вот и чудо-машинка. Спросила Ирина мужичка, сколько стоит процедура.

— А сколько дашь!

— Червонца хватит?

— Вполне! Ты только в туалет вначале сходи, уж если не по-большому, то хоть по-маленькому.

Объясняет: у мужиков — и то штаны мочит, а из баб так просто струей выбивает. Проводил до туалета, терпеливо сторожил возле двери, чтоб какой военный даму случайно не испугал.

— Ну вот и порядок, пошли на катапульту.

Сажает прапор Ирину в кресло, застёгивает ремни, показывает, как голову держать, как руки. Проинструктировал, отошёл к своей будочке.

— Готова?

— Да!

— Ну тогда поехали!

Бах, вжжжик — кресло улетело высоко вверх. Казалось, что не только матка оборвалась, но и само сердце, в глазах потемнело и челюсть потянуло вниз.

На высоте кресло быстро затормозило, ремни больно впились в тело и щёлкнули зубы. Не будь ремней, Ирину точно бы швырнуло на середину лётного поля через ближайший высоченный ангар и здоровые самолёты-транспортники. В одно мгновение копошившиеся вокруг них люди оказались малютками, а будка вмиг сократилась до размеров маленькой коробочки. Не успев толком испугаться такой высоты и того, что с ней произошло, Ирина ошалело глазела по сторонам. Потом мягко и плавно, словно лифт, кресло поехало вниз.

В ушах звенело, болел прикушенный язык. Ирина провела пальцем по дёснам, слюна была с

краснотой. Ну, это понятно почему. Плохо инструктаж слушала, вот и клацнула зубами до крови. Наконец кресло спустилось. Подошёл «доктор». Спрашивает, хватит или ещё раз. И тут Ирина поняла, что хватит. Дело сделано: под задницей у неё, похоже, стало мокро. Отстегнули ремни, Ирина извинилась перед добродетелей за неприличный жест и засунула руку себе под юбку. Точно не моча. Кровь!

И тут она осознала всю глупость своего положения. Она не взяла с собой ни ваты, ни тряпочек-подкладушек. Было крайне неудобно, но пришлось сказать об этом «доктору». Те тряпки, что нашлись у него, подкладывать было страшно — в саже и масле. Ещё порылись в поисках чего-либо подходящего и наконец нашли кусок грубой дерюги. Кровь она впитывала плохо, но тут прапорщик наткнулся на пачку старых растрёпанных листов. За неимением лучшего она попыталась подложить один из них под трусики. Все же не так быстро потечёт, когда дерюга напитаётся.

Прапорщик спросил, как она себя чувствует, тошнит ли её, кружится ли голова и не охота ли блевать. Ничего такого не было. Значит, сотрясения нет, можно спокойно проводить её за ворота, а уж до станции сама дойдёт.

Ирина около часа прождала электричку на Лугу. Потом в самой электричке надо тащиться больше трёх часов... Она села в уголок почти пустого вагона и почувствовала, что смертельно устала. Особой боли в матке не было, просто кровь начинала идти всё сильнее и сильнее. Поезд тронулся, и вскоре от железнодорожного мелькания и легкой тряски ей стало плохо. Попыталась сидеть прямо и не смотреть в окно, но это не помогло. Ирина отключилась. Всем проходящим мимо пассажирам казалось, что девушка просто спит. Щели в деревянной реечной лавке спокойно пропускали кровь. На полу кровавой лужи не было — под этим угловым местом как раз находится какой-то непонятный металлический ящик, своей глубиной уходящий под вагон. Ничто не насторожило окружающих. Её труп обнаружил машинист, обходя пустой состав перед тем, как поставить его в депо.

Мы, конечно, думали как могли: синяки на плечах — от каких-то ремней, похоже, язык прикушен... Но унесла бы Ирина тайну своего аборта с собой в могилу, если бы не её подкладушка. На пропитанном кровью потрёпанном листке было написано: «Памятка-инструкция по обслуживанию лётного тренажёра-катапульты».

Необычный криминальный аборт

Труп этой девушки привезли из села со звучным старым финским названием Араппакози. Это с полсотни километров от Ленинграда. Село небольшое, была там хорошая молочная ферма. На ферме работал один пожилой зоотехник с образованием семь классов. При обыске у этого зоотехника нашли атлас по оперативной гинекологии. Знаете, кабы не этот атлас, я бы сто лет гадал, какой садист, зачем и как такое с девушкой сделал.

Девушке, а скорее, девочке было всего пятнадцать лет. Причина смерти ясна сразу — острая кровопотеря. Но такой причины кровопотери я ни в одном атласе не видел — у этой девочки кто-то самым садистским образом через задний проход полностью вырезал ампулу прямой кишки.

Интересно было и то, что вокруг ануса имелись многочисленные следы инъекций, а пробы тканей показали громадное содержание новокаина. Всё остальное было в норме, за исключением разве что двухмесячной беременности. Но ни спермы во влагалище, ни

каких-либо иных признаков насилия. Вроде как пришла девочка куда-то и попросила себе изнутри задницу вырезать. Обезболили и просьбу удовлетворили. Потом девочка с вырезанной попой отправилась до- мой, да по дороге потеряла сознание, а вскоре и скончалась. Чушь, думаете? Вот-вот, и я так думал.

Зоотехник Вячеслав Полторак никогда женат не был и, судя по всему, в свои пятьдесят лет всё ещё оставался девственником. Атлас по оперативной гинекологии к нему попал случайно — кто-то забыл его в электричке, когда Вячеслав вёз свой крыжовник на базар в Ленинград. Набор хирургических инструментов, несколько напоминающих абортные, достался в наследство от деревенского ветеринара, который, выйдя из длительного запоя, что-то там делал в коровнике, когда его настигла белая горячка. Вячеслав с доярками кое-как скрутили ветеринара, снесли его в сельсовет, где и вызвали «скорую». Так как это был не первый заезд на «белом коне» у коровьего доктора, то попал он на полгода в ЛТП (лечебно-трудовой профилакторий для алкоголиков). Ну а инструментарий долгое время оставался в коровнике, пока его Полторак к себе домой не унёс. Там же в сумке была полулитровая градуированная банка с новокаином и шприцы. И кюветки тоже были. Правда, коровьи кюветки много больше женских, но выглядят похоже.

Жил Полторак весьма тихим одиночкой-бобылём. Ни пьянок, ни гулянок. Втихую гнал самогон, втихую им же приторговывал. Никаких других противоправных действий не совершал. Марина, кумова дочка, частенько захаживала к Полтораку за самогоном. Посылали её в основном родители, Сявины кумовья, как они сами себя в отношении Полторака определяли. Слали обычно под вечер, вручат трёшку и банку, и топай через всё село. Но Маринку эти походы совсем не тяготили, она сама любила бывать у этого странного деда, как виделись кумовы пятьдесят в девичьи пятнадцать. Полторак Марину не обижал и всегда подносил её чарку первача, малосольный бочковой огурчик или квашеную капустку с клюквой на закуску. Марина залпом пила, кривилась, закусывала, а потом долго просила деда Вячу ничего не говорить родителям. На такие просьбы Полторак отвечал порой весьма резко: «Со мной-то умрёт, сама не сболтни».

Иногда Марина заходила с Гришкой, молодым трактористом, ожидавшим со дня на день призыва в армию. И ему Вячеслав в чарке не отказывал. Пусть пьёт молодёжь, если не наглеет. Наконец Гриша прошёл лысым по центральной улице Араппакози в старенькой фуфайке под звук гармошки и магнитофона одновременно. Половина провожающих орала «Как родная меня мать провожала...», а другая пыталась подпевать «Аббе» с её «Мани-мани...». За призывниками подошёл военкоматовский автобус, и Гришка с подножки долго кричал: «Маринка, ты жди! Я отслужу, а ты школу закончишь!»

А на следующий день Маринка притащилась к Полтораку за своей стопочкой с огурчиком вся в соплях и слезах. Деда Вяча по своей крестьянской простоте стал Маринку ободрять: мол, два года не срок, вон моя крестница, твоя старшая сестра, так из колонии мужа пять лет ждала, и ничего... Марина попросила ещё чарку, захмелела и рассказала свою беду. Гришку она не любит, потому что он дурак и лодырь, да и изо рта у него воняет, и он не только с ней, но и с Зойкой, что возле питомника живёт, спал. А ещё с теми студентками, что недавно к нам приезжали убирать картошку. Только Зойке и им ничего, а она вот беременная! Два месяца, как месячки не идут, уже и солёного хочется, а с жареной картошки рвёт и с дрожжевого запаха тошнит. Дома сказать — так и думать не моги, отец с матерью точно коромыслами позашибуют. А если взять и родить, то кому же она с ребёночком нужна потом будет?

Короче, дело такое, хоть в петлю. А если не в петлю, то надо как-то подпольно аборт сделать.

Вообще, Вячеслав Полторак в Араппакози за умного считался. Он смотрел по телевизору программу «Время» и «Международную панораму», выписывал журнал «Огонёк» и газету «Сельская жизнь». На любой вопрос отвечал не привычное: «Дыть, эти говнюки там...», а по

существо, например: «А вот агрессивный блок НАТО...» Поэтому, выслушав Марикино откровение, он налил себе и ей самого лучшего самогону и принялся думать над решением проблемы.

Одна рюмка для Вячеслава мало что значила, а вот третья для Маринки значила много — стала она пьяная орать, что пойдёт сейчас же повесится на ближайшем дереве или утопится в ближайшем колодце. Тогда мудрый дед Полторак достал атлас по оперативной гинекологии. Маринка под села к нему и стала смотреть картинки, несколько успокоившись. Оказалось, что операции делать очень просто — на самые сложные операции было всего каких-нибудь восемь — десять картинок. А на аборт вообще только три.

Убедившись в простоте стоящей перед ним задачи, Полторак открыл ветеринарную сумку и показал инструментарий, поблескивающий белым цветом нержавеющей медицинской стали знаменитой марки Зг13. Там же были и необходимые медикаменты и шприцы. Правда, настойку черемичи, рвотное для коров, Полторак поставил в сторону: похоже, этот медикамент для аборта не подходил. А вот йодовый раствор и новокаин — это уже то что надо.

После принятия решения дело пошло споро. Полторак выпил одну за одной три рюмки своей самопальной водки «для храбрости» и Маринке налил четвёртую, да под край полную, «чтоб не волновалась и больно не было». Затем достали клеёнку, на которой Полторак обычно разделявал хрячков, и покрыли ею кровать, а сверху положили свежую белую простыню. Полторак что-то понимал в дезинфекции, поэтому прогладил простыню утюгом «для стерильности». Коровий инструмент поставили торчком в ведро с водой, но так как ждать, пока оно закипит на печке, было очень долго, Вячеслав вынес его во двор и там быстро вскипятил воду при помощи двух паяльных ламп, которыми обычно осматривал тех же хрячков. После этого весь инструмент разложил на столе, покрытом махровым китайским полотенцем с аляпистыми птичками и цветами.

Наконец всё готово. Полторак наливает по последней рюмашке себе и Маринке, велит ей закатать юбку, снять трусы, лечь и широко расставить ноги. В стельку пьяная Маринка с благодарностью повинует. Полторак ещё раз читает небольшой текст под картинками в атласе и закрывает книгу — больше нечего там смотреть, всё и так ясно. В первый раз в жизни Вячеслав Полторак коснулся наружного женского полового органа. Коснулся без скабрёзного желания, его тянуло глубже, к половому органу внутреннему, где и предстояло совершить операцию аборта плода. Однако при осмотре промежности у Вячеслава возникли некоторые сомнения насчёт женской топографической анатомии. Понятно, что вот эти складки есть большие половые губы, значит, между ними где-то сидит клитор. Наверное, этот смешной маленький прыщик, полностью спрятанный в каких-то непонятных складках кожи... Значит, от двух до четырёх сантиметров под ним должна быть дырка, из которой писают, уретра называется. Но никакой дырки не видно, всё как-то склеено непонятными кожными складками, и место, которое Вячеслав видел в первый раз в своей жизни, его удручающе разочаровало: какая-то неглубокая щёлка с вваливающимися внутрь скомканными тёмными и жёсткими волосами. Впрочем, сами волосы ничуть не удивили, они весьма походили на то, что росло вокруг его собственного полового достоинства. Только у мужиков волосы не забирались в непонятные складки кожи. А вот раскрыть эту складочку двумя пальцами и посмотреть на истинную анатомию женского полового органа у Вячеслава ума не хватило.

Он решил проверить, где же уретра, простым нажатием пальца на середину щели. Палец вошел на пару сантиметров и уперся в нечто мягкое, завлекая за собой по пути волосы больших половых губ. Полторак спросил Маринку, больно ли ей. Ей больно не было. «Маринка, ты отсюда ссышь?» — для верности уточнил Полторак. «Да тута, тута, там дырка писать есть», — ответила Маринка. Полторак пошевелил пальцем, и тот вдруг провалился в глубь Маринки, уйдя ей между ног на всю длину. Ага, значит, это и есть уретра, женский мочеиспускательный канал. Ниже должно быть влагалище. Полторак вытянул остро

пахнущий палец и пошёл тщательно его отмывать под навесным рукомойником холодной колодезной водой с мылом. Никаких сомнений не оставалось — вон та круглая маленькая дырочка с многочисленными радиальными складочками кожи, разбегающимися лучиками во все стороны от отверстия чуть ниже этой непонятной щели, и есть влагище. А о том, что у людей бывает ещё и анус, Полторак как-то не вспомнил. Не смеха ради все эти описания — такой ход Вячеславовых мыслей из протокола допроса следовал.

После первичного обследования пациентки Вячеслав налил себе и ей по последней рюмке водки и сказал, что, наверное, минуты за три он управится. Только до операции чуть надо будет подождать, пока уколы подействуют. Закусив огурцом и быстренько выкурив «беломорину» перед делом, Полторак стал наполнять шприц новокаином. Ветеринарный шприц для крупного рогатого скота напоминал стаканчик с двумя колечками-ручками и поршнем с широкой рюмочкой-толкателем. Цилиндр большой, лекарства входит много. Ну и тем лучше, не зря Алексеич, тот самый коровий доктор, что отбывал с запоя в ЛТП, постоянно говорил, что сельский ветеринар завсегда умнее и сноровистей любого городского врача. Вячеслав стал тщательно обкалывать ткани, окружающие анус. Местная анестезия оказалась минутным делом, пол-литровая бутылка уместилась в четыре укола... Потом посидели, покурили. Через полчаса у Маринки занемела вся промежность. «Слышь, деда Сява, я уж табуретки под задницей не чувствую! Вроде пора...»

«Доктор» густо обмазал заднепроходное отверстие йодом и смело ввёл туда коровью кюретку. Куски слизистой и самой стенки кишки выскакивали из ануса споро и в большом количестве. Поработав кюреткой для верности ещё минуты две и убедившись, что больше из дырки ничего, кроме крови, не идёт, Полторак, довольный, закончил операцию. Маринка лежала бледная и слегка стонала.

«Вставай, Маринка, одевай трусы и иди домой — аборт тебе сделан, вон сколько гадости из тебя выскреб. Эти красные ошмётки и есть твой недоделанный детёныш. Да ты не расстраивайся, всё хорошо, а я никому не скажу!»

Полторак был доволен честно выполненной работой. Маринка кое-как встала и надела трусы, которые тут же напитались кровью, только почему-то больше сзади. Шатаясь и оставляя за собой частый дождик красных капель, она вышла во двор, кое-как доковыляла до калитки и медленно побрела вдоль забора по тёмной улице. Но, как вы знаете, до дома не дошла, свалилась через пару сотен метров и умерла.

А как вы хотели, если у нее ближний к анусу участок прямой кишки через задний проход так варварски поотдирали, а сплетение геморроидальных вен превратили в рваные лохмотья? Такая травма в обычных условиях с жизнью несовместима.

Конечно, полувековая мужская девственность сама по себе тяжёлый случай, но от элементарного знания анатомии никак не освобождает. И уж тем более — от уголовной ответственности...

Горячая ванна

Нет, она не была утопленницей. В лёгких ни капельки воды, никаких признаков асфиксии (удушения). Нет и патологии — здоровый организм беременной женщины. Беременность трёхмесячная, тоже здоровая. Была. Правда, в момент смерти там начался аборт, но не он стал её причиной. Эта молодая женщина (а по своему незамужнему семейному статусу — девушка) получила крайний перегрев и скончалась от банального теплового удара — сварилась в горячей ванне.

Трупешник был гэбэшный, по их делу, и не со стороны, а непосредственно из их системы. Тело молодой начинающей кагэбистки. Поэтому и рассказали нам больше обычного, им самим потрепаться было приятно, перемыть косточки своей системе и её славным порядкам, в угоду которым молодые бабы по собственному желанию в ваннах заживо варятся.

Аня была одной из самых успешных студенток Пятигорского иняза. Вела активную комсомольскую работу, весьма общительная, но не болтушка, вполне здраво подходила к перспективам на будущее. Никаких особых планов не строила: четвертый курс, через год распределение учительницей иностранных языков, скорее где-нибудь по Кавказу или югу России. Ей очень нравилось Ставрополье, особенно район ставших родными Кавминвод, поэтому максимум, чего она желала, — это местное распределение где-нибудь поближе к курортам. К срочному вызову в деканат отнеслась без особого волнения: опять что-нибудь попросят сделать по общественной линии.

Однако её удивлению не было предела, когда в кабинете у декана она застала двух человек, приехавших из самой Москвы с единственной очевидной целью с нею побеседовать. Дяденьки в неприметных серых пиджачках представились обтекаемыми Иваном Сергеевичем да Сергей Петровичем. Долго ходили вокруг да около, говоря на ерундовые темы. Стали спрашивать о студенческой жизни, об учёбе, потом о её семье — как там мать-отец, есть ли кто ещё, а-а-а, младший братишка... Спрашивали профессионально, логически никаких выводов не сделать. Только Аня девушка умная, поняла, что всё им о ней и так прекрасно известно.

Договорились быстро. Официально она распределяется в село Троицкое, что в Калмыкии, а на самом деле едет учиться в Москву. О будущей работе ни слова. Мы, мол, сами не знаем, разведка или «контора». Подписываем стандартную «ПОНку» (подписку о неразглашении) — и всего хорошего. Приятного вам завершения института — и до встреч в Первопрестольной.

Недействительно взяли. Взяли в «контору», отучили в Дзержинке на спецкурсах, а потом направили работать среди экскурсоводов и гидов, водивших иностранные группы в Ленинграде. Задача номер один — выявление потенциальных кандидатов на вербовку среди иностранцев. Задача номер два — обеспечение мероприятий, направленных на выявление нежелательных контактов иностранцев и советских людей. И задача номер три — контроль и наблюдение за персоналом, работающим в контакте с иностранцами. Никакого тебе самопожертвования в виде долгих лет служения бойцом невидимого фронта где-то за кордоном от неё не потребовалось. Перспективы дальнейшей жизни оказались радужными и весьма денежными по советским понятиям.

Как и все сотрудники КГБ, в очереди на квартиру она не стояла — сразу по приезде в Ленинград вселилась пусть в ведомственную, но отдельную однокомнатную квартиру. А необходимость развивать неформальные контакты с потенциальными объектами разработки позволяла порой недурно прифарцовывать. При этом о всех своих деяниях Анна честно писала отчеты, а начальство весьма снисходительно смотрело на прибыль в виде оставшейся у сотрудницы модной шмотки или иного забугорного барахла. Зато «прикрышка» и внедрение были полными. Приделась, кое-чем разжилась, да и без «левизны» зарплата штатного сотрудника «Интуриста» накладывалась на денежное довольствие офицера КГБ. Плюс всегда давались деньги на задания, а если не нагнеть, то ими можно было распорядиться с умом и кое-какой личной выгодой. Анна не наглела, Анна была профессионалом высокого класса, пусть молодой, но очень любящей свою работу сотрудницей, а главное, не какой-то там шкуркой, а офицером, искренне преданным делу государственной безопасности и служению Родине. Командование об этом знало и было довольным, хотя глаз со своих сотрудников не спускало.

Только вот с личной жизнью у Анны как-то не заладилось. Служебные интересы предполагали определённую скрытность от окружающих, когда откровенные разговоры

запросто идут по накатанным и отработанным схемам «интерактивного выведывания информации с параллельными контрвербовочными мероприятиями и сохранением легендированного прикрытия». А в таких случаях взаимность какая-то липовая получается. Говорили же препода в Дзержинке: бабы, не будьте дурами, хватайте офицеров из системы, пока те рядом ошиваются, потом трудно будет. Не послушалась, не схватила. Училась, старалась, а искать толком не искала. А теперь вот и результат — с мужиками, которым можно доверять, с её мужиками, с коллегами из гэбухи, остались лишь встречи на конспиративных квартирах с отчётами под магнитофон, там тебе ни имён, ни фамилий, ни фривольностей каких. Все чётко и сухо. Доклад, задание, метод, обеспечение, материалы, техника. Говорим по делу, сидим рядом, но между нами стена. Ну как тут роман завести?

А со связями на стороне совсем плохо. Сотрудник с любовником — ха! — это уже не сотрудник. Нет, ну можно откровенно познакомиться с каким-нибудь там честным инженером, добиться признания в любви, при этом избежав с ним постели, потом написать рапорт (а перед тем тысячу объяснительных), парня год будут «просвечивать» (на этот период, конечно, от оперативной работы отстранят), потом дадут разрешение — и выходи себе замуж! Только потом, разумеется, на ту же линию уже не попадёшь. У мужа-то никаких допусков, а необходимость срочных вечерних поездок куда-то без объяснения причины понравиться ему никак не может. Поэтому обычно оперативной работе с гражданским замужеством не по пути.

Хотя мужики из КГБ женаты, в основном на дамах вне системы, но там случаи иные — чаще всего они попереженились рано, ещё в училищах, институтах или академии и не сидят «под прикрышками». А вот кто «под прикрышкой», тот для семьи в длительной командировке, а если холост, то так же воет от одиночества, как и она.

Эх, такого бы найти! Терять интересную работу и заниматься поисками мужа со стороны Анне не хотелось. Конечно, можно вообще на всё наплевать и просто зажить нормальной жизнью молодой женщины — ведь если не встречаться с диссидентами или невыездыми евреями, а просто трахнуться с приятным мужиком, то из органов, пожалуй, сразу не уволят. Переведут куда-нибудь на кабинетную работу делать переводы иностранной периодики. Конечно, по сравнению с её нынешним положением это будет значительный материальный проигрыш, да и романтики абсолютно никакой. Нет, такой шанс всегда можно использовать, а пока Анна, сцепив зубы, обходила мужской пол стороной.

Она с завистью кидала взгляды на выпирающие животы случайно встретившихся беременных, на детские коляски молодых мамаш, на родителей, тянущих своих малышей в детский сад мимо окон её квартиры. Она разглядывала семейные фотографии своих подруг, повыходивших замуж и понарожавших детей. Вот оно, собранное улыбающейся группкой земное счастье заурядных учительниц периферийных школ, — у них не было оперативной тайны, но были семьи.

Она провожала взглядами влюблённые парочки, которые не вели «наружку», а просто балдели от присутствия друг друга. Она приносила с работы дорогие букеты, что дарили ей группы на прощание, а потом подолгу сидела возле них и мечтала, что их ей подарил Он.

Он, которого не было.

Анна много раз прокручивала в памяти свои институтские романы, вспоминая моменты и детали прошлых, теперь таких далёких соитий. Господи, она ведь не какая-нибудь молодая дура, она специально подготовленный офицер госбезопасности, прошедший самый тщательный психотбор и тренинг, она может за- просто совладать с собой!.. Но она не может избавиться от сопряжённой с этим совладанием обычной сексуальной фрустрации, как это называли преподаватели-психологи из её академии. Или от простого желания переспать с мужиком, как это называют все остальные люди.

И она решилась. Нет, глупостей не будет. До тридцати с хвостиком можно поискать кандидата в мужья из «своих». А вот переспать можно и с «чужим»... Ведь незаметно зацепить партнёра на стороне для неё, профессионалки, труда не составит. Контроль контролем, но не круглосуточно же... Если не заводить серьёзного романа, то риск «засветки скрытого контакта» будет минимален. Ведь это же не измена Родине! Ну, заставляет инструкция немедленно информировать начальство о любых подобных встречах — обойдутся, не девочка. Не будет пищи ни для службы внутренней безопасности, ни для политотдела, не будет и «пятна» в личном деле. А личная жизнь будет.

Ближайший выходной — четверг. В субботу вести группу итальянцев по Эрмитажу, а потом их же везти по Золотому кольцу, поэтому выходные пришлись на четверг и пятницу. Ориентировку получать в пятницу, значит, со среды на четверг и будет её ночь.

Для начала проверим «хвостик». Вообще, такое дело за сотрудником без причины не топают. Ну а если и топают, то пару раз в год по сетке случайных проверок. Сотрудник, установивший, что за ним ведётся наружное наблюдение, обязан немедленно о таком случае оповестить по команде. Это ЧП. За такое или выговор можно получить (если «сел на паранойю»), или благодарность за проявленную бдительность (если наружна была своя). Правда, тогда всё равно выговор будет, но не тебе, а тому, кто за тобой топтался, — тщательнее работать надо, товарищ.

В толпе хвостик не заметить, а если ведут двое, то и не затеряться. Аня проверяется просто и надёжно — у Пушкинского вокзала спокойно идёт вдоль забора по «железке», расстояние метров этак четырёста. В заборе сделан проход на улицу Рузовского, значит, через этот проход и выходим на эту самую улицу, затем двести метров по ней, а там спокойно ныряем в проходной двор и идём к своей лучшей подруге в гости. Поднимемся на нужный этаж и в окошко контролируем «проходняк» и «колодец». Никого — отлично! Заходим к подруге на чай, треплемся с полчаса. Маршрут от метро до подругиного дома оказывается самым кратчайшим и логичным, хоть и малоизвестным. Выйти и не засветиться на участках невозможно так же, как невозможно заподозрить проверку. От подруги прямо по направлению к метро, а как вышла за угол дома вне пределов видимости из её окон — дальше свободная птица.

А вот и зелёный огонёк такси.

— Ресторан «Янтарь», пожалуйста.

Это хороший ресторан — абсолютно не престижный, на окраине, совершенно без иностранцев, а значит, и без нашего брата. Снимайся на здоровье, одна проблема остаётся: чтоб мужика с хатой найти. Ещё сравнительно рано и к тому же будний день, в ресторане есть свободные места. Ей не нужен какой-то специальный вечерний наряд на выход: работая в «Интуристе» и крутясь среди фарцы, она носит повседневную одежду, которая получше вечерних туалетов большинства советских женщин. Войдя в зал, Аня невольно вспомнила слова «покупателя» из ПГУ, офицера-кадровика из Первого Главного управления: «Вас, дорогая, я во внешнюю разведку на пушечный выстрел не подпущу. С вами же куда выйди — провал сразу. На вас же полгорода пялится!» Вот и оставил Аню в Союзе, о чем она сильно и не жалела. Сейчас она очень явно прочувствовала — на нее пялились. Ну и хорошо.

Метрдотель сразу постарался уяснить, подзаработать она пришла или просто так. Намекнула ему, что никаких подзаработать, но пятерочку в руку вложила — для проститутки маловато, а для женщины с понятием и без комплексов в самый раз. Мэтр это оценил, столик дал в весёленьком месте, на виду у всего зала и близко к танцевальному «пятаку».

Однако и местная путана её оценила. Аня это поняла, просматривая меню и попутно изучая столики, пока только на предмет парней, пьющих минералку, то бишь своих родных коллег

«на выпасе». Гэбешных парней не было, были военные, были менты в штатском, явно не на службе, а на отдыхе, была куча студентов и куча работяг. А ещё были две злые шлюхи — их взгляды моментально пересеклись.

Аня тренированная, ей выдержать взгляд этих баб — что на открытку посмотреть. Она только скользнула по ним, словно и не заметила. Спокойно сделала заказ, сказала официанту, что отлучится на минуту, подхватила сумочку и демонстративно медленно пошла в туалет.

Её задумка сработала на все сто — одна из путан нетерпеливо подпрыгнула и резво побежала за ней.

Разговор был короткий: «Ты как снимаешься, за так или за деньги?» — «За так». — «А раз за так, то нам дороги не переходи». — «Не перейду» — «Ты поняла?» — «Поняла». Путана стала заводиться от своей «моральной победы». Аня медленно поворачивается к ней спиной, прекрасно зная, что за этим последует. А последует за этим толчок в плечо или спину, типа прощания-угрозы с напоминанием, кто хозяйка в зале Аня этого не боится, Аня сё на это провоцирует, а сама косится на здоровенное зеркало сбоку. Не выдержала проститутка, решила толкнуть конкурентку. Аня делает шаг в сторону и немного назад, а руку, согнутую в локте, резко вверх на полукруговой захват. Вот шлюшкина рука у неё под мышкой, а в этот момент лёгонькая подсечка, и длинная ручка-ремешок от сумочки накидывается на шею. Шлюха летит на пол. Ремешок хороший, сделан из натуральной толстой кожи, под стиль «пейзанка», столь популярный в Европе того времени. Специально для подобной возможности выбирала. Конечно, безопаснее было бы красной книжечкой перед носом помахать, да только такие варианты не для Ани, она из-за ерунды светиться не будет, да и удостоверение её с самого начала у начальника в сейфе лежит. Вот синяя книжечка сотрудника «Интуриста» — та действительно у неё есть, да и то не с собой.

Похрипела шлюха на полу, проквкала, что ошиблась, попросила не бить... На том и сошлись. «Девочки, я вас не знаю, а вы меня. Под ногами не путаться, ну а если в дальнейшем что задумаете, парней там каких позовёте или сами чего решите, — при любой попытке мести буду просто убивать». Шлюха поверила. Вышла на минуту к своей подруге, а на горле красная полоса, морда в соплях, руки трясутся. Жахнула здоровый фужер водяры и бегом из ресторана. А подруга, выслушав короткий, но с иллюстрациями рассказ «коллеги», весь оставшийся вечер на Аню смотрела подобострастно и не только кого там отбить — подойти близко боялась. Тогда времена были советские, ни мафии, ни сутенёров, каждая девочка сама по себе, а уж между собой — так вообще сплошной закон джунглей и никакой тебе организации. Да и мало про-ститутток-то было, клиентуры им с избытком хватало. А уж официально — так их вообще ни одной не было — проституция и советский образ жизни по марксистско-ленинской задумке были несовместимы. Типа социалистические условия для них не подходят. Как. Сахара белым медведям.

Военные пригласили её первыми и отпали сразу — командированные, живут в гарнизонном общежитии. Менты обмывали чью-то звёздочку, там тоже ловить нечего. Студенты... Для неё это малолетки, лет на семь младше. Но смотри-ка, один смелый решил тётю на танец пригласить. Ух ты, живём с другом на квартире, — похоже, вариант безопасный. Молодоват ещё, ну ничего, мы тебя подучим, если что. И с деньгами у ребят, похоже, напряг. Давайте-ка, хлопцы, ко мне за столик. Официант, бутылку коньяка! Как зовут? Как зовут... Аней зовут, врать тут вроде не к чему, ещё где окликнут по случаю. Кем работаю? Да учительницей младших классов. Конечно, замужем, но муж в длительной командировке на Севере. Поэтому и домой ко мне нельзя, там мама и ребёнок. Да ты что, какой телефон? Телефона нет, а адрес ни за что не дам! И школу свою не скажу — ещё мне не хватало, чтоб родители моих учеников обо мне слухи распускали. А вообще-то я голодная... Да нет-нет, вы, мальчики, кушайте и ничего мне больше заказывать не надо — не в том смысле я голодная. А что вы так смутились? Я же честно и откровенно! Ах, что вас двое... Ну, тут сами решайте, хотя можно и с двоими, если не разом, конечно, а по очереди. Вы рады? Ну тогда допивайте и

поехали. Нет, с собой мы ничего брать больше не будем, и у вас завтра занятия, и у меня уроки...

Это была чудная ночь! Она отыгралась за все свои «монастырские» годы. Молоденькие кобельки оказались заводными и послушными, казалось, её удовольствию не будет конца. Пока один послушно сидел на кухоньке малюсенькой однокомнатной хрущёвки, другой занимался делом. Потом они менялись. Менялись споро, и Анька не успевала остыть. Правда, больше чем на два захода никого из них не хватило, но и этого ей оказалось вполне достаточно, чтобы словить долгий яркий оргазм, от которого, казалось, замирает сердце и обрывается всё внутри. А потом они спали — она одна на кровати, а они по жребиям — кто на другой кровати, а кто на полу. Утром она встала по будильнику, сходила в душ, потом сделала кофе и яичницу на всех. Ребята снова смотрели на неё восторженными глазами и стали просить не исчезать, а приходить ещё. Вот наш телефон — ты только позвони. Она запомнила их номер и сказала, что звякнет недели через две, а там договорятся по настроению. Посоветовала влюбляться в хороших девочек и исчезла.

Аня удачно «отгуляла» итальянцев. По ориентировке были сомнения насчёт одного паренька, в смысле турист ли он или связной, выходивший на русского агента в обход посольств. Такие вещи устраивают исключительно для важных птиц, точнее, даже не для них, а для снятия их тайников. Потом «сняток» никогда не тащат через границу, его обязательно передают в посольство и переправляют безопасной диппочтой. Посольство ничего не знает об агенте. Да и трудно отследить таких — чистый въехал, чистым выехал. По обстановке Ане пришлось выполнить две «тэфэпэшки» — операции по тайному физическому проникновению, а попросту — пошустрить у него в вещах во время отсутствия хозяина. Кроме довольно дерьмовых итальянских стихов собственного сочинения, типа дневника впечатлений «объекта» о России, больше ничего интересного она не нашла, заложила жука, перефотографировала написанное и пробежалась по ним ультрафиолетовой спецлампой на предмет тайнописи.

За поездку объект себя ничем не проявил, и в конце поездки Аня влезла к нему ещё раз, просмотреть номера фотокассет и свои маркерные метки. Метки были на месте, номера совпадали. К заднему дворику гостиницы подошёл крытый грузовик с рентген-установкой, и они быстро провели полную просветку его вещей. Аня привычно закинула тяжёлый чемодан иностранца в большой пустой чемодан и бегом пустилась назад. На всю операцию от выноса до возврата ушло около пяти минут. Похоже, иностранец был чистым. Был ещё один «говноед», как кагэбешники и гээрүшники называли лиц, слишком демонстративно симпатизирующих советскому строю, но и тот оказался полной пустышкой в плане оперативной разработки на дальнейшую вербовку. Во-первых, профессионально никто, абсолютно бесперспективная личность, а во-вторых, просто истероидный психопат из тех, которые готовы восторгаться чем угодно, лишь бы получить ответные симпатии окружающих. Такой будет на тебя смотреть преданными глазами ровно до пересечения границы собственного государства, где немедленно с той же преданностью всё выложит первому попавшемуся карабинеру. Кроме этих двоих, больше ничего интересного.

Аня вернулась домой, подготовила отчёт. У неё почти неделя на выходные. «Завтра пойду на «конспиративку», отчитаюсь, а вот вечером... Вечером надо сходить к подруге, всё должно быть естественно. А вот послезавтра вечером... Но перед тем надо позвонить мальчикам». Отчётом начальство оказалось довольно, похвалило хоть и за безрезультатные, но отлично проведенные ТФП; понравились и толковые психологические профили, которые она приложила к отчётам по иностранцам. Отметили высокий профессионализм и вскользь упомянули, что приближается присвоение капитана, не всю же жизнь в молодых старлеях ходить. Ну а теперь отдыхай, дочка, восстанавливайся, а там возмьёшь группу бритушей-экстремалов на месяц по Сибири.

Ну вот и вечер. В том, что её линия на круглосуточной прослушке, Аня не сомневалась.

Точнее, она не сомневалась, что все её разговоры стопроцентно пишутся, хотя и не стопроцентно слушаются. Но если надо, то обязательно прослушаются, и повод дать — всего лишь набрать новый номер. Поэтому звонить будем с улицы. Она проверилась, как обычно на пути к подруге, принесла той подарок в виде итальянского дезодоранта, посидела, попила с ней кофе с ликером «Амаретто», ещё одним трофеем из недавней командировки. Затем распрощалась и пошла к давно примеченному телефон-автомату, не ближайшему, но укромному. Автомат обещающе заглотил двушку на втором гудке. «Привет! Да неужели? Ну ладно — завтра приду. Нет, не на ночь. С пяти до двенадцати. Семь часов нам, надеюсь, хватит? Хорошо. А вот денька через два можно и на ночь. Да, пожалуйста, отмойте плиту и начистите картошки к моему приходу, — я вам хоть супа сделаю и мяса нажарю, уже купила курицу и хорошей свинины. Вам, ребятки, белок нужен. Ну, пока». Всё же железная она женщина — никогда страсть у неё не возьмёт верх над разумом.

Ой, как они её ждали! Нищие студенты купили шампанского и фруктов с базара, в пустую кефирную бутылку поставили три простеньких гвоздики. Для неё! Впервые после институтской скамьи она получила цветы. Точнее, цветов ей дарят много, но это от иностранцев на работе, такие не считаются. А эти считаются — они от любовников, пусть и от двух сразу. Ребята подхватили её здоровую сумку, в которой кроме свинины и курицы оказался блок дорогих импортных сигарет, тонкая палка настоящего финского сервелата и толстый батон сырокопченого итальянского салями, пачка масла и банка растворимого кофе — всё считалось деликатесом и дефицитом. На дне сумки лежал новый махровый женский халат и простенькие тапочки. «Это нам?» — «Ну а кому же! Халат и тапочки только мне — хотя пусть это у вас побудет. Вы не против? Девочки ваши не возревнуют? Ну и ладненько».

Анна бесцеремонно разделась при них до своих кружевных полупрозрачных трусиков, и ребята как загипнотизированные усталились на её тело. Не захотев испытывать их терпение, она облачилась в новый халат и пошла на кухню. Готовить она умела и любила. Поставила суп, быстро сделала пюре, хорошенько отбила эскалопчики и нажарила ароматных отбивных. У ребят нашлось немного квашеной капусты и завалявшаяся банка зелёного горшка. Чуть чеснока, немного сахара и томатной пасты — и готов вполне приличный салат. Пока она хлопотала, её кавалеры комарами вились вокруг, по очереди прикладываясь губами то к шее, то к ляжкам. «Эй, озорники, смотрите, без засосов! Ну, вот и готово». — Аня подаёт на стол.

— Аннушка, ангел наш, ну-ка посмотри сюда, сейчас вылетит птичка!

Кухня озаряется резким белым светом фотовспышки. По лицам видно — никаких задних мыслей, ребята действительно хотят запечатлеть своего доброго ангела на память. Фотоаппарат устанавливают на холодильник и взводят автоспуск. Анна делает улыбку как у кинозвезды и красиво обнимает обоих кавалеров. Ещё одна вспышка — будет забавная «семейная» фотка. Анна берёт в руки фотоаппарат, «Зенит-ТТЛ», лучшая советская машинка. «Ребята, а что у вас ещё на пленке? Ничего. Тогда не жалейте. — Она открывает фотоаппарат и одним движением вытягивает плёнку из кассеты. — Давайте договоримся раз и навсегда — больше никогда никаких фотографий со мной. Нас здесь трое, и никто четвёртый нам не нужен. Почему — эго я вам объяснила ещё в ресторане. И последнее — я буду к вам приходить когда смогу, а это не слишком часто. Я всегда буду звонить перед своим приходом, и если вы сказали «можно», значит, вы автоматически выполняете мои несложные условия. Если вы не можете меня видеть по любой причине, которую мне совершенно не надо объяснять, то вы мне об этом прямо говорите, я не обижусь и перезвоню при первой своей возможности. Но если вы хоть один раз нарушите хоть одно из моих условий: никогда не фотографировать и не записывать что-либо на магнитофон, никогда не пытаться, узнать мою фамилию, мой адрес или мою школу и никогда не приводить сюда кого-либо ещё, когда мы вместе, — так вот, если нарушите хоть что-то, я просто больше никогда не приду. Конечно, я готова навсегда исчезнуть, изъяви такое желание хоть один из вас. Я не могу проконтролировать ваши языки, болтать и хвастаться вы всё равно будете. Поэтому я только могу вас просить — не болтайте много. И не дай бог, кто-либо из ваших

друзей решит взглянуть на меня «случайно» — я это расценю как нарушение контракта. Уяснили? Вот и прекрасно, помогите мне сохранить репутацию честной жены, доброй матери и хорошей учительницы. А теперь прошу к столу, мои дорогие!»

Они отлично поели, выпили шампанского. Две бутылки на троих — хмель лёгкий, но для раскрепощения очень помогает. Кинули монетку на первого. Потом был замечательный блаженный час, оставивший всех в полнейшем удовлетворении. После программы «Время» показывали старую комедию, и они, сдвинув кровати, валялись втроём, вполглаза смотря телевизор, и говорили на всякие умные темы. Парнишки были весьма неглупы и начитаны. Несмотря на их молодость и зелёность, с ними было вполне интересно. Договорились о следующем визите.

Наконец Анна оделась и стала собираться уходить. Она мельком глянула на свою сумочку — вложенного волоска-контрольки на дужках не было. Значит, открывали. И значит читали.

То, что ребята могут пошустрить у неё в сумке, она не исключала. Мужское любопытство зачастую сильнее женского. Женщина может простить «таинственного незнакомца», мужик «таинственную незнакомку» не простит никогда — он готов землю рыть для ответа на простой вопрос, кто она. Поэтому Аня загодя вложила в один из карманчиков якобы случайно забытую бумагу, где написано, что некая Анна Фридриховна Вальтер-Петрова прослушала курсы по детской педагогике и психологии. Круглая печать Ленинградского отдела народного образования. Эта бумага к Анне попала совершенно случайно — она её просто подобрала на улице около года назад. Подобрала и оставила, тогда сама не зная почему. Наверное, потому что «Анна» и потому что «образования»... Вот и пригодилась бумажка — пусть мальчики думают, что они её раскрутили. Глупую немочку.

По сумкам лазить нехорошо, но ещё хуже дать им понять, что она вещи на контролке оставляет. Поэтому на прощание необходим маленький спектакль, исключительно в педагогических и воспитательных целях.

Аня небрежно открывает сумочку и достаёт губную помаду. Потом делает обнимающий жест — приглашает целоваться на прощание, мол, давайте, пока губы не намазала. Пареньки с объятиями к ней навстречу. И тут Анна, демонстративно, но вроде ещё шутя, отталкивает первого.

— Постой, а что у тебя так глаза забегали? Не выкручивайся, я же педагог, я же вижу, ты что-то натворил! А ну признавайся! Не надо отнекиваться — ты же врать не умеешь совершенно! Что, спёр у меня что-то? Ого, как глаза забегали! Эх, мальчики, мальчики... А я вам поверила... Я вам самого лучшего хотела, от души, искренне... А вы, оказывается, мелкие воришки... Хоть что спёрли-то?

— Ничего!!! Анна, прости нас — мы ничего не брали! Даже и не думали о таком никогда. Анна, поверь, ты абсолютно зря так...

Анна пристально смотрит в глаза. Сначала одному, потом другому. Парни ёжятся, глаза отводят.

— Тогда говорите, что натворили. Нет, что-то вы определённо натворили. Иначе почему вас так дёрнуло, когда я о воровстве заговорила...

— Просто по сумке полазили...

— Ну и зря — я не дура, я все документы дома оставила. А лазить по чужим вещам нехорошо. Насчет «прости нас»... Обещаете, что такого больше не повторится? Ладно, верю. Прощаю. И совет дам — будьте в жизни выше этого. Ну, давайте, мальчики, целоваться.

Ух как искренне они к ней прилипли! Простила мамка шkodников, обещала ещё принести конфетку. Дело сделано: мальчики, похоже, приручены...

Она позвонила им через пару дней. Опять обед с сексом, точнее, секс с обедом. А потом она «повела гулять» британцев. Группа экстремалов, похоже, была полностью чистой — их багаж досконально прошмонали ещё в аэропорту, ручную кладь обработал «персонал гостиницы» по вызову. Жуки в номерах были стационарные, от «Интуриста» ничего дополнительного подсовывать не пришлось. В их группе из шести человек был один толстосум, который и спонсировал всю экспедицию. Их интересовала «белая вода» Русского Севера — сплав на только что появившихся двухместных фибerglassовых каяках по бурлящим рекам. Водным туризмом Аня никогда не занималась. Как бы там ни было, она решила, что самоотвода от операции не подаст, пусть лучше утонет, — один из бритов оказался инженером с «Роллс-Ройса», специалистом по турбинным лопаткам. А инженерами в авиастроении КГБ не разбрасывается. Его психологический профиль, поведенческие стереотипы, вкусы и привычки — короче, всё, что может пригодиться для потенциальной вербовки, необходимо собрать самым тщательным образом. А единение душ в условиях тяжёлого водного похода этому как нельзя способствовало.

Проблему «сбора инфы со стороны противника» Аня решила сразу и самым примитивным образом: тщательно разработанный британцами маршрут путешествия она сразу и категорически перечеркнула. Мотивировка была проста и «откровенна»: там, дескать, много каких-то секретных заводов, о которых она, рядовой гид-переводчик, ничего толком не знает. Так что этот маршрут совершенно невозможен — решение «сверху». Возможно другое — глушь поглубже, реки побольше, экзотики столько же.

Вообще-то, с англосаксами такой вариант почти непроходной — у них очень сильна концепция «я плачу свои деньги за то, что надо мне, а не вам». Убалтывать приходится долго. Так и в этот раз — она уже готова была пойти на кое-какие уступки, как внезапно их всех уломала. От «Интура» позвали гидов — профессионалов горного сплава. Прибыли три инструктора-эмэловца из какого-то кавказского МЛ (международного лагеря). Как официальный групповод Аня, признавшись, что никогда ещё в своей жизни не сплавила, попросила их профессионально объяснить англичанам преимущества нового маршрута, каких-нибудь пару тысяч километров в стороне от первоначального. Британцы с восторгом выслушали рассказ коллег, «мокрозадых единомышленников», как они их называли. Анин район был одобрен без каких-либо возражений, а описания русской бани и рыбалки, где хариус и громадный таймень идут, считай, на голый крючок, окончательно разожгли энтузиазм иностранцев.

Русские инструкторы за день соорудили здоровый плот из березовых жердей, куска сетки и четырёх здоровых колёсных камер, чтобы показать брита́м, как плотогонит по бурунам советский самодеятельный турист. Опять восторгам не было предела. Потом рыбалка. Потом уха. Потом поход в баню в ближайшей встретившейся таёжной деревеньке. А потом сплав — ежесекундная борьба с «белой водой».

У Ани не получалось, как у мужиков. Она пару раз влетала на порогах в очень неприятные ситуации, мокла, а раз даже чуть не утонула. Её ловили, отогревали. Аня очень сблизилась с инженером-авиастроителем. Он брал у русских гитару и пел ей раннего Пресли и «Битлз», которых помнил ещё с университетской скамьи. Потом сидел у костра и рассказывал о похождениях мифического Кинга Артура, чередуя эти истории со старыми вельскими и шотландскими легендами. Прямо как наши парни, простые инженеры со всяких «Рубинов» и «Кировских»...

Затем, правда, заговорил несколько иначе. С женой он развёлся более пяти лет назад. Да, дети есть. Двое. Платит свой «саппорт» — алименты. Живёт так себе... Свой дом на шесть комнат, кредит уже выплаченный, дворик неплохой, но бассейн очень маленький — мы не

американцы, нам большие бассейны ненужны. Машины... Ну есть, конечно, отнюдь не новые «Ягуар» и «Лендровер». Первый — чтобы ездить на работу, второй — чтоб байдарку на крышу привязывать. А ещё он очень одинок, не расист, любит экзотическую кухню и, как ему кажется, её — Анну...

В легендах советской улицы о КГБ непременно упоминалось, что «их там учат, как с мужиками спать для вербовки». Так вот, в КГБ этому не учили. В КГБ за это сразу увольняли, со скандалом после неприятного ведомственного расследования. Были «сплюшки», но все они были не выше информаторов, иногда на «конторской» зарплате, а чаще всего вообще без каких-либо денег. На бизнес многих валютных путан закрывали глаза, если девочка начинала попутно «делать что нам надо». Переспать с иностранцем советскому офицеру госбезопасности — факт абсолютно невозможный. Ну разве что нелегалки где-то там за кордоном этим баловались... Да и то не под отчёт. И всё это не потому, что КГБ такое уж моральное было. НКВД, например, такую практику очень даже хотело использовать. Хотело — и погорело! Начинает женщина иностранцу отдаваться, а у того, лопоухого дурака, возьми и любовь возникни. Вроде ой как хорошо, щас вербанём его тёпленького... А не тут-то было: чаще вариант получался с точностью до наоборот. Сидит такой вот знаток кельтских легенд и клянётся в любви до гроба молодой и красивой офицерше. А потом молодая и красивая офицерша в своей однокомнатной конуре мочит слезами подушку ночи напролёт, потому что знает, что мужик-то правду говорил! А дальше уже — что перевесит: патриотическая любовь к органам или вполне плотская любовь к его органу. Ну ещё добавим дома-машины против ведомственных семнадцати квадратных метров (ей-богу, нормальная кухня должна быть больше). Ну и ещё «чистоту душевного порыва» — против «поставленной оперативной задачи». У вас ещё есть сомнения? Если женщина не падшая (а падших в секретные системы стараются не допускать), то ответ на «кто кого» не в пользу советской власти получается.

Анна с британцем не спала, даже мысли такой не допускала. Лишних поводов не давала, на намёки и приставания отвечала весьма твёрдо — нет. Закончилась командировка, задание выполнено, отчёт написан. В отчёте отмечена несколько излишняя межличностная эффективность разрабатываемого по отношению к её собственной персоне. Вроде всё честно, но умными словами. Об «I love you» ни слова. Опять отчёт одобрен, опять благодарности уже с намёками, что с капитаном, возможно, медалька какая последует, — Анькина самоотверженная работа стала вызывать заслуженное восхищение не только на Литейном-4, но и на Лубянке.

Только вот к радости и гордости за саму себя добавилась банальная такая женская тревога — месячки её родные задерживались! Ну, понятно, что это от её мальчиков, от кого же ещё. Непонятно только, как это получилось — она любые операции, в том числе сугубо личные, планировала досконально. Мелочей в её работе не бывает, вот и привыкла к подобному подходу. На мальчиках всегда были презервативы, её собственные, хорошие, импортные «Трояны», а не хлипкие советские «Проверено электроникой». Быть такого не должно — а было. И теперь вот такая проблема: необходимо повернуть какую-то самостоятельную операцию по быстрому поиску возможности абсолютно анонимного аборта. Именно анонимного, а не конфиденциального, риск тут не нужен — что знают двое, знает весь мир. А уж о том, чтобы пойти и сделать легальный аборт, и речи быть не может, так как любая подобная медицинская запись будет для неё как для офицера КГБ приговором, — она спала с иностранцем и от него залетела, сама же в отчёте о возможности подобного варианта проговорила. И по срокам под «британца» вполне попадает, никому ничего не докажешь... Пинок под зад из органов, а не очередное звание с медалькой!

Значит так, раскопать в условиях полной анонимности возможность для нормального медицинского аборта она, конечно, сумеет, и быстро. Но суеты и хлопот! Да и одно осложнение вроде было, точнее, не осложнение, а подозрение: после столь обильной похвалы по службе обычно следовала внутренняя проверка. Вначале документы, ну а уж потом «опричники» могут ради интереса и глубже копнуть, вплоть до наружки. Знаете,

моментальные контакты для осуществления передачи информации или там какие закладки тайников — они ведь сразу не выявляются. Надо потоптаться за человеком, посмотреть его «странности», где бывает, сколько времени дома отсутствует, есть ли какие личные встречи, не соответствующие его повседневному окружению или социальной среде. Гуляет ли без толку где не надо — может, места ищет? А если просто дома не ночует, то уж точно что-то левое делает. Наберут чутко общих сомнений — тогда выставят плотный хвост. Зазря, конечно, никто людские ресурсы распылять не будет: наружка — удовольствие дорогое. Аня решила никаких поводов для «общих сомнений» не давать, месяц надо просидеть дома. И попытаться самой сделать простенький аборт, пока ситуация не прояснится.

Но не выдержала она, все же звякнула своим мальчикам. Побывала у них дважды за неделю — правда, оба раза очень по-умному, на пару часов и в дневное время. Перед каждым заходом проверилась, никаких хвостов. Разумеется, о своей беременности им даже и намёка не подавала — этим-то на что знать? После второго раза, вернувшись домой, она решила попробовать старый «безопасный» метод вызывания выкидыша — посидеть в горячей ванне.

Вообще-то, горячая ванна как вполне безопасный метод от нежелательных беременностей работает. Правда, не со стопроцентной гарантией и с одной большой оговоркой — ЭТО МЕТОД ДЛЯ МУЖИКОВ!

Называется он среди врачей-андрологов, тех, кто мужское хозяйство лечит, вполне официально «японским методом временной мужской стерилизации». Ну и неофициально почти так же — «самурайская ванна», или «акай фуру» (красная кадушка). Точнее, не совсем кадушка, а здоровая деревянная кадка, традиционная японская ванна под названием «фуру», а красной была не кадушка, а задница у самурая после кадушки. Как только у дворянина в средневековой Японии нарождалось слишком много детей, которым явно не хватало его скудного наследства, он говорил «стоп» деторождению. Для этого требовалось налить в кадушку немного воды, но воды очень горячей — на грани переносимости. Потом надлежало в эту кадушку сесть и, скрипя от боли зубами, попарить там яйца в самом прямом смысле! Ну, плюс стопы и совсем чуть-чуть задницу — ибо терпеть такую температуру весьма тяжело, а парить надо долго. Зато потом от двух до трёх месяцев самурай был бесплодным — сперма у него пустая была. Ну а потом полностью восстанавливалась, и опять в ней живчики-спермики копошиться начинали.

Биологический механизм такой стерилизации крайне прост. Знаете, зачем мужские яйца снаружи, а женские яичники внутри? Температура для нормального формирования сперматозоида должна быть ниже температуры тела. Вот фабрики по производству мужских половых клеток и вынесены за пределы тела, где им прохладней; яйцеклеткам же такого совсем не надо. Упростив ситуацию, можно сказать, что как только сперматозоид попадает в «оранжерею» женского влагалища, его тепло моментально активизирует этого удальца на коллективный призовой забег в поисках яйцеклетки. А если сперматозоид «перегретый», то он никуда бежать уже не может, так как стал полным паралитиком. Поэтому мужики, носящие свободные семейные трусы, — молодцы, а вот любители стильных прижимающих плавок — не очень. Поэтому умный гинеколог, когда к нему приходит женщина с жалобами на бесплодие, в ряду первых вопросов спрашивает: «А ваш муж любит посидеть в горячей ванне? А на раскалённой лавке в баньке?» И на всякий случай передаёт свой привет такому мужу с пожеланиями широких штанин и умеренно тёпленького душка для полноценной личной гигиены.

Так вот, Аня об этом не знала. Не учили в Академии имени Дзержинского таким премудростям. Зато Аня давным-давно, наверное ещё со школьной скамьи, слышала байку, что плод можно «выпарить». Париться надо долго, пока между ног не пойдёт кровь, ну а после вылезать, выкидыш дальше уже пойдёт самостоятельно и без проблем.

Анна прогрела свою ванну и стала медленно наполнять её горячей водой. Анна была очень волевой женщиной. Анна была офицером КГБ, тренированным и способным переступить через болевой порог. Ей было очень горячо, тело распарилось до малиновой красноты, с рук и лица катился пот, капая в горячую воду тяжёлыми каплями. Кровь никак не шла, и Анна делала воду всё горячее и горячее, делала глубокие вдохи на счёт, заставляя себя терпеть.

Своей волей она могла пересилить боль, но не могла переступить через биологию. Вдруг она ощутила, что её тело бьётся в крупном ознобе, ей совсем не жарко, а даже очень холодно, а по коже побежали тысячи мурашек. Она поняла, что перегрелась и что необходимо срочно вылезать из ванны. Она схватилась за край, но только лишь успела приподняться, как глаза залило темнотой, тело стало совсем слабым, и она упала обратно в ванну. Анна потеряла сознание от элементарного теплового удара и, попав обратно в горячую воду, быстро там умерла.

Ментов вызвали соседи этажом ниже, когда их залило горячей водой. Выломали дверь, обнаружили тело в ванне. Ран никаких, а вода красная. Пошла-таки кровь между ног.

Наши ребята на судебке долго гадали: сама ли ванна запустила аборт или он случился в агонии умирающего организма? Пришли к выводу, что ванна ничего не запустила — просто матка стала сокращаться в предсмертных судорогах. Ведь «рожали» же за секунды беременные женщины в газовых камерах Освенцима вне зависимости от срока.

Значит, это сделала не ванна, это сделала смерть.

Пахикарпин

Есть такой медицинский препарат. Это вчера Санёк Толику рассказал. Санёк не соврёт — он уже на третьем курсе мединститута. А вот Толику только на этот год поступать. Хотя, может, уже и не поступать...

Вчера приперлась эта дура, Лариска, пришлось её тащить в парк, чтоб предки, не дай бог, чего не заметили. А она там ревела весь вечер как белуга. Вот ведь стерва какая! И ведь не нравится она Толику ничуть, ему Светка белобрысая из параллельного нравится. Вот та красивая и отличница ещё. А эта? Смотреть не на что, третий сорт. Ну как с такой жить? Какое, к чёрту, будущее, если она мечтает работать с её мамашей в ателье? Что за полёт мысли — портниха свадебных платьев? Дура! Всех достоинств — детская художественная школа. Нашла чем гордиться. Вот Светка на юридический поступать собирается, это понятное дело.

Просто Светка ему не давала, а Лариска давала. Может, и Светка бы дала, да как-то спросить боязно и подойти стрёмно... Вроде даже и не знаком официально — так, кивок-улыбочка при случайной встрече...

А началось всё из-за училки, тоже стервы. Классный руководитель, тоже мне! Да сдаётся Толику, что о Ларискиных чувствах Александра Александровна, или Сан-Санна, Сана-Сюзана, а то и вовсе АА, давно догадывалась. И ведь как, сволочь, хитро всё подстроила: оставила их наедине убирать класс перед Новым годом. А Лариска, ведьма, ведь так и тянулась, стоя на парте и развешивая новогодние украшения. И сапоги скинула, якобы столы не пачкать, и места повыше выбирала — посмотри, Толя, на мои трусики.

Пришла бы в джинсах — может, и делов-то никаких не было.

Никто же её за язык не тянул, сама и в любви призналась, и целоваться полезла, и намекнула, что от дальнейшего не откажется. А Толик что? Толик ещё ни с кем не был, а тут так сразу припёрло. У Лариски как раз дома никого. Боялся, что не встанет, что первый раз не получится. Да ерунда это всё, стоял — аж звенел!

Лариска тоже молодец: во-первых, уже не девственница, а во-вторых, это она ему советы давала, ну вначале, чтоб ногу между её ног не оставлял и не стеснялся, ложился как надо. Честно сказать, без её слов Толя точно бы застенялся и убежал бы сразу после первого «фиаско на колготки». Она же и раком сама повернулась! Толик не просил. Толику вообще стыдно было. А она вон как успокоила да подучила... Одним словом, блядь! Потом Толик встречался с Ларисой довольно часто, срамное поначалу дело оказалось сладко-притягивающим. Хвалился перед друзьями, даже ревновал иногда. Правда, пропустив стакан крепленого вина или литр пива, свою столь обожаемую подругу, первой подарившую ему много чудных моментов неземного счастья, Толик называл просто — «моя блядь».

«Ненавижу! Блядь!» — со вчерашнего вечера эти слова крутились в Толиковой голове, как мантра у буддийского монаха. А всё потому, что Лариска беременна. От кого? Да ясное дело, что от него. Ну конечно, друзьям на всякий случай надо чего-нибудь такого приврать покруче — рассказать, что трахалась с первым встречным и поперечным. Она, конечно, не трахалась. Она Толика любила. Да какая разница, он же у неё не первый! Правда, вот зачем всем гнал пургу, будто сам ей целку сломал... Как бы не ляпнули чего там на каком суде или что там будет.

Надо всем срочно сказать, что врал, что не трахал он Лариску совсем. Хотя если ребёнок его, то какое это имеет значение?... Сейчас такое вроде легко определяют. Вчера притащила, зараза, эту импортную палочку. Мол, посмотри, дорогой, я эту палочку у сестры стырила — тест на беременность. Час назад на неё пописала — видишь крестик? Это залёт. Потом считали, сколько месячки не было. Вроде если и залетела, то совсем недавно. Два месяца назад точка у неё точно была.

А ведь какая упрямая оказалась! Как долго умоляла её обнять. Плачет, тушь по щекам мажет, а сама всё в любви признаётся. Похоже, что на аборт она не собирается. Говорит, что рожать будет, хоть пока ничего никому не говорила. Толик ей благородно сказал, что пошлёт её на три весёлых буквы с её же ребёнком. «Своим ребёнком?» — «Не смеши, дорогая — моим ребёнком будет только тот, которого я сам захочу». Ему и на алименты наплевать, он мужик стойкий! Господи, как противно дрожали её плечи после этих слов. Какие красные были глаза после долгого рёва. Тьфу, аж морда опухла! Потом полезла целоваться, стала хватать за член... Понятно, Толик опять не выдержал и вскоре драл её раком в кустах по соседству с лавочкой. Но и этот половой акт (Толик зарёкся, что последний) его отношения к Ларисе не изменил, — сразу после оргазма в его голову вернулось прежнее: «Ненавижу! Блядь!» Он застегнул штаны и резко повернулся, так что даже задел её мягкую голую задницу.

Бросив Крутое мужское «Всё!!!», Толян, не оборачиваясь, уверенно зашагал прочь.

Нет, определённо из каждого безвыходного положения есть выход. С расстроенных чувств и последних денег Толян купил четыре бутылки пива. Сел на лавочку в соседнем дворе, очень уж ему не хотелось снова с Лариской встречаться. А она ведь будет его искать, это Толик как пить дать знал. Ладно, после драмы, что эта дура устроила, нужно нервишки успокоить, пивка попить. Только открыл первую бутылку, как появился Сашка. Да нет, Санёк парень смирный и воспитанный, пива просить ни за что не будет. Шнурок у него развязался, вот и воткнул он свою лапу на ту же лавочку с Толиковыми бутылками по соседству. А Толик вдруг исполнился такой крутизной и гордостью за себя. Вон он какой, невзирая на последствия, смело бабу на три буквы послал! И захотелось ему с первым встречным-поперечным пережитым поделиться. «Пивка хочешь? Бери, не стесняйся!» И потекла неспешная беседа.

Санёк послушал и сказал: мол, знаешь, Толян, раз она на аборт не идет, раскрути её на таблетки. «Есть такая штука, пахикарпин называется. Уговори её залпом штуки три-четыре выпить, и твоим мучениям конец — никакого аборта не надо, всё само к вечеру выйдет. Га-ран-ти-ру-ю! Только смотри — там сосудистые ортостатические рефлексy на хер вырубает. Поэтому надо, чтоб после приёма девка вообще не суетилась. И ещё, достать эти колеса трудно — они группы «А» и на розовом бланке идут, как наркота». Толик от счастья к Саньку чуть обниматься не полез. Название «пахикарпин» записал Саниной ручкой прям на своей руке, а какие там чего-то рефлексy — на хер... И насчёт того, чтоб девка не суетилась, чёрт его знает, что Санёк имел в виду, наверное, чтоб не дёргалась, в смысле без истерик больше.

Задача была решена очень просто. Через полчаса Толик рылся в семейной шкатулке, доставая сто десять рублей. Сто за рецепт, а десятку на аптеку. Пропажу денег предки, конечно, засекут, придётся им сбrehать, что, мол, порвал в драке одному куртку... Драку начал сам, поэтому и заплатить пришлось, чтоб дело замять. Тогда и концы в воду, не станут же родики рыпаться и искать приключений на жопу собственного сына. Затем, довольный удачно сочиненной лапшой, Толя побежал к Митьку-Кухарычу. Он был лет на пять старше, но под армейский призыв не попадал, вроде из-за какого-то не то гепатита, не то туберкулёза. Митёк-Кухарыч работал столяром-разнорабочим в городской больнице. Что-то там чинил, врезал замки, подкрашивал, подбеливал и стриг «розу». «Розой» назывался розовый рецептурный бланк, пригодный для выписки лекарств с наркотическим действием. Букет «роз» был заветной мечтой каждого наркомана и стоил бешеных денег. Одна «роза» шла вроде за столик... А наивная администрация больницы никак не могла взять в толк, что держит на рабочем месте молодого человека при месячной ставке в 65 рублей и как при такой бедности молодой человек умудряется носить дорогие дублёнки и ездить пусть на подержанной, но машине.

Митёк-Кухарыч принял Толика весьма холодно. Сказал, что на столик может дать пять ампул морфина, восемь ампул омнопона, упаковку промедола или кетамина на выбор. Тогда Толик вкратце рассказал ему свою историю. Митёк-Кухарыч о пахикарпине не слышал. Недоверчиво и много раз он переспрашивал Толика, не цепляет ли эта штука, а если цепляет, то как? С кайфом, с тормозом, с глюками? Этого Толик не знал. Митёк-Кухарыч выразил громадное сомнение насчёт того, что это доселе неизвестное снадобье не долбит — раз «роза», то долбить обязана, иначе чего ей делать на розовом бланке? Митьку-Кухарычу явно стало интересно. Он угостил Толика какой-то импортной сигаретой, велел подождать, а сам трусцой побежал домой за фармакологическим справочником.

Вернувшись через пять минут, Митёк-Кухарыч аж осунулся от разочарования. Эта гадость не цепляла абсолютно, но при этом шла на «розе»!

— Из-за тебя, козлёнка, один цветок придется портить, — злобно прошипел Митёк-Кухарыч. Явно на морфине у него с одного бланка куда больше столика выходило.

Из того же справочника он вытащил пустой рецептурный розовый бланк и размашистым почерком врача с двадцатилетним стажем выписал рецепт, проставив дозу по справочнику. Затем извлёк из кармана печати и аккуратно проставил их в нужных местах. Когда чернила просохли, он вручил бланк Толику. Посоветовал не мять, сложить вдвое, а отовариться в любой аптеке Выборгского района. Потом написал на листочке короткую памятку — что нужно сказать, если в аптеке спросят «кому и зачем», а вместо прощания сказал: «Если узнаю, что отоварился в нашем районе, убью».

Толик парень надёжный, он сразу побежал в дежурную аптеку Выборгского района, что возле Финбана. Пожилая женщина с крайним недоверием взяла красный рецепт из рук молодого человека. «Кому и зачем?» — спросила она, даже не заглянув в бумагу. Похоже, цвет рецепта говорил сам за себя.

Мобилизовав весь свой артистизм, Толик сделал постное лицо и заговорил спокойным голосом, как можно более обыденно, но в то же время с лёгким придыханием, намекающим на откровенность: «Да я сам толком не знаю, то ли давление у неё какое-то особенное, какие-то там кровотечения, вроде с маткой что-то такое страшное, устали уже «скорую» вызывать. Доктор вот это выписал и сказал ей лежать трупом. Помрёт, наверное, скоро. В смысле тётка моя...»

Глаза видавшего виды провизора удивлённо поползли поверх очков, сидевших на самом кончике носа. История явно не походила на стандартный ответ: «Рак у дедушки, боли». Она стала внимательно читать рецепт. Потом взялась за телефон и принялась куда-то звонить. Повесив трубку, хозяйка лекарственного царства с виноватой улыбкой снова подошла к окошку:

— Молодой человек, у нас сейчас нет пахикарпина. Могу сделать только завтра к полудню. Советую вам сесть на любой автобус и через две остановки будет другая аптека. Я туда звонила, там есть. Они до семи, вы успеете. Такие вещи обычно по срочному, вы уж нас извините. Если будет там очередь, суньте рецепт и скажите, что по срочному, Тамара Николаевна уже с «дежурки» звонила.

— Да, мне сказали срочно... — неуверенно пробормотал Толик. Такое искреннее участие многоопытной Тамары Николаевны в судьбе его несуществующей тётушки сбивало с толку.

Автобуса Толик ждать не стал, играть так играть — хорошо после такого звонка ворваться запыхавшимся в тягучий, бальзамно-камфорный аптечный мир. Этаким контрастом показать искренность порыва! Вот и указанная аптека. Толик врывается, как революционер размахивающий розовой листовкой:

— Х-хх, х-хх, Тамара Николаевна, х-хх, х-хх, тут вам...

Его рецепт берут без единого слова, а ещё через мгновение на стекле прилавка появляется небольшая сине-золотистая коробочка явно импортного препарата. Коробочка пока остаётся в углу прилавка на стороне у провизора:

— Во вторую кассу, рубль одиннадцать, пожалуйста. По одной утром и вечером. Да, и вашей тёте надо лежать, не вставая.

— Я знаю...

Толик стал в коротенькую очередь. Его сердце уже билось не столько от недавнего бега, сколько от внезапно переполнившей его радости, что всё так быстро и успешно получилось. Толик чувствовал себя героем, способным пройти любые трудности и взять жизнь за рога. Наконец беленький квадратик чека наколот на спицу и заветная упаковка надёжно уложена во внутренний карман, поближе к сердцу.

Вот и всё, завтра дело за малым, уж с этим Толик справится без проблем. В руке оставалось без малого девять рублей. Толику был приятен вечерний весенний воздух, и он не спеша побрел к Финляндскому вокзалу, смакуя каждый вдох. В успехе мероприятия сомнений не было. Толик раскусил розовую тайну пахикарпина — это чтоб подпольных абортёв не делали!

Рядом с Финбаном у метро лоточники торговали цветами. Толик замедлил шаг, затем остановился возле одного небритого южанина и выбрал хороший букет за девять рублей. Одиннадцать копеек ему простили. Толик с букетом растерянно стал у метро — пятака на турникет у него не было. Забыл в пылу. Но даже эта маленькая досада его совершенно не расстроила. Рядом стайкой проходили какие-то студентки. «Девушки, извините ради бога, не могли бы вы мне дать пятак? Право, забыл по глупости, а возвращаться не могу — на

свидание опаздываю». Вид молодого человека с цветами и таким признанием моментально оживил девчонок, наперебой посыпались необидные шутки и пятаки:

— Возьми два, назад ехать... Да бери, бери, чтоб у подруги не выпрашивать!

Толик послушно взял монетки и исчез в толпе. Его обволокло одиночество общественного транспорта. Кто-то цеплял за локоть, кто-то наступал на ногу, но этих людей как бы нет, есть только собственные мысли о том, что завтра воскресенье и первый этап операции. Если всё пойдёт удачно, то второй этап будет в понедельник, а во вторник утром будет третий этап — проверка действия и окончательное сожжение мостов. Во вторник утром Толян уже будет свободным человеком без «генетических хвостов». Зайдя в свой подъезд, он спрятал букет под лестницей и пошёл спать. Пропажу денег предки ещё не обнаружили, а ужинать в их обществе совсем не хотелось.

Утром отец с матерью вышли на свой короткий моцион. По выходным они любили ритуально погулять с Кнопкой, маленькой гавкучей болонкой. Едва хлопнула дверь, как Толик сел за телефон. На счастье, трубку взяла сама Лариска.

«Привет, Ларис. Ты это... Короче, я это... Долго думал, ночь не спал. Нам надо встретиться. Прости меня. Я тебя люблю!»

Почему-то сказать это заочно оказалось куда легче. Договорились, что она выйдет через час, а Толик будет её караулить у подъезда. Можно успеть прыгнуть под душ, быстро почистить зубы и подушиться папиным одеколоном. Потом Толик опять залез в родительскую шкатулку и вытащил ещё один червонец, теперь уже на культурные мероприятия.

Вот и знакомый подъезд. Легкая Ларискина фигурка моментально выпорхнула из дверей, едва он подошёл, — похоже, она караулила его у окна. Глаза девчонки наполнились слезами, она не могла поверить, что этот букет — ей! «Ой, а цветы теперь куда?» Похоже, что Лариске ещё ни разу в жизни цветов не дарили. Толик пожал плечами и полез по Ларискиным карманам и поисках платка. Лариска прижимала к себе то цветы, то Толика, а слёзы всё текли и текли... Опять смазалась тушь, и платочек стал грязным и мокрым. Наконец Лариска чуть успокоилась и зашептала:

— Пошли ко мне. Отец на шабашке сегодня, кому-то там балкон стеклит, а мама на базар поехала. Часа два у нас точно есть!

Дома Лариса достала громадную хрустальную вазу. Эта ваза стояла высоко на шифоньере в окружении очень красивых кукол. Точнее, куклы были пластмассовые, дешёвые и самые обычные. Необычными были их одежды — все они были наряжены в необычные подвенечные платья и малюсенькие коронки с фатой. Даже изящные кружевные туфельки умело скрывали гротескную пухлость кукольных ножек. Белоснежные одежды миниатюрных невест здорово выделялись над тёмным деревом шифоньера. Это Лариска с мамой баловались — пообшивали старых кукол, что остались от Ларискиного детства и детства её знакомых. Девчонка водрузила вазу с букетом на телевизор, вроде как на самое видное место в комнате.

— Толь, а что мне маме сказать? Спросит ведь, откуда цветы...

— А скажи как есть. Скажи, Толик подарил!

Она опять заревела и бросилась к Толику с объятиями. Потом с видимым усилием отнялась от него и бросилась закрывать шторы. В этой квартире — тюль и занавески, покрывала, наволочки, накидки, скатерти, салфетки — всё было самодельным и носило ярко выраженный свадебный характер. Толика эти белоснежные цветочки-завиточки-голубочки поначалу забавляли, а потом раздражали. Казались верхом безвкусицы и мещанства. Хотя

сейчас он об этом не думал. Ларискино упругое тельце заходило под ним, он даже не успел снять полностью джинсы. Так и влился в неё с болтающимися на одной ноге штанами. Впервые он был не конём-молчуном, а нежным влюблённым. Он склонялся к уху своей покорной девочки и тихо шептал: «Ларисонька, кисонька, лапушка, моя, моя, моя...» А Лариска лишь тихо выла в ответ, чуть наискось прикусив губу, и из глаз её уже в который раз бежали слёзы блаженства и радости.

Потом Лариска поскакала в ванну, Толик поплёлся за ней ополоснуть свое хозяйство под краном. Он засунул руку за очередную свадебноподобную портьеру, где изысканная капроновая тюль удачно скрывала простую клеёнку, и перекрыл воду. Потом скомкал белых лебедей и отодвинул занавеску. Лариска стояла перед ним, такая маленькая, голая и беззащитная. Покрывая свою рубаху тёмными разводами капель, Толик прильнул к ней начал целовать Ларискино голое тело. Целовал он быстро-быстро и так же быстро тараторил: «Люблю-люблю-люблю...»

Потом они оделись и пошли гулять на Неву, потом в какое-то скучное и дурацкое кино. Кино они не смотрели. Сидели на самом заднем ряду и тихо целовались весь сеанс. Затем забрели в простенькое кафе и проели там почти все деньги. Домой решили идти пешком. Со скульптур Летнего сада уже сняли деревянные «тулупы», и за решеткой снова блистали Аполлоны и Афродиты, а не убогие будки, похожие на сельские туалеты. Они зашли в эту мекку всех ленинградских влюбленных. Там Толик вдруг рухнул на одно колено и громко сказал:

— Лариса вот тебе моя рука! И мое сердце!

Прохожие шарахнулись и захихикали. Как-то манерно и слишком театрально, не шутит ли? Лариска галантно взяла Толикову руку и тихо ответила, смущаясь назойливых зрителей:

— Толя, а я согласна. Я ведь тебя тоже люблю, ты ведь знаешь...

Только вскочил и как-то по-гусарски поклонился. Они ещё с минуту под ручку шли по алее, пока не наткнулись на первую попавшуюся свободную лавочку. Толик попросил его не перебивать и заговорил о свадьбе, — свадьбу предстояло сыграть сразу после последнего звонка в школе. Это ничего, он всё равно сумеет поступить в университет. Пусть будет трудно, но он подготовится. Лариске надо будет пойти к маме в ателье, потом она тоже сможет стать настоящим мастером подвенечного платья. Плюс её зарплата и его стипендия, на двоих хватит! Но только на двоих... Не на троих. Да, я понимаю, деды и бабки у нас молодые будут, помогут, никуда не денутся. Но Ведь Толику учиться надо. Не получится это с ребёнком. Вот курсе на третьем — тогда без проблем! Такой вот подход и называется планированием семьи. Ларискины глаза погрустнели.

— Я не пойду на аборт, — сказала она похолодевшим голосом. — Я себе платье подвенечное уже давно придумала. Я его в альбоме нарисовала. Мама смотрела, кое-что подправила и сказала, что сошьёт. Там фасон такой, что и с животом можно...

— Господи, Лариска! Да не надо на аборт! Я тебе завтра четыре таблетки дам. Ты их выпьешь. Если у тебя там ребёнок здоровый, то ничего не будет, а если какой урод, то его сам твой материнский организм отторгнет! А если не отторгнет — шей себе платье с животом!

— Нельзя беременным таблетки... Мне так мама говорила.

— Ой, Ларис, ну чего ты такая наивная! Вон твоя сестра импортную палочку, ну тот тест на беременность, за какие деньги покупала у валютчиков-спекулянтов? Ну, пусть не за деньги, пусть мамкины клиенты в благодарность за платья подарили. Это не важно! Они-то всё равно такое за валюту или по переплате доставали. Важен импортный тест! Тебе вот охота

ребёнка-урода? Нет! И мне неохота. Это специальные французские тест-таблетки — они только здоровых детей оставляют. Я у Гарика-валютчика доллары купил, а на них эти таблетки одному морячку специально для тебя заказывал! Да не бойся ты, они вроде как витамины, их в Америке и Европе всем школьницам раз в месяц дают, сам по «голосам» слышал. Ну чё ты, Лариска, такая необразованная!

— Ну если только один раз... — неуверенно согласилась Лариса.

Наутро перед школой Толик дожидался Лариску у подъезда. Едва она вышла, как он схватил её, увлек обратно в парадную, где зажал в объятиях со страстным поцелуем. Лариска затараторила, что пора идти, а то они на алгебру опоздадут, Толик не спеша открыл портфель и достал... бутылку молока. Он сунул бутылку в Ларискину руку, а затем быстро извлек что-то из кармана. На протянутой руке лежали четыре белых овальных капсулы.

— Пей их быстро, одну за одной.

Толик всё рассчитал. Он пятнадцать минут будет с ней идти в школу. Он постарается немного опоздать, и времени забежать в туалет у Лариски точно не будет. Значит, не выблует. Потом алгебра, сорок пять минут, — в той умной книжке про лекарства, какую читали с Митьком-Кухарычем, было написано, что всасывание в желудке в течение часа. Вот мы час и обеспечим!

До школы дошли без приключений, и едва все сели, как они оказались перед дверью класса. Глаза Сан-Сюзаны удивлённо расширились, чего-чего, а увидеть Толика и Лариску вместе, да ещё и за ручку, она никак не ожидала. Кивком головы предложила пойти сесть на свои места. Даже не стала метать свои гневные речи по поводу опоздания. Опоздавших она не любила, и поэтому к ней опаздывали редко. У А.А. лучше прогулять, чем опоздать.

Лариска сидела от Толика довольно далеко, через ряд. Хрупкая и маленькая, она никогда не вылезала с первых парт, а вот рослый Толик всегда сидел на «Камчатке». Однако если подвинуться на нужную позицию, то Лариску хорошо видно между застывших голов одноклассников. Первую половину урока она что-то там писала в своей тетрадке, наклонялась за линейкой в портфель и иногда грызла ручку. А вот потом...

Потом минут десять она сидела неподвижно, а после её скрутило. Она положила руки на живот и грудью оперлась о парту. Очкастая Алка Фёдорова, дебелая бабища, что сидела от Лариски через ряд прямо перед учительским столом из-за своего плохого зрения, небрежно швырнула на Ларискину парту какую-то конвалютку с таблетками. По серебристой фольге похоже на баралгин, Толику мать такие от зубной боли давала. Любят бабы друг друга от месячки лечить. Лариса отрицательно помотала головой и передала таблетки назад Фёдоровой. Движение её руки показалось Толику каким-то слабым. Потом Лариса подняла руку и сконфуженным голосом произнесла:

— Извините, Александра Александровна, я выйду...

Вставала Лариса как-то медленно и излишне долго — уже весь класс вперила в неё глаза. Сан-Сюзана нервно подскочила к полускорченной Лариске и уставилась ей в лицо своими колючими рентгеновскими глазами. Затем заговорила привычным властным голосом:

— Немедля иди на первый этаж в медпункт! Сама дойдёшь или пусть тебе Фёдорова поможет?

— Сама, сама. Спасибо, мне уже лучше.

Стараясь выглядеть бодрой и по своей привычке закусив криво губы, Лариска вышла из класса. Математика на втором этаже — до медпункта один лестничный пролёт. На первой

ступеньке с Лариской неожиданно что-то случилось — в глазах не то внезапно потемнело, не то страшно посветлело, в ушах раздался нестерпимый звон, переходящий в высокочастотный писк, после чего её мышцы полностью ослабли, и она отключилась. Всё случилось так внезапно, за такие доли секунды, что Лариса не успела даже сесть на ступеньку — так и грохнулась на лестнице. Всё, что она успела, это лишь чуть-чуть развернуться, поэтому хоть и полетела строго вниз, но удар о край бетонной ступеньки пришёлся не в лицо, а за ухом.

Техничка Ивановна, что мыла вестибюль, услышала страшный хлюп с хрустом — очень характерный звук разбиваемого черепа. На её вопли прибежала медичка и А.А., потом завуч, потом Крючок — трудовик, его мастерские на первом этаже рядом... Потом вообще все кому не лень. Когда Лариску занесли в медпункт, она не дышала. Хотя она и на лестнице уже не дышала. «Скорая» приехала. Два больших дядьки с носилками, ящиком и каким-то аппаратом бегут в медпункт. Торчат там минут двадцать, потом один устало выходит перекурить. Появляются менты, начинают ходить вверх-вниз, чего-то мерять. Наконец Лариску несут на выход под белой простынёй вперёд ногами.

Толик это видит, и ему страшно. Первый раз по-настоящему страшно. Нет, Лариска блядь и её не жалко, но ведь впереди жизнь, институт... Нет, надо молчать, молчать и молчать! Тогда ничего не будет. На перемене Толик запирается в туалетной кабинке и спускает оставшиеся таблетки в унитаз. Потом выходит на школьный двор, прячется за старой ёлкой и нервно прикуривает сигарету. Тут же сжигает коробочку и оставшуюся пустую конвалюту. Всё, следов нет. Ничего не знаю. Будут менты чего спрашивать, скажу, что любил. Скажу, жениться хотел, а что беременная, не знал...

* * *

Прозектор Серёга тронул меня за плечо:

— Шеф, там, похоже, токса с черепной травмой. По вашей части вроде, может, глянете? Габриэлян просит, его труп.

— Ладно, а что о теле у нас почитать есть? Не густо: писульки «скорой» со слов уборщицы. Ну, пошли проведем Габриэляна с его мадам.

Да, похоже токса налицо. В желудке четыре полупереварившиеся белые капсулы. Мозг и печень малокровны, а вены и артерии малого таза расширены до предела. Я тут особо и не нужен, Габриэлян и сам дока, меня позвал больше из вежливости, хотя, может, чего ему надо... Все пробы крови и других биожидкостей, печени, сальника и, разумеется, желудочного содержимого он уже взял. Остатки капсулок лежат по отдельным пробиркам. С головой всё ясно — на черепе громадный перелом, трещина проходит через основание. Так, Велозиев круг, это серьёзно, латеральный синус, ерунда. А вот и вклинение продолговатого мозга — ясно, это и есть непосредственная смерть. Теперь копнём на шажок в сторону — что ещё интересного? О, матка беременная, стенки сжавшиеся. Плодное яйцо почти из зева вышло. Аборт в ходу.

— Слышь, Арсен? Распотроши это красиво, я пойду фотоаппарат принесу. Похоже, грохнулась малолетка от ортостатического коллапса, судя по перераспределению крови. Да плюс аборт... А на стенки матки посмотри! Короче, на отравление пахикарпином похоже. Придется труп с неделю в холодильнике подержать. Пробы я в ИВС и в нашу лабораторию пошлю, случай не срочный, раньше не сделают.

Глаза Арсена Акоповича с мольбой уставились на меня:

— Анатолич, закончи ты. Мне надо с дочкой на гимнастику, а жена дежурит. Ну закончи, а? Долма с меня!

Я долму люблю, особенно ту, что Наира готовит Я холостой, мне всегда жрать хочется. Согласен. Поделил пробы, кое-что для верности закинул в жидкий азот. Раз столько работы подвалило, то можно не торопиться, теперь всё равно в общагу поздно попаду. Пойду-ка я покурю на улице, такой день хороший.

Из прозекторского зала надо выходить осторожно. Хоть прозектура судебная, военная да режимная, никогда не знаешь, когда на родственников нарвёшься. И как они умудряются всё узнать и сюда через КПП пробраться? Сейчас всё вроде спокойно. Я усаживаюсь за только что зазеленевшими кустами и с наслаждением прикуриваю «беломорину». Через прозрачную салатную кисею однодневной листвы вижу серую ментовскую форму, а за нею балахонистый пиджак следака. Это не родственники, все свои, присаживайтесь ребята, покурим. Начинаются стандартные вопросы, что нашёл да что думаю. Вот что мне не нравится в их братии, так это то, что они готовы всем и вся устраивать допросы. Ну подождали бы чуть-чуть — получили бы официальный протокол предварительного заключения, а через недельку и окончательного. Я небрежно помахиваю папиросой, манерно пускаю дым, закинув ногу за ногу. Рисуюсь немного перед следствием. Да, мол, чего там искать — пока стопроцентно утверждать юридического права не имею, так как результаты анализов не подучил, но дело, похоже, ясное — отравление пахикарпином при попытке неудачного медикаментозного криминального аборта.

Следак достает записную книжку и просит написать название лекарства по-латыни и по-русски. Я пишу. Краем глаза замечаю, что к нам подходит какая-то женщина. Почему-то мне кажется, что это Николаевна, следачка с «железки». Наверное, идёт по поводу того алкаша на четвёртом столе, что вчера ночью с электричкой поцеловался. Дописал, поднимаю лицо. Нет, не Николаевна. Красные сухие глаза, чёрная шаль на плечах, руки бессмысленно теребят какой-то детский альбом для рисования с выглядывающим из него белым бутафорским цветком из тюля с блестками.

Да, влип. Это МАТЬ.

Я нервно швыряю окурок и торопливо встаю. Конечно, от матери много чего полезного можно узнать, да только пусть с этим следователи возятся. А у меня здоровье не железное. Я вон и работу выбрал, где «больные» не жалуются.

Однако быстро слинять не получилось. Она меня взяла ЗА РУКУ. Никогда ИХ родственники не берут НАС за руку. Мать заговорила, вроде бы по делу и вроде бы в пустоту:

— Когда мне отдадут Ларису? Она платье себе придумала. Красивое, подвенечное. Не знаю, успею ли...

Мать отпускает меня и открывает альбом, я машинально прячу освобождённую руку за спину. Мне неудобно, но интересно, я стою и смотрю в альбом. На первой странице нарисована невеста в красивом наряде. Мать листает дальше, это бант, это шлейф, это фата...

— Думаю, что успеете. Нам не менее семи дней на экспертизу потребуется. Да вы не волнуйтесь, у нас хороший холодильник...

Похоже, что про холодильник я зря. Дочь всё же.

На спасение ко мне со скамейки поднимается следак с дежурными извинениями, пониманиями, успокоениями и просьбой ответить на пару вопросов. Путь к отступлению открыт. Быстрыми шагами я скрываюсь в своей надёжной крепости-прозектуре и задвигаю засов. Совершенно необходимая вещь при наличии родственников во дворе.

Поднимаюсь на второй этаж и смотрю в окно из-за шторы, тихо, по-шпионски. Там следак беседует с матерью. Похоже, от неё сейчас многого не добиться. Опять страшно захотелось

закурить. Сел за стол, закурил. В ординаторской никого, и я ловлю себя на мысли, что я вроде как от взгляда матери прячусь. Глупость какая. К чужой смерти я привык, она меня не трогает. Почти.

Возвращается следователь, чёрт, надо идти все доделать побыстрее.

Следак покрутился вокруг трупа. Да ему здесь и особо смотреть не на что. Ну ткнул ему пинцетом на полнокровные вены, авось поймёт. Спрашивает моё мнение о лекарстве. А что тут мнить, препарат группы «А», сравнительно редкий. Если брали в аптеке, то найти легко — звони в городское аптекоуправление, в учётно-рецептурный отдел. Но это, конечно, если недавно брали... Если есть описание подозреваемого и свежий рецепт, езжай и спроси провизора, потом делай очку, если провизор тебе что похожее на твоего подозреваемого опишет. Не поленишься — посадишь гада раньше, чем мои анализы придут. Мне ли тебя учить, моё дело вот — мясо...

Я отодрал кусок светло-голубой клеёнки и красиво расположил матку. Разрезал, как художник, чтобы показать аборт в ходу. Сфотографировал, отобрал немного биоматериала на случай, если придётся устанавливать отцовство. Что ещё мне пригодится? Ничего. Я кинул матку в глубину пустого распахнутого тела, и она, прыгнув мячиком, улетела куда-то под рёбра к горлу. Да какая разница куда. Следом кинул сердце и мозг, а потом сверху завалил остальной требухой со столика. Рядом возник Серёга со здоровым иглодержателем и толстой чёрной ниткой.

— Все, Серёж, ушивай. А потом отмой её хорошо. Чтобы ни пятнышка! На ней будет очень красивое подвенечное платье.

Аспирин

Вообще-то, над этим трупом чуть подумать пришлось. Да нет, что причиной смерти являлся страшный передоз обычного аспирина, мы догадались быстро, — ну не совсем же дураки у нас работают, плюс анализы. Некоторую проблему составило определить непосредственную причину смерти. А вернее, даже не так: причина — острое кровотечение — была тут ясна. Оставался вопрос, какое кровотечение, так как их было два. Одно маточное, из-за выкидыша, а другое желудочное, из-за острой обширной эрозии слизистой, сопровождавшейся множественными изъязвлениями, — типично аспириновая смерть. Ну сколько крови вытекло из матки, мы уже измерить не могли, а вот то, что вытекло из желудка, — запросто. Получается, что желудочное кровотечение было более тяжёлым, а маточное просто помогло ему приблизить смерть. Вообще, аспирин штука серьёзная, каким бы пустяковым лекарством его в обиходе ни считали. Аспирин свёртываемость крови заметно нарушает, особенно в больших дозах. С ним надо бы на «вы», вместо того чтобы жрать его по любому поводу.

Что беременна, Жанна поняла неделю назад. Одно сомнение её мучило — это месячная беременность или двухмесячная? По идее, даже меньше месяца, хотя прошлые месячные были какие-то странные — короткие. но в две серии, в первый день помазало чуть-чуть, а потом три дня ничего, затем, правда, ещё пару дней что-то такое непонятное текло. Всё же, наверное, это была менстра, у неё такое частенько случалось — то циклы сойдутся, то за два-три дня всё пройдёт, и не обильно так, почти сухо, то, наоборот, как ливанёт — и на целую неделю. Слышала она, что иногда даже при беременности бывает, что мажется: вон Светка из их группы до третьего месяца всё думала, что не залетела. Но сейчас-то Жанна точно знает, что к чему: двухнедельная задержка очень соответствовала одному моменту в её жизни... Хотя и за месяц до того был моментик. Но. похоже, тогда обошлось чисто, не то что в этот раз.

...Последним экзаменом шёл матмех — самый тяжёлый экзамен в летней сессии. Штудирование дикой смеси математики и физики, приправленной инженерным делом, окончательно вымотало Жанну. А ещё добавьте панический страх, который она испытывала перед этим предметом, пять бессонных ночей, постоянно крепкий кофе и сигареты, и вы поймёте силу Жанкиного стресса. Затем был экзамен, где она чуть не грохнулась в обморок от перенапряжения. Принимал Интегралыч, старичок доцент. На удивление, она ответила очень прилично, а видя её крайнее волнение, Интегралыч разжалобился и буквально за красивые глазки избавил от серьёзных дополнительных вопросов, спросив для вида какую-то очевидно элементарную ерунду. Итого — отлично! Она так боялась завалить эту сессию, а снова вышла среди девушек лучшей в группе.

«Завалить» для Жанны отнюдь не значило не сдать и пролететь со степухой. Она давно сидела на повышенной, а уж за обычную и вовсе не переживала.

По Жанкиным понятиям, «завалом» считалась четвёрка. Среди девушек бесспорный лидер, да и среди парней, пожалуй, тоже, ну разве за исключением Димки. Он вон хорохорится своими пятаками автоматом по матанализу, а посмотри в зачётку, там то же самое, что и у Жанны...

Невзирая на усталость, с последнего успешного экзамена вылетаешь буквально на крыльях. Ад позади, а от сессии до сессии живут студенты весело! Жанна хоть была и отличницей, но не исключением из правил. Она, буквально пританцовывая, вышла из главного корпуса и уселась перекурить на парапете. Блаженный миг. Тут рядом оказался Димка. Он сдавал Биссектрисе — профессору-злючке, которая недолюбливала слишком амбициозных мальчиков и вообще слыла феминисткой. Однако судя по сияющему Димкиному лицу, с экзаменом у него получился полный порядок.

— Привет, Жанет!

— Привет, Димон!

— Ну как дела у нашей Софьи Ковалевской?

— Похоже так же, как и у нашего Альберта Эйнштейна!

Обменявшись комплиментами, они ещё потрепались немного о том, что досталось в билетах, какие были дополнительные вопросы и как пришлось выкручиваться. Затем перешли к более насущной повестке оставшегося дня. Как отметить конец сессии? Оказалось, что отличники самые несчастные люди: все остальные давно распланировали этот счастливый день, а умники, сидючи за своими книжками, об этом забыли.

Пойти в кафе и сожрать там по порции цыплёнка табака, запив его бутылкой сухого рислинга или ркацители, казалось самой естественной необходимостью.

Жанна почувствовала, как Димка обрадовался, когда она согласилась составить ему компанию. У него подружки вообще не было. Ни одной — с самого первого курса. Он был, как казалось, излишне целеустремлённым, с нулевым вниманием к собственной личной жизни. Вёл какую-то комсомольскую работу для галочки, а в основном отирался на кафедрах от СНО — студенческого научного общества. Частенько заглядывал и на «взрослые» научные семинары и конференции. Однокурсницы считали Димку бездушным карьеристом, но Жанна так не думала — она видела, насколько искренне тот увлечён наукой.

Жанну в науку не тянуло, она полагала, что с неё вполне хватит отличной учёбы. До последнего времени у неё был хороший парень, и в плане ухаживаний она считалась девочкой невакантной. Он был старше её, и это лето для него оказалось последним — диплом, госы и распределение. Их отношения, казалось, выходили на серьёзный уровень, но

перед распределением почему-то у них всё расстроилось. Нет, ссоры не произошло, просто обоим стало понятно, что продолжения романа не будет, а с выпуском у молодого специалиста начнётся новая страница его жизни. Финита ля комедия, Жанна становилась вакантной. Были кое-какие сомнения насчёт того, чисто ли она с ним распрощалась, но Жанка считала по дням, и выходил безопасный период. Хотя с её часто плавающими циклами за такое поручиться сложно. По крайней мере, на сессии она уже об этом не думала: прошли малюсенькие странные месячки, которые она списала на свои обычные нервные переживания перед экзаменами. Во всяком случае, когда она сидела с Димкой в «Орбите», треская за обе щеки сочного цыплёнка и запивая его кисленьким «сухариком», проблема залёта её уже совершенно не волновала.

Димка оказался весьма галантным и уверенным в себе ухажёром. Вот чего от него она совершенно не ожидала. После обеда они решили пройтись пешочком до общаги студгородка, а по пути разузнали о ближайших планах друг друга. Никаких планов. Оба через день уезжали: Жанка в свой студенческий отпуск, а Дима в стройотряд. Так получилось, что они выбрали разные потоки, Жанна в стройотряд отправлялась после отпуска. Обоим завтра предстояло сдать книжки и подписать бегунок. Но это завтра. А сегодня необходимо было развлечься.

Димка жил в комнате с какими-то арабом и первокурсником. И тот и другой сдали свои сессии парой дней раньше и уже свалили. Дальнейшее виделось весьма просто, пусть и несколько прозаически. Купить бутылку коньяка на вечер, а потом уединиться в пустой Димкиной комнате, чтоб «спокойно посмотреть телевизор».

Но был тут неприятный момент: Жанка на пике залётных дней, а у Димки не оказалось презервативов. Вот что значит полностью посвящать себя учёбе. Обцелованные и раздетые, они уже и мысли не допускали, чтобы тащиться в аптеку за этой вещью. Оставалось только уповать на мужские хладнокровие, выдержку и сознательность, — Жанка попросила, Дима пообещал. Но не сделал. Не успел. Жанка попросила его отвернуться, а сама выдавила туда капельку шампуня и как могла протёрла уголком простыни. О том, чтобы тащиться в мужской общаге в душ, и речи быть не могло. Там неприятно пощипало, — может, действительно мыло защитит? Не стоит сильно переживать, и Жанка блаженно уснула до утра в Димкиных объятиях.

Утром Жана проводила Диму до стадиона, где собирались стройотрядовцы, все в форменных куртках и с рюкзаками вместо привычных чемоданов. Пока не подошли автобусы, весь поток с интересом разглядывал новоиспечённую пару. А потом подали транспорт, и студенчество с песнями уехало строить коровники. Жанна помахала рукой и загрустила: вновь встретиться с Димкой она могла только через долгих три месяца. Вечером она села на поезд и укатила домой, к любимым папе и маме. А к концу отпуска окончательно поняла, что залетела. Сделать что-либо за оставшиеся пару дней она уже не могла, а как только вернулась из отчего дома, сразу оказалась в стройотряде в далёкой для неё и холодной Ленинградской области.

О своей проблеме она рассказала по страшному секрету Валентине, своей лучшей подруге. Дело получалось скверное. Димка, конечно, хороший парень, очень умный и серьёзный. Но встречалась с ним Жанна всего два дня. Вроде они друг другу понравились, но только и всего — никакими обещаниями они себя не связывали и расстались пусть приятными друг другу, но свободными людьми. То есть впереди сплошная неопределённость. А ещё хуже, если она залетела от «бывшего». Тогда беременность уже больше двух месяцев. Жанна была очень честная девушка и считала, что шантажировать Димку чужим ребёнком недопустимо. Но где же выход? К кому тут обратиться, да и можно ли вообще здесь сделать аборт? Скорее всего, нет.

И тогда Валька дала ей один простой совет — аспирин. Две пачки на кишку и одну в дупло.

Странно, как такие умные девушки могли пойти на такую глупость. Видать, медицина и прикладная математика вещи из разных измерений, без пересечения в нашем трёхмерном пространстве.

Жанна выпила две упаковки аспирина, а одну упаковку запихала себе в место оное. Без бумажки-конвалютики, конечно, одни таблетки. Для простоты решения мы задачу упростим: слишком уж необычная фармакокинетика «переваривания» во влагалище, поэтому посчитаем просто: аспирин идет по ноль целых пять десятых грамма на таблетку, в упаковке двенадцать таблеток, итого восемнадцать граммов ацетилсалицилата на шестьдесят килограммов живого веса. Сразу же скрутило живот и появилась страшная изжога, а потом развилось салициловое опьянение — весьма прикольное и эйфорийное состояние. Токсикоманы, с которыми мне доводилось беседовать, описывали аспириновую интоксикацию как куда более приятную, чем алкогольная или барбитуратная. Жанке не было плохо, ей было хорошо. Рвотный рефлекс слегка подавлен, болевой порог заметно понижен. Когда ацетилсалициловая кислота разъедала желудок, она особых неприятных ощущений не испытывала. А вот когда сломалась тонкая биохимическая машина регуляции агрегатного состояния крови, то есть кровь стала сочиться через стенки сосудов, было уже поздно. Блок простагландин-простациклинового комплекса «запустил» матку, и та стала работать на выкидыш, что добавило темпа кровопотере, ведь кровь уже и так всю хлестала из слизистой желудка.

Жанна похихикала, немного потащилась и умерла.

Кстати, зря она так. Срок её беременности оказался всего чуть больше месяца. Соответственно Дима был папой. Хорошая пара могла бы получиться, а какие были бы дети с такой наследственностью! Эх, замечтаешься...

Спица

Ну вот мы наконец и дошли до неё, до главной героини народного фольклора: легендарной исполнительницы криминальных аборт — Одной Бабки! Ну, знаете: «И тогда пошла она к Одной Бабке...»

На самом деле «одни бабки» такое дело практикуют крайне редко, и даже их консультативно-методическая помощь зачастую оказывается совершенно не такой, как говорит молва. Молодая женщина от этих старушек куда чаще слышит: «Да рожала бы ты, милая, не бери грех на душу, не губи ребятёночка...»

Исторически, конечно, мы вполне допускаем, что во времена Ивана Грозного «одни бабки» только этим и занимались, в перерывах между нормальной повитушьею деятельностью и снятием порчи. Но в наше время «одни бабки» полностью переквалифицировались в мирных пенсионерок, озабоченных уничтожением колорадского жука на огородах, а не человеческих зародышей в матках.

Хотя кое-какие носительницы этого средневекового ремесла всё ещё живы.

Это был труп молодой женщины. Если не смотреть на *striae gravidarum* — специфические растяжки кожи на животе, говорящие о перенесённой беременности больших сроков, то можно сказать, что это была девушка: ей шел всего двадцать четвёртый год, а выглядела она и того моложе. Эти белесые зигзагообразные линии сформировались около двух лет назад и к данному делу никакого отношения не имели. Зато на вскрытии обнаружился весьма интересный синдром тромбоза печёночных вен, или синдром Budd-Chiari. Печень при этом

напоминает мускатный орех — у того похожий рисунок на срезе. Вообще-то, этот синдром — идиопатическая редкость, то есть причину тромбоза установить невозможно, однако в этом случае причина была, хотя и не совсем обычная по теориям патогенеза. Причиной тромбоза стал едва начавшийся восходящий из малого таза перитонит, или воспаление брюшины, а вот первопричиной этого воспаления явился криминальный аборт, неудачно выполненный Одной Бабкой.

...Тамара вышла замуж три года назад за мужчину весьма старше себя. В их селе Василия прозвали Кулаком. В свои тридцать пять он умудрился отгрохать, единственный здесь двухэтажный дом, всегда имел относительно новую машину, вёл солидное хозяйство. К удивлению и зависти селян он занимался «цветочной выгонкой», чрезвычайно трудоёмким и кропотливым делом: ездил на юга за тюльпанной луковицей» скупал её мешками от пяти до пятнадцати копеек за штуку, а потом по несколько раз в год к нужному празднику «выгонял» в своей теплице разом по несколько тысяч тюльпанов. Маленькая луковица дарила людям прекрасный цветок, который тут же перепродавался цветочникам-лоточникам из Ленинграда по цене от полтинника до полутора рублей за штуку. Ну а те ставили от рубля до трёх. Цепочка производитель — продавец считалась в Союзе абсолютно нелегальной, но была при этом абсолютно непреследуемой: «частники» обеспечивали, наверное, 99% цветочного рынка.

Числился Василий колхозным сторожем. Наверное, зарплату за него получал председатель колхоза. Не нуждался Кулак в казённой копейке, ему и своих рублей хватало.

Понятно, что в колхозе Василий был мужиком видным, но не в плане внешности: маленький, щуплый, веснушчатый и белобрысый, с большими залысинами и серыми, казавшимися прозрачными глазами, на звание первого парня на деревне он явно не тянул. Однако будучи холостым, непьющим и самым богатым, становился весьма завидным женихом. Мать Василия пилила его почти ежедневно: кому он это всё строит, на что деньги копит, если ни семьи, ни детей у него... Жениться надо! Жить по-людски надо, счастливо и весело, а не одними трудами. Что ей толку от соседской зависти, если стала уж вон какой старой, отца его, мужа своего схоронила, а тот и внуков не увидел. Наверное, и сама уже такого счастья не дожждётся... Василий у неё был единственный сын: давным-давно она сильно застудилась, и детей у неё больше не было. Оттого так и хотелось внучат...

Наконец Василий сказал долгожданное: «Ладно, мать». В их колхозе были одинокие женщины его возраста или чуть моложе: в основном или оставшиеся в девках дурнухи, или женщины с детьми, «овдовевшие» из-за постоянных отсидок своих экс-мужей на зонах. Мужики туда залетали частенько, в основном из-за глупых преступлений по пьяной лавочке. Брать разведённую или дурнуху ему не хотелось. Тут-то и сосватали молодую Тамару. До этого момента Тамарка сама смотрела на свою перспективу весьма мрачно: оставшись работать птичницей в своей деревне, она ежедневно крутилась среди баб, мужиков вокруг было немного, а свободных и достойных претендентов не было совсем. Дельные парни предпочитали после армии подаваться на жительство в города. Деревня пустела и «старела». Тамара не пошла бы за Василия из-за денег, если бы у неё была хоть какая-то другая любовь. Но любви не было и не предвиделось.

На сватовство подрядилась Игнатьевна — известная деревенская сплетница и сводня. Она мало уделяла внимания своему хозяйству, и муж её, дед Карасик, тоже предпочитал сельскому труду рыбалку и возлияния. Сажали они меньше чем пол-огорода картошки. Другая половина была покрыта многолетним девственным бурьяном и высокими кустами бузины. Свиньи у них часто дохли от недосмотра, зато Игнатьевна умудрялась за день оббегать кучу дворов, собирая и разнося «новости». О решении Василия она узнала от его матери первой и тут же подключила свой конструктив в виде предложения взять Тамарку. Через час она уже была на птичнике с бутылочкой своей бражки. Такое предложение для Тамары оказалось полной неожиданностью. Нет, никаких сватов не надо, дай месячишко

подумать, да и лучше бы было, если бы он сам пришёл... Как-то уж отвыкли от такого посредничества, не крепостное же право на дворе, ей-богу. Так вот ему и передай!

Игнатьевна передала, добавив от себя, что девка, мол, не спит, не ест, так Василия любит и о свадьбе мечтает. Был май, самое затишье в цветочных делах, давно уже пошёл тюльпан с открытого грунта, и тепличникам можно было немного отдохнуть. В ближайшую субботу Василий отмыл до блеска свой «жигуль» и предложил Тамаре съездить с ним в Ленинград. Просто так, без цели, прогуляться, отдохнуть. Она согласилась, отстирала свои единственные джинсы и новую ветровку, импортную, яркую. Рано утром они поехали.

Сходили в Эрмитаж, потом прошлись по магазинам Невского. В переходе Гостиного Двора какой-то спекулянт, опознав селян из глубинки по одежде, предложил импортные сапоги за двести рублей. Зарплата птичницы была около сотни. Она уже была готова протестно замахать руками, но тут вступил Василий. Зашли в боковой коридор Гостинки, где Тамара сунула ногу в сапог — он подходил. Спекулянт стал умолять поторопиться, оглядываясь по сторонам, нет ли ментов... Нет, продолжения не было. Василий без всяких комплексов спросил: «Ты фарца или кидала? Второй-то сапог при тебе?» Фарцовщик достал из коробки второй сапог, а Василий из кармана — две коричневые бумажки с Лениным. Торг совершился, и Тамара стала обладательницей вещи, о которой и мечтать не могла. На танцах в клубе все девчонки помрут от зависти! Пообедали в простой кафешке, выкидывать деньги на рестораны Василий считал глупостью: наедаешься так же, а дерут вчетверо. К вечеру купили ещё красивую кофту для Тamarкиной мамы и спиннинг для отца. Похоже, дело серьёзное, раз прям так сразу подарки родителям.

Приехали домой поздно, уставшие, но довольные. Родители не спали, и подарки пришлось вручать тут же. Выслушав благодарности и получив приглашение к завтраму на обед, но отказавшись от чарки на посошок, Василий поехал домой. А на следующий день к трём часам, в новой белой рубашке и добротной кожаной куртке, он снова пришёл к ним в дом. Будущий тесть не обычный самогон поставил, а достал «беленькой казёнки», бутылку водки. Василий признался, что пьянеет быстро и пить особо не любит, но под уговоры потенциальных родственников бутылка вскорости опустела. Под пельмени появилась вторая и тоже быстро опустела. А тогда уже самогон.

Через минуту после самогонной стопки Василий вылетел во двор, на свежий воздух. Земля крутилась, его тошнило. Будущего зятя бережно подхватили под руки и повели в дом на кровать. Но как только он принял горизонтальное положение, головокружение усилилось, к горлу подкатил комок, и через секунду Василий громко блевал фонтаном в заботливо подставленный тазик. Официальное знакомство с семьёй состоялось.

Ему было так плохо, что домой он не пошёл, с благодарностью приняв предложение полежать до утра. Утром неистово болела голова, хотелось пить и было страшно открыть глаза. Но вот появился будущий тесть со стаканом «самгарита». Самогонка показалась сладковатой — признак перепоя, однако подействовала; головная боль утихла, а на старые дрожжи быстро развезло до умеренно пьяного состояния. На поговорку тестя «Один день пить что воду рубить», прозвучавшую как команда к продолжению банкета, Василий ответил решительным отказом и отправился наконец домой. На все вопросы матери ответил одной-единственной фразой: «В тот дом ходить нельзя, если сдохнуть не хочешь», — и снова завалился спать.

В понедельник, окончательно отойдя от пьянки, Василий подъехал к Тамаре на птичник, встретил её и отвёз к себе домой. Старушка-мать старомодно спросила, знают ли Тamarкины родители, что она здесь, а то чего люди скажут... Василий обнял её и просто сказал, что его меньше всего волнует, о чём говорят люди.

Тамара впервые переступила порог дома Василия, и он поразил её не только размерами.

Дом был полностью кирпичный, с громадными окнами, стены с моющимися обоями, везде на полу паркет, кухня и санузел в кафеле, кругом батареи водяного отопления, как в городе. Василий гордо водил её по своему хозяйству, рассказывая про чудо-котёл, которому хватает трёх ведер угля в сутки, про туалеты, ванну и душ с горячей водой, про стиральную машинку и отдельную канализацию, которая заканчивалась в громадной крытой яме в огороде. Ей, привыкшей к насквозь продуваемому теремку с вонючей дыркой, к еженедельным походам в сельскую баню, к корыту для стирки и гремящему рукомойнику со льдом по утрам, всё это все казалось чудом. Но главное — там не было печи! На кухне стояла обычная городская газовая плита, ясно, что от баллона, а в зале первого этажа был большой красивый камин девственной чистоты, который, по признанию Василия, они никогда не топили. Василь ничего не врал, рассказывал, что когда дом строили, то сам он делал очень немного — добывал материалы, платил работягам и кормил их, ну иногда помогал в черновой работе — замес цемента сделать или кирпичи поднести.

Они зажгли камин, уселись на мягкий диван, и Василий достал книжки по цветоводству. Оказалось, это целая наука, тонкости которой он постиг в совершенстве. Сорта и земляные смеси, температурный режим, специфика отопления и поддержания влажности... Всё это настолько отличалось от привычного ей «вскопали-посадили»...

И ей захотелось здесь жить. Ей захотелось, чтобы её будущие дети играли у камина, а не у грязной растрескавшейся «голландки», дающей копоть и сырость. Ей захотелось по субботам ездить в Ленинград, а не отыскивать своего мужа по дворам и оврагам. Ей очень захотелось, чтобы деньги шли вот так — от каких-то малознакомых людей, а не авансом и зарплатой из окошечка сельсоветовской кассы. Много денег. Она не полюбила Василия, но она полюбила его жизнь. Заговорили о том, как жить, и Василь вдруг сказал:

— Ты знаешь, Тамара, а ведь самое дорогое слово — это «нет». «Да» — это дешёвое и плохое слово...

Тамарка испугалась, подумав, что Василий намекает ей на ответ, который, если всё пойдёт хорошо, ей придётся давать ему.

Однако всё оказалось сложнее. Василий научился говорить «нет» всему тому, что его окружало. «Нет» пьянкам и лени, «нет» друзьям и «нет» просьбам со стороны о чём-нибудь за просто так. Он бережёт своё время, свой труд и свои деньги — и поэтому «нет» перекупщику с плохой ценой. Он торгуется, он не боится, что о нём плохо подумают. Он никогда не скажет «да», если какая-нибудь мелочь ему до конца не ясна. Он никогда не скажет «да», если есть хоть малейший риск, что его «обуют». Пусть он жадный, но он честный, и это его деньги и его дело. Он не любит говорить «да». Но ей говорит...

Вот и вышла на улицу их помолвка. Сорока Игнатьевна споро разнесла её по дворам. К Тамаре стали подходить, с чем-то поздравляли, на что-то намекали. От людей в возрасте она постоянно слышала поговорку: «Старый конь борозды не портит». Ту же самую поговорку она слышала и от сверстниц, правда, с дополнением: «...но и глубоко не вспашет». Она смирилась. Она взяла пример с Василия, её перестало волновать, что про неё скажут люди.

Скоро сыграли свадьбу. Тамара не была девочкой, и любовные утехы были ей сладки, хоть и случались крайне редко. Однако до свадьбы она с Василием в постели не побывала. Да и после свадьбы, став полноправной хозяйкой в доме, она с трудом воспринимала себя его женой. Она очень уважала его, но скорее как отца, как старшего брата. В близости с ним она была скованна. Он быстро делал свои простенькие дела, а она лежала под ним с закрытыми глазами. Ей не было противно. Ей было никак. Она быстро забеременела и родила малыша, такого же щупленького и худенького, с жиденькими белесыми, как лен, волосиками и полупрозрачными серыми глазками. Бабушка во внуке души не чаяла, постоянно сравнивала его с Василием и говорила, что так похож, что сама бы с родным сыном перепутала. Мальчик

был не капризный, хорошо брал грудь и особых хлопот не доставлял. Тамара считала себя вполне счастливой. А когда сыну исполнилось полтора года, Тамара решила, что насиделась дома достаточно, оставила внука бабушке и вышла на работу на свой птичник.

За время Тamarкиного отсутствия все молодые птичницы поуходили, кто на ферму, кто в контору, а кто вообще в город уехал. Остались только сорокалетние. Месяца три шла обычная размеренная сельская рутина, а потом появился Гришка-цыган.

Вообще-то, о происхождении Григория ходило много легенд. Самая реальная гласила, что вроде как мать, сама чернявая, со значительной примесью цыганской крови, нагуляла его не то от грузина, не то от азербайджанца, когда ездила по путёвке куда-то на юга в дом отдыха. Муж у неё сидел, а по освобождении к ней возвращаться не стал. Она была одинокой женщиной без родни, вот и оставила себе нагулянного ребёнка как опору на старость. Так кличка Варька-цыганка породила кличку Гришка-цыган. А он действительно этой кличке соответствовал на все сто: озорной, бойкий, чернее смолы! Единственный такой среди умеренно русого населения их деревни.

Тамарка его прекрасно знала, ещё со школы-восьмилетки. Он был младше почти на три года, но шалопай, известный на всю школу. Потом ушёл в сальхов-училище, когда Тамарка уже на птичнике стала работать. В училище был хулиганом и двоечником, вечно влетающим в какие-то неприятные истории, и девчонки на него никогда серьёзно не смотрели. И вот теперь он вернулся и устроился к ним механиком.

Армия Гришку много чему научила. Он не только не забыл своё оборудование, но научился и понял, как его сносно чинить, чего до армии никогда не делал, спихивая всё на дядю Антона, второго механика. Но Антон уже год как работал с трактористами и на птичник заходил редко. Оборудование старело и ломалось, ремонтировать его было некому. С появлением Гришки дело несколько наладилось — пошли, казалось, замершие навеки транспортёры, зашумел кормоцех с его «рушалками» для зерносмеси и комбикормов. Бабья работа заметно облегчилась, стали выдавать больше яиц и птицы, повысилась зарплата. Однако Гришку не уважали. Несмотря на свои дельные руки, он оставался тем же шалопаем — мог прогулять без причины, а получив заплату, всю подражал «старшим по сроку службы», напиваясь до потери равновесия. Правда, запоев не допускал и остаток зарплаты отдавал мамке Варьке, чтобы сохранила от греха подальше.

И вот этот Гришка стал к Тамарке клеиться. Она ему раз чётко сказала, что по сравнению с её Василем Гришка просто никчёмное дерьмо. Странно, но задиристый Гришка не обиделся. Он поджидал её у двери, а когда она входила, прыгал на неё и хватал за сиськи или за задницу, ну прям как семиклассник. Тамара злилась, но не так чтоб сильно. Она никогда серьёзно на него не смотрела. Списывала все эти выходки на то, что она единственная молодая птичница и ему заигрывать больше не с кем. Потом она начала внаглую его использовать: по её приказу Гришка таскал мешки с комбикормом, вывозил помёт, дробил мел и выполнял другую тяжёлую работу. Она стала в шутку позволять ему подержаться за сиську или легонько взять за ягодицы. И вдруг в один момент поняла, что нестерпимо хочет его. Пару дней она страшно боялась этого желания, а потом...

И случилось то, чего никогда с нею не было. Случился страшный кайф! До замужества у неё пару раз бывали оргазмы, но какие-то быстрые и поверхностные. Похоже, роды что-то перестроили в её организме. Чувство было настолько сильным и долгим, что дрожь переходила в конвульсии; ей казалось, что она проваливается в океан удовольствия, и страшно хотелось орать. Это было самое приятное ощущение, когда-либо случавшееся в её жизни. Она просто не зная, не представляла, что такое возможно. Нет, реально, такого не может быть! Но оно было.

На следующий вечер она намекнула своему мужу, не хочет ли он чего. Закрыла глаза и стала

ждать возвращения своего блаженства. Ничего не произошло. Абсолютно ничего. Всё получилось, как всегда с самой первой брачной ночи. Никак. У неё на глаза навернулись слёзы разочарования. Однако воспоминания о вчерашней сладости ничуть не изменили её отношения к мужу — она нежно обняла его, отца её ребёнка, свою единственную и такую прочную опору в этом мире. Вздохнула и заснула спокойной.

На птичнике она больше всего боялась, что все догадаются. Боялась, что Григорий сам сболтнет по пьяни. Боялась, что их элементарно застукают за этим делом. Боялась, но давала ему всё чаще и чаще. Один раз, в редкий момент, когда они оказались на птичнике совершенно одни и вдоволь насладились друг другом, она откровенно рассказала Гришке о своей проблеме с мужем и спросила, в чём же секрет. Ведь Григорий не делал ничего особенного. Она ведь просила то же самое делать своего мужа! Григорий сидел голый на мешке с комбикормом и пытался понять проблему:

— Знаешь Тамара, бабу, оно ведь любить её надо... А баба не должна бояться. Ты мужа своего боишься! Ты же с ним как с отцом родным спишь. А я кто? Я же тебя с любовью... И ты меня выше себя не ставишь, вот и разрешаешь себе подо мной кончать на полную.

И до Тamarки дошёл смысл этой деревенской сексологии, её непробиваемая логика и правда. Плевать, что она с Гришкой как сучка с кобельком, куда страшнее было ощущение, что она не сможет переломить своё отношение к Василию. Семейная жизнь, комфорт, уют и достаток значили для неё слишком много, пожалуй, куда больше, чем возможность испытывать оргазм. Она действительно ставит мужа на недостижимую для себя высоту. В мыслях она с ним не спит. И она обняла своего сладкого Гришу-шалопаю и попросила его уволиться. На следующее утро он уже сидел в правлении и, высунув язык, писал заявление о переводе из птичника к механизаторам, мотивируя это низкой зарплатой и сварливым бабским коллективом, где ему совершенно невозможно работать. Председатель просьбу удовлетворил, и Гришка исчез из её жизни, отправившись чинить трактора.

Однако с заменой Гриши на прежнего молчаливого дядю Антона её беды не кончились. Она поняла, что беременна. Она в принципе не могла зачать от мужа, с ним она была лишь раз, тогда давно, перед последней менструацией, после Гришки. После этого он не настаивал, а ей было без надобности. Значит, беременна она теперь от Гришки-цыгана, и её ребёнок будет кучерявым и чернявым, с большущим носом.

Доказать мужу, что это его ребенок, будет проблематично. Надо сделать тайный аборт. Она вспомнила, как Игнатьевна рассказывала про какую-то Захарьевну, вроде та живёт на Седьмом километре и делает аборты каким-то своим чудным методом, да так здорово, что лучше, чем в районной больнице у гинекологов, — быстро и совсем не больно.

Седьмым километром назывался маленький хуторок из двадцати дворов, и найти там бабу Захарьевну было совсем просто. Тамара пришла к ней в старую покосившуюся хату, где первые венцы сруба уже давно ушли под землю. Разноцветная крыша была «крыта по-бабски»: старая еловая дранка, какой уж не кроют лет этак тридцать, кое-где залатана толем и полосками рубероида. Тамара бережно несла пятьдесят рублей её собственных денег. Она никогда бы не посмела взять без спроса у Василия, а Василий совершенно не интересовался её зарплатой. Она вот и взяла с собой последнюю получку.

Захарьевна, или проще баба Люба, оказалась весьма подвижной бабулькой лет шестидесяти пяти, может, чуть больше. Тамара долго не могла приступить к делу, не могла собраться «рассказать о цели своего визита. Тогда баба Люба начала сама. Оказывается, с самого начала Отечественной войны она и ещё четыре её сестры попали в оккупацию. Отец погиб на фронте, а мать повесили немцы как коммунистку-активистку и за связь с партизанами. Заодно и выгребли абсолютно все продукты из их дома. Остались пять молодых девок от шестнадцати до двадцати трёх и их старая бабушка. Еды у них совсем не было, и, чтобы не

умереть с голоду, им пришлось побираться. У своих тоже взять было нечего, но можно было взять у немцев за определённые услуги. Поэтому все они выжили, только вот периодически беременели. От всех беременностей их поизбавляла родная бабка, баба Фрося, что померла в один день со Сталиным. Спасла их всех от сраму, а может, и от лагеря да при этом ещё научила бабу Любу, тогда двадцатилетнюю девушку, как это делать. С тех пор баба Люба многих девиц от сраму-то спасла, а самой вот в жизни не повезло — детей у неё нет, и муж её бросил, ещё как Хрущёв только пришёл. «Да ты, дочка, не бойся — дело безопасное, и не больно совсем, мне баба Фрося два раза делала, в сорок первом и сорок втором, а после я и не пузатилась. Хоть и давно, а я помню хорошо, чго никакой боли. Сделаю за минуту, и иди себе домой, а потом сама выкидыш родишь, чуть больнее, но тоже терпимо».

Суть метода была предельно проста: надлежало залезть на стол, над которым висела лампа, опереться на шею и лопатки, а руками подпереть поясницу и, упираясь локтями в стол, поднять зад как можно выше. В этом положении следовало полностью раздвинуть ноги в стороны, так широко, как это возможно. У рожавших срамное место открывается само, и «дырку на соске матки» хорошо видно (так баба Люба описала маточный зев и шейку). А вот у нерожавших срамota полностью не открывается, и её надо открыть, хотя бы два пальца левой руки туда всунуть и раздвинуть, чтоб «сосок с дыркой» увидеть, шибко узенькая «дырка» у нерожавших. После этого в дырку через сосок вводится обычная вязальная спица, которой в матке прокалывают плод. Это абсолютно не больно, идёт немного воды и почти нет крови. Всё, можно идти домой, плода уже убили, и выкидыш будет обязательно, — матка мертвяков не любит. Ты рожала? Ну так вообще легко будет. Кто жаловался? Да никто ещё не жаловался. А, спицы боишься! Так чего её бояться — сейчас на карандаш ваты намотаем, одеколоном обольём, подожжём и спицу над пламенем прокалим, любая зараза сдохнет! Сколько беру? Да рублей пять за работу, думаю, не жалко...

Тамара положила перед Захарьевной пятьдесят рублей с обещанием молчать, что её у себя видела, скинула трусы, улеглась на стол, задрала свой зад и лихо раздвинула ноги. Баба Люба прокалила спицу, а потом нагнулась к Тамаркиному хозяйству. Хоть та и была рожавшей, но её «срамota» не открылась, тогда баба Люба всунула туда как можно глубже два своих пальца и что было силы их развела. Наконец она увидела «сосок с большой дыркой» рожавшей женщины. В эту дырку она и кольнула спицей несколько раз. Особо больно не было, хотя иногда были резкие приступы острой боли, напоминающей ту, что бывает на приёме у дантиста, когда задевают нерв в больном зубе. Но такая боль длилась всего мгновение.

— Ну вот, дочка, и всё.

Тамара села на край стола. Из неё действительно вытекло немного воды с прожилками крови. Где-то внизу чуть побаливало, но вполне терпимо. Она поблагодарила добрую бабу Любу и пошла домой.

Не знала баба Люба самых азов женской анатомии. Уж скольким она девушкам так «помогла», но совершала она действие весьма варварское и с медицинской точки зрения абсолютно безграмотное. Матка относительно влагалища стоит под определённым углом. Это о самой что ни есть обычной здоровой матке. Но бывают матки, у которых этот угол больше, наклон несколько иной, а то и вообще не в ту сторону, что в народе называют «загибом матки». Тогда анатомически абсолютно невозможно, уколов спицей в зев и следуя по направлению самой влагалищной трубки, пройти в маточную полость. Есть определённая вероятность за- целить плодный пузырь и выпустить амниотическую околоплодную жидкость, есть даже небольшая вероятность проткнуть плод, но основное действие получается совсем иным. Почти наверняка спица по прямой прокалывает шейку матки сразу в районе нижней губы зева, затем небольшой участок самой маточной стенки и выходит в пространство в нижнем тазу между маткой и прямой кишкой. Очень большая вероятность проколоть и саму прямую кишку, чем вызвать каловый перитонит.

Но в случае с Тамарой этого не произошло. Прямую кишку баба Люба ей не проколола. Хватило той дряни, что была на всунутых в Тамаркино влагалище бабкиных пальцах. В пространстве между маткой и прямой кишкой пошёл перитонит, который полез вверх, где отток венозной крови с бактериальными токсинами идёт прямо в печень. От этих токсинов печёночные вены затромбировались, нарушив кровоток и полностью отключив функцию очистки крови от ядов и продуктов распада организма (чем печень и занимается и для чего она, собственно, нам и нужна). Тамара абсолютно без приключений добралась домой, а там почувствовала боль по всему животу и слабость (во всей её требухе кровь остановилась). Потом начало угнетаться сознание, так как организм стал самоотравляться. Вызвали «скорую», но когда врач приехал, решить, что же произошло с больной, было практически невозможно. Состояние было тяжёлым. Её постарались отвезти в Ленинград, но она умерла по дороге.

Ну а на бабу Любу нам Игнатьевна помогла выйти. Как только следователь спросил, не знает ли она, кто тут в округе мог молодой женщине матку проколоть, так та его к ней и привела. Бабка поотпираться решила, да без толку — и смывы со стола, и сама спица следы биологического материала имели, идентичного с Тамаркиным. Бабку посадили, Тамарку похоронили, а Василий остался доживать свой век бобылём. А ведь часть и его вины в этом есть. Разве трудно было с первой брачной ночи спросить жену, хорошо ли ей с ним?

Действительно, самоедорогое слово «нет», особенно когда его не говорят...

Фигус

Из этой матки мы учебное пособие сделали. И сама по себе матка была вполне интересна — острый гангренозный миометрит при полуторамесячной беременности, но главное — какой у неё был необычный аксессуар! Из зева матки торчал непонятный краснозелёный рог. Штука явно женскому организму чуждая. Мы его аккуратно извлекли, а когда поняли, что это такое, вернули обратно на место и увековечили этот натюрморт в банке с формалином как пример безжалостного преступления и человеческой глупости.

Красно-зелёный рог оказался почкой фикуса. Помните, в советское время это комнатное растение было очень популярно? Фигус любили держать из-за его неприхотливости, быстрого роста и способности терпеть низкое освещение. Этакое красивое деревце в кадке, раскинувшее свои тёмные кожистые лапти-листья где-нибудь в казённом помещении типа почты, аптеки, гостиничного фойе или отдела кадров.

Если посмотреть на самый кончик фикусовой ветки, вы обнаружите совершенно гигантскую почку размером с авторучку, только в основании толще. Если обломить этот росточек, тотчас же закапает белое, горькое и очень липкое «молочко» — фикусовый сок. В тропиках фикусы большие, там их режут и собирают этот сок, называемый латексом. Из него делают, например, медицинские тонкие перчатки. Сокодвижение в фикусе уникально. Это дерево может захватывать из почвы любые бактерии и разносить их по своим листьям. При этом само дерево не болеет, а бактерии сохраняются живыми. Впрочем, тогда я всего этого о фикусах не знал — пришлось почитать литературу, когда писал окончательное судмедэкспертное заключение в уголовное дело об этом криминальном аборте.

Леночкин труп нам сама гэбуха подкинула. Дело в том, что Лена была чрезвычайно перспективной спортсменкой, в Спорткомитете СССР её считали достойной кандидаткой в советскую сборную по фигурному катанию. Более того, с её данными и потенциалом многие заслуженные тренеры считали её в недалёком будущем очень вероятной претенденткой даже на мировое и олимпийское золото в одиночном катании среди женщин. А тогда у

советской рекордноштамповочной спортивной машины поиск таких девочек был поставлен на поток, и в своих заключениях профессионалы редко ошибались.

В общем, это дело каким-то макаром затрагивало интересы неких знаменитостей из Спорткомитета, и хотя мы его полностью раскрутили и раскрыли в деталях яснее ясного (судмедэксперты, а не следователи!), завершать его никто не собирался. Похоже, в верхах решено было дело замять. Нам потом даже слегка настучали за излишнюю прозорливость по шапке. Пришлось оправдываться, что копнули глубже, чем надо, — дескать, не раскрытия преступления ради, а так, из чисто научного интереса. И протокол пришлось переписать. Два дополнительных листка дёрнули из архива и уничтожили. Вот и осталась истинная причина Леночкиной смерти только в устных преданиях нашей судебки.

После выступления на первенстве Союза среди юниоров Лену заметили по-серьёзному. Пригласили в специальную школу-интернат, дали нового, известного тренера. Началась интенсивная тренировочная жизнь с очень серьёзными ставками, если всё пойдёт хорошо, то через год-два Лену ждёт мировая известность. Тренер был властной и очень требовательной личностью. Никакой свободы у Ленки не было, всё было подчинено одной цели государственной важности — выйти в мировые чемпионки. Регламент дня — полный, режим — строже, чем у космонавтов, все минуты расписаны. Девочка реально могла войти в историю фигурного катания, — я слабо в этом спорте разбираюсь, но как-то по-особому хорошо у неё что-то там на льду получалось, так, что ни до, ни после неё такую фигуру никто до сих пор сделать не может. Тренер заменил ей всё — семью и школу, друзей... и любовников.

Перед очередным чемпионатом Союза, который и считался для советских спортсменов отборочным на чемпионат мира, тренер понял, что Лена беременна. Такое открытие его просто убило — это было полным срывом всех планов, назревали крупные неприятности с очень нехорошими для него последствиями. Подопечная его не беспокоила — в том, что девочка сможет полностью восстановиться после аборта, он не сомневался. Проблема была в другом: аборт у спортсменки государственного уровня не скроешь. Это вам не Маша с Уралмаша, её медицинская карта полностью во власти врачей от спортивной медицины. Признайся им, и всё конечно. Будет высокопрофессиональный аборт в одной из самых лучших клиник, потом плохое выступление на Союзе, а там разбор его работы, причина сбоя в тренировках... Ладно бы просто вздули — типа недосмотрел, не уберёг, плохо работаешь, дисциплины никакой... Так ведь хуже. Отцом-то был он!

Как притащить девочку в нормальный городской абортарий и сделать это тихо, без записей и учётной карточки, он не знал. Зато знал один метод, который вовсю практиковали его старые подруги-спортсменки в далёкое время первой вспышки советского ледового спорта. Ледовых арен было мало, жили и тренировались вместе, ну и залетали. А где залетали, там и избавлялись — фикусом!

Метод был чрезвычайно прост. Требовалась одна столовая ложка с плоской металлической ручкой и один росток фикуса. Ручкой ложки поднимался свод влагалища, чтобы увидеть зев матки, а потом в этот зев вводился острый кончик фикусовой почки. Оставляли так на ночь, а утром вынимали. Если на следующий день не происходило выкидыша, то вечером процедура повторялась снова. Вообще такое дело и неделю могло длиться, но это не страшно — у фикуса вето-чек много и каждая заканчивается такой вот сосулькой. Ломай не хочу — на «лечение» точно хватит.

Вот тренер-наставник так и поступил. О том, чтобы его послушаться или там какое своё мнение высказать, у Лены и мысли не возникло — за годы на ледовой арене она привыкла к беспрекословному подчинению. Зашла к нему в кабинет, улеглась на тот же массажный топчан, где он её периодически пользовал, мотивируя это абсолютной необходимостью снятия стрессов и каким-то чудодейственным эффектом мужской спермы. Вроде без этого

чемпионства не будет. Презервативами наставник не пользовался — сам ей измерял температуру в заднице, сам вёл календарь её циклов. Да что скрывать, у других тренеров она тоже видела подобные календари, исчерченные звёздочками менструальных дней подопечных, — нагрузки-то даются на грани физических возможностей, такое не учитывать нельзя! Поэтому и думала Лена, что вот так же, после тренировки, но перед душевой, все они по приказу становятся раком, чтобы получить от тренера то, без чего мировое первенство не выигрывается. Тренер — он сам знает, когда, сколько и как. Ему надо доверять и подчиняться!

Вот и сейчас Лена ему во всём доверяла. По команде перешла из коленно-локтевой позиции в лёжа на спину и послушно раздвинула ноги. Было несколько неприятно, но не больно — в зеве матки практически отсутствуют болевые окончания. Секундное дело, и тренер засунул куда надо эту блестящую зеленую морковку.

Наутро она, как ей и было приказано, сама залезла и двумя пальцами легко вытащила росток. Тренировалась как обычно, ничего не произошло. В конце вечерней тренировки тренер повторил процедуру. Утром она опять вытащила росток. На завтрак аппетита не было. Пока ехала не тренировку, начала сильно болеть голова, забил озноб. Вышла на лёд и чуть не упала, как когда-то давным-давно, в пять лет, когда мама первый раз привела её на новый искусственный каток, где только что открылась секция фигурного катания. Лена поняла, что тренировки сегодня не будет. Будущая мировая звезда едва доковыляла до борта. Подошёл тренер, спросил, какого чёрта не идёт разминка. Ах, заболела! Ну а там как, в смысле по женской части, был выкидыш? Нет?!

Остаток дня она пролежала у тренера в кабинете на том же злополучном топчане, накрытая поролоновым матом, и всё равно тряслась от озноба. Отпускать её в интернат тренер не хотел — такой грубый срыв тренировочного режима, безусловно, будет замечен. О том, чтобы отвести Лену к их врачу, даже и речи не было — вот выкинет, тогда сразу пойдем, пусть лечат, а пока чай с малиной и цитрамон, ничего за пару дней с ней не случится. А, температура тридцать девять? Ну так не сорок же! Тренер считал, что чем выше температура, тем лучше борется организм. А в конце такой вот «лежачей тренировки» опять попросил снять трусы и раздвинуть ноги.

Если работать столовой ложкой, то что там творится, не слишком-то видно, для этого нужно гинекологическое зеркало и правильный свет. К тому же есть сомнения, что по виду зева матки тренер смог бы заподозрить неладное. Он же не гинеколог. Вот гинеколога бы от увиденного сразу холодный пот пробил. Тренер же спокойно засунул очередной росток фикуса, потом посадил Лену в свои «Жигули» и сам отвёз в интернат. На прощание сказал, что вообще это хорошо, что она заболела, при болезнях выкидыши лучше получаются, пожелал спокойной ночи и ещё раз напомнил, чтоб росток вытащила только утром. Но вытащили его уже мы. На вскрытии.

Мышечная стенка матки, миометрий, имела все признаки газовой гангрены. Как такое возможно? Моментальный клостридиоз из ничего. Вроде так не бывает... Правда, в практике военной медицины были такие случаи. Давно и далеко — с 1942 до 1945 года на территории Китая. Тогда там японцы хозяйничали. Был у них специальный номерной отряд под командованием генерала Исиры Исини. Тот генерал разрабатывал программы биологического оружия для непобедимой армии Ямато. В одной из программ испытывали возможность стопроцентно летальных исходов при осколочных ранениях. Делался специальный снаряд, у которого кроме взрывчатки и мелконасечённого корпуса для увеличения числа осколков имелась специальная добавочка из спор гангренозных бактерий. Выбирали те, что позднее, клостридии например. Потом дело было за малым — к столбам привязывали биоматериал в виде китайских военнопленных и подрывали снаряд. Осколочные раны получались совсем пустяковые, а вот смертность колоссальная!

Этот случай чем-то напоминал нашу матку, если бы фикус был таким же снарядом. Но предположить, что этим росточком специально поковырялись в бактериальной культуре или хотя бы в земле перед тем, как его засунуть в матку, было как-то трудно. Пришлось читать книжки. А в книжках написано, что фикус может бактерии из земли тянуть и в листьях их запасать. Значит, всё-таки заражение не из области фантастики получается.

Для подтверждения версии оставалось только одно — найти этот фикус и взять пробу земли из его горшка на баканализ. Если вырастет там тот же бактериальный штамм, то можно считать, что найдены отпечатки пальцев. Куда поехать искать фикус? Наверное, надо начать с элементарного — с места жительства и места работы. То есть с Леночкиного спортивного спец-интерната и катка. Перед походом за бакпробой я ещё одну пробу сделал — посмотрел групповую принадлежность плода. Мало ли... Вдруг на папу нарвёмся? Вообще, здесь вот какая штука: этот анализ примитивный, он отцовство на сто процентов не доказывает, хотя если дело до какого конкретного виновника дойдет, то можно такую серологию развести (исследования антигенов крови), что вероятность запросто сузится до одного на тысячу.

В Ленкином интернате фикусов не было, зато один нашёлся в вестибюле катка. Обойдем его кругом, осмотрим. Ага, вот оно — три почки сорваны. Теперь мы ещё одну срежем и положим в стерильный пакет. Теперь стерильной ложечкой насыплем землицы из горшка в специальную банку. Готово. Ну что, уж коль пришёл, пойду хоть тренера проведаю. вообще-то, это не моё дело, это, так сказать, частная инициатива, я не следователь... Здрасте, входите, всё как полагается.

Видно, мужик горем убит — сильно смерть своей подопечной переживает. Представляюсь, прошу содействия. Да-да, конечно, готов помочь. Смотрю тренировочные листы, какие-то спортивные графики.. Откровенно записано, что задан самый щадящий режим тренировки из-за плохого самочувствия спортсменки, проведена разъяснительная беседа, но разговора по душам не получилось. Похоже, честный тренер, о причине смерти ничего не знает. Он меня об этом спрашивает, я уже готов ему сказать, чего, конечно, делать по инструкциям никак нельзя...

Да только в этот самый момент мои взгляд падает на тренерский календарь.

Вот он, на столе перед самым моим носом — листочек на два месяца. И крестики рядком. Медленно, как бы случайно переворачиваю страницу, — и там крестики. Той же ручкой, тем же почерком кое-что написано. Я уж взрослый мужской почерк от полудетского почерка девчушки-фигуристки как-нибудь отличу. Тренер крестики рисовал!

Странно, что мужик учёт девичьих месячных ведёт, хотя — большой спорт, почему нет, такое вполне разумно. Неразумно только то, что ты, дядя, мне врешь! Не можешь ты не знать о залёте.

Когда последние нарисованы? Ага, давно. Значит, всё ты знал! Переворачиваю на текущий месяц — а там твоим же почерком написано слово «фикус» и три стрелочки нарисованы. Очень даже совпадает по дням с предполагаемым гангренозным заражением. А над последней стрелочкой написано: «39,3». Температура, похоже.

Но не это самое главное. Большая латексная капля на этом листке! Похоже на засохший фикусный сок.

Да ты, дядя, ещё и глуповат слегка — даже вещдоки не уничтожил!

Ещё копаюсь в старых записях, уже для вида, а думаю о другом, как бы мне понятых сюда завлечь, чтобы тихо, но при свидетелях календарик этот забрать. Хотя мне он, честно сказать, совсем не нужен, это я так, в подарок следователю...

Пока я над этим думал, ещё на одну интересную запись нарвался. Дело в том, что для советских спортсменов-рекордсменов существовал один простенький трюк. Где-то за полгода до соревнований у них отбиралось до семисот миллилитров крови. Вообще-то точное количество от веса тела зависело. Отбирали не разом, а за два-три приёма, чтоб на тренировках помягче сказывалось. Из крови отделяли эритромассу, которую морозили в жидком азоте. А вот в нужное время перед соревнованиями эти собственные красные кровяные клетки размораживали и возвращали хозяину. Организму, честно сказать, лишняя кровь совсем не нужна, но на какое-то время его способность поглощать кислород возрастает, а значит, возрастает способность к тяжёлой мышечной работе, чем спорт и является. Так вот, наткнулся я на старые записи о тренере: группа крови вторая отрицательная, далеко не самая частая, хоть и не редкость... Как у плода. Хотя тут, конечно, простые совпадения возможны.

Поблагодарил я за помощь и вышел. Подошёл к телефону-автомату и звякнул одному своему знакомому следаку. Через полчаса приехала ментовка, позвали пару человек из персонала катка да при понятых мусорное ведро с листиком и календарик изъяли. Листок соответственно с пальчиками, календарик с почерком Делу конец.

Ещё дождёмся результатов бактериологии, всё красиво напишем и передадим в суд.

Тренер это дело увидел, струхнул и тем же ментам дал показания. Всё подробно, что и как, чин чинарём под подпись — типа прошу принять за чистосердечное. Тренера — в КПЗ, бумаги — к делу, вещдоки — на экспертизу.

Через три дня приходят.

Заключение от микробиологов и дяди в штатском.

С заключением всё хорошо — бактериальный штамм полностью идентичен. А вот с дядями не очень... Дело у горпрокуратуры забрали в гэбешное производство. Пошустрили по протоколам, поругали за самодеятельность, короче, я об этом уже рассказывал. Мы — оправдываться: хотели как лучше, для вас же старались, хоть вы и дело не вели, но под вашим же кураторством оно проходило... Сами же нам труп передали!..

В общем, дали нам формочки заполнить о неразглашении. Иногда у этих мальчиков в серых пиджаках всё же случаются проблемы с холодной головой, чистыми руками и горячим сердцем.

Наверное, с полгода прошло. Поехал я на птичий рынок за мотылём, на рыбалку собирался. Смотрю — передо мной знакомая фигура. Тренер! Идёт с двумя девочками. Лицом девчушки на него очень похожи, а по возрасту всего на какие-нибудь пару лет помладше той Лены-фигуристки будут. Наверное, дочери. Весело с папой болтают, довольные, какого-то щенка домой тащат. Семейная идиллия.

Не могли же их папочку так быстро амнистировать? Значит, никакого суда не было. Наверняка всё списали на Ленку-дуру. Мёртвые сраму не имут, а медали стране нужны. Вот вам и преступление без наказания.

Курьёзы военной медицины

Сафолен двадцать первый

Есть такое жутко военное лекарство. Но не ищите его ни в фармакопее СССР, ни в секретном приложении к ней.

Нет его там.

Даже в приказах МО, касающихся военноснабженческой фармации, это наименование отсутствует. Только по разрозненным приказам гражданской обороны нет-нет да промелькнёт.

Дело было в самом начале 1960-х, препарат этот секретили весьма серьёзно — на Сафолен-21 возлагали большие надежды в борьбе с мировым империализмом.

Научное название фармакологической группы, куда попадал Сафолен, называется «антодоты ФОВ», что в переводе на нормальный язык означает «противоядие фосфорорганическим отравляющим веществам». Есть такие вещества, их ещё часто химическим оружием нервно-паралитического действия называют. Например, обычный зарин или ви-газы к этой группе относятся.

Действие у них довольно кошмарное, хоть с фармакологической точки зрения очень простое: в нашем организме они блокируют единственный фермент — холинэстеразу. У нас ведь нервные импульсы в мышцы передаются не как электрический ток. Из мозга импульс бежит по нервному волокну до его окончания, где выделяется чуть-чуть химического медиатора, в случае с мускулатурой — ацетилхолина. Именно ацетилхолин и заставляет мышцу сокращаться. Но так как нервное воздействие скоротечно, то после работы этот самый ацетилхолин надо срочно убрать. Вот он и ферментируется специальным ферментом — холинэстеразой. Если фермент заблокировать, то медиатор слишком долго будет действовать на мышечный рецептор и вместо сокращения получится судорога, причём всех мышц, даже мышц глаза. Зрачок становится как игольное ушко, да и видит поражённый не дальше собственных ресниц, что частоколом нависают сверху и снизу, как брёвна. Но спазмы внутриглазных мышц не самое страшное — ведь в бронхах тоже есть гладкомышечная мускулатура, поэтому и там происходит то же самое. В результате после весьма мучительного «задыха» наступает смерть от удушья.

Спасти от гибели можно, только введя антитоды, блокирующие ацетилхолиновый рецептор. Вот тут парадокс — отравленному организму иногда приходится колоть такие дозы противоядия, которые в нормальных условиях сами по себе гарантированно привели бы к смерти. Наиболее известны ситуации с атропином. Всего несколько миллилитров этого препарата могут запросто умертвить здорового человека. А пораженным ФОВ вводили по двадцать, даже по тридцать миллилитров этого вещества, и ничего. Это ведь десяток смертельных доз! А просто яд и противоядие «уравновешиваются». Не буквально, конечно, но по суммарному эффекту. Однако риск остаётся значительный. Поди просчитай точную дозу в полевых условиях! Военный токсиколог в этой ситуации как канатоходец — всё время точку равновесия ищет. Недодал противоядия — смерть от яда, переборщил — смерть от лекарства. Для отравленного солдата результат один.

В общем, поручили так называемой токсе, кафедре токсикологии, разработать что-нибудь «более мягкое». Чтобы и рецептор блокировало надёжно, и в то же время само по себе не таким токсичным было. Чтоб не бояться неизбежного «передоза» в условиях третьей мировой. Думали они, думали и наконец придумали. Лекарство под названием «Сафолен». «Са» — это Саватеев, «фо» — это Фомин, а «лен»... Нет, не Ленин. Ленинград это. Название сущности вещества никак не объясняет, что абсолютно правильно с военной точки зрения. Фармакологически же его действие как у атропина, но даже значительная передозировка смерти у лабораторных животных не вызывала. Много было испробовано разных вариантов

этого Сафолена, и наиболее перспективным оказался № 21. Прямо как у лучшей «Смирновской» водки! Кстати, рекомендую.

Осталось дело за малым — провести клиническую апробацию.

Может, и провели бы как следует, будь Берия у руля. Или останься «добряк» маршал Жуков министром обороны. Он же на Тоцком полигоне на собственных солдат ядерную бомбу бросал. Ну, не совсем на них, а чуть впереди, на предполагаемого противника, но «свои» через место взрыва топали, и лётчики через ядерное облако пролетали. С такой гуманностью можно было и химоружием нервнопаралитического действия поэкспериментировать. Глядишь и узнали бы ценность антидота в условиях, приближенным к боевым.

Но Берия к тому времени уже расстреляли, Жуков пьянствовал в опале, и химическое оружие на собственных солдат распылять было некому. Поэтому испытывался Сафолен-21 исключительно на алкашах, самоубийцах и тех мизерных несчастных случаях, когда инсектициды, типа всякого там дихлофоса, внутрь по- падают. Это ведь вещества той самой фосфоротравляющей группы, хоть химическим оружием считаются только среди гусениц, клопов и тараканов. У людей же картина отравления получается лишь несколько сходной с тем, что можно получить при поражении боевыми газами.

Оказалось, что на алкашах Сафолен работал куда хуже чистого атропина. Тогда решили так: раз в Минске уже налажен промышленный выпуск этого препарата, будем считать его профилактическим средством. Поставить в армию и заложить в соответствующие наборы, но применять его только в том случае, если точно неизвестно, проник яд в организм солдата или нет. Риски такое проделать с атропином — столько жизней «побочным эффектом» положишь, что и думать страшно. А вот Сафолен ничего, безопасный.

Может быть, и совсем бы забраковали Сафолен-21, свернули бы производство, а то, что сделано, заложили бы на военные медсклады до истечения срока годности как «препарат второй линии», то есть для помощи гражданскому населению, и не видать Саватееву с Фоминым положенных почестей, да только вдруг, как нельзя кстати, произошло на самом верху одно событие.

Называлось оно Секретным постановлением Совмина СССР от 17 августа 1967 года о Программе «Ф».

...Вот тут наши министры, конечно, маху дали! Например, режиссёр Гайдай куда умней был — он свой фильм назвал «Операция «Ы»». Поди угадай, что там спрятал Гайдай... А вот с совминовской Программой «Ф» всяким там ЦРУ, ЦУР да МИ-5 (американской, китайской и английской разведкам) и гадать не надо. Написано же «Ф» — фосфор! Эх, не изучали наши министры такой предмет, «Режимом обеспечения секретности» называется...

Согласно этой самой Программе «Ф» Советский Союз начал вооружаться химическим оружием на полном серьёзе. Пять новых заводов. Ритмы пятилетки, передовики производства, переходящее Красное знамя! До сих пор красиво звучит.

Ясно, что при таких грандиозных масштабах производства никаким антидотом пренебрегать нельзя. Вот и попал наш Сафолен-21 из номенклатуры «списанные» в номенклатуру «табельные». Лёг во всякие наборы с мудрёными названиями типа РП-3 или ПХКГО-7Р («Раненые и поражённые»; «Противохимический комплект гражданской обороны № 7 расширенный») и т. п. Упаковывался Сафолен тысячами ампул в большие зелёные ящики, которые, согласно штатному предписанию мирного времени, распределялись по окружным и дивизионным складам. Мобилизационным складам, конечно, не аптечным.

На обычные склады он поступал только на действующие заводы по производству химоружия и в места стратегического хранения. Там ящички вскрывались военпредом и местным

токсикологом, тоже военным. Офицеры разносили эти ампулки во всякие аптечки первой помощи, которые на подобных заводах понатыканы в изобилии на каждом углу. А о том, что препарат клинически недоисследован, никто уже и не думал.

И вот на секретнейшем заводе в Новочебоксарске в 1972 году произошло знаменательное событие — ровно ко дню 55-летия Велосрев (Великой Октябрьской социалистической революции, как тогда офицеры в своих конспектах на политзанятиях писали), открылась линия по производству ви-газов. Радости-то! Плохо одно — сверху жутко торопили к круглой дате. Нет, оборудование смонтировали как надо, а вот со всякими там дополнительными причиндалами, напри- мер с теми же приборами контроля, не успели. Ничего — главное отпартовать, а там за недельку-другую всё наладим!

Оттопала праздничная демонстрация, отгремело застолье, отболело похмелье — кончились Октябрьские праздники, и народ пришёл на работу. В заводоуправлении, или, как его в шутку называли, «Белом доме», за канцелярскими столами неторопливо рассаживаются очкастые дяди и полнеющие тётеньки. Всяким бухгалтериям да прочей канцелярии никакого дела до опасной химии нет. Поэтому и решили монтировать приборы химконтроля в этом здании в самую последнюю очередь.

И система принудительной вентиляции здесь пока не готова. Хотя и административный корпус, а находится внутри «периметра», а поэтому никаких тебе привычных батарей и открытых форточек. Заводские корпуса делались более-менее герметичными на случай возможного выброса. Воздух в них гонялся по системе воздухопроводов, а в случае опасности то и через специальные поглощающие фильтры. Так вот, хоть система обогрева уже работала, но система аварийной фильтрации ещё установлена не была.

И тут по заводу объявляется тревога! Сразу даже источник выброса не смогли установить. Ясно одно — на одном участке территории контролёры-дозиметристы обнаружили ви-газ.

Вообще-то, ви-газ — это не совсем газ, он может быть и жидким, и даже твёрдым, но ветерком всё равно разносится. И куда же ветерок с этой зоны дует? Да прямо в воздухозаборник административного корпуса.

Позвонили туда, дали тревогу, а фильтр-то не работает! Взяли пробу из внутреннего воздухопровода — худшие опасения подтвердились, есть следы газа. Боевое отравляющее вещество в здание проникло. Сколько? А кто его знает! Может, ерунда, доступная только лабораторному анализу, которая даже ни единого симптома не даст, а может, всему «Белому дому» как-то придёт через несколько часов. Ви-газ он ведь не какой-нибудь там зоман-табун, он медленно действует. Зато сильно.

Какое же решение принимает дежурный токсиколог? Правильно — самое правильное. То есть действует согласно инструкции. Если точная поглощённая доза яда или сам факт его попадания в организм не известны, но вероятны, надо срочно провести профилактическое введение антидота. Что там у нас на снабжении? Сафолен-21. Отлично, его и вколем. Вкололи. А всех толстеньких тётенок и очкастых дяденек после положенной профилактики свели в актовый зал, где достоверно установили, что никакой отравы нет. Там же и принудительную вентиляцию через переносные фильтры подключили.

Перед трибункой сам дежурный токсиколог сел, чтобы видеть ему каждого, вдруг кому плохо станет. А с трибуны, дабы времени понапрасну не терять, попросили выступить местного парторга, комсорга, профорга, пожарника и массовика-затейника. Вроде всё хорошо, чинно так сидят себе дяденьки-тётеньки, потирают уколотую попу и повышают свою политсознательность.

Вдруг какая-то женщина где-то на задних рядах как заорёт нечеловеческим голосом: «РЕЖУТ ЕЕ РЕБЁНКА!»

Народ с мест повыскакивал — что за крик, что за бред? Доселе тётя абсолютно нормальной считалась. Народ к ней бросился, успокаивает, токсиколог дрожащей рукой в шприц транквилизатора набирает. Только не успел токсиколог ей успокаивающего ввести. Женщина та, как львица, в проход бросилась, всех вокруг себя разметала, а парочке сотрудниц в волосы вцепилась.

Что тут началось! Визг, вой, кровавые сопли, по всему актовому залу летают вырванные пучки волос. Присмотрелся токсиколог, да там уже не одна такая женщина! Уже целая куча сотрудниц в орущий благим матом клубок сцепились!

И большинство из них дрались, якобы спасая своих детей. Такой вот массовый психоз с одной фабулой.

И ладно бы одни тетеньки в этом шабаше участвовали, так ведь и дяденьки подключились!

Этим за детей меньше драться хотелось. Кто орёт «Я убью тебя, чёрный человек!», кто бросился защищать якобы поруганную честь жены, кто просто за Родину-мать, а кто конкретно бить немцев полез. Ну а самые неосознательные и меркантильные сражались за сожжённые соседями квартиры и ворованные ковры.

А самое интересное учудил токсиколог. Наверное, сумел он всё-таки ввести успокоительное. Себе. Один он ни с кем не дрался — на сцене перед всем честным народом разделся догола и залез под самый потолок. Там такая железка со всякими софитами-прожекторами висела, вот он и сидел там тихо-тихо. Его последним сняли. Руки аж синие от напряжения — шутка ли, пару часов, как сорока на тыну, на такой высоте продержаться.

Ликвидировали этот бардак силами трёх подразделений — солдатами местного полка химзащиты, местной же пожарки и отделением ведомственной охраны. С орущими благим матом бухгалтерами и табельщицами поступали просто — привязывали их к носилкам, а наиболее буйных — так даже между двумя носилками. Психоз этот длился довольно долго, несколько часов, поэтому поработать пришлось много. Спасибо, что запасы транквилизаторов при заводе были порядочные, а всё благодаря той же мудрой инструкции! Ведь при лечении отравлений стареньким атропином расстройства психики не редкость. В фармакологии даже термин такой есть — атропиновый психоз. Именно за этим и создавали Сафолен, чтобы избежать побочных эффектов. А оказалось вон оно как...

От атропина мрут, загнав сердце в бешеном ритме, а от Сафолена всего лишь бесятся! Ведь холинорецепторы в мозгах тоже имеются! Заблокируй их, и такое в мозгах начнется!.. Впрочем, создатели нового антидота тогда меньше всего о них думали, да и точных методик определения их работы ещё не существовало. У отравленных ФОВ Сафолен подобных эффектов не давал. Определённые краткосрочные расстройства психики наблюдались, но такое считалось вполне приемлемым. Однако как профилактическое средство он оказался куда хуже самого боевого агента. Ведь психоз в боевых условиях может быть намного опасней просто отравления. Для поражения полка нервно-паралитическими газами надо отравить процентов сорок — шестьдесят солдат, И то, если командир волевой, то, наплевав на потери, может сформировать боевое подразделение из оставшихся. А при поражении не смертельными психотомиметиками (боевые отравляющие вещества, вызывающие острый психоз) достаточно, чтобы яда наглотались всего три-пять процентов! У них же боевое оружие в руках, а ну как бросится такой на родного взводного с криком: «Умри, чёрный человек!» О боеготовности в такой ситуации говорить смешно — подразделение погрязло в междоусобной борьбе.

Так что после того случая Сафолен-21 списали подчистую. Закрыли производство, вывезли со складов. Сколько это стоило в масштабах СССР, никто не считал. Но самый большой вопрос в этой истории: а каким же образом непроверенное средство попало в лечебные

прописи военно-медицинской доктрины?

Впрочем, в гражданском Минздраве фокусы даже похлеще встречались. Вы никогда не обращали внимания, сколько глухонемых среди родившихся с конца 40-х до середины 60-х? Они мелькали во всех городах и стали вполне заурядным явлением. За эти пятнадцать лет в Союзе были построены сотни специальных интернатов, а училось в них больше, чем за всю предыдущую историю. Когда такие детки подросли, они создали свои общества, свои предприятия, свою закрытую культуру, где даже криминальные авторитеты были глухонемыми. Народ в народе!

И знаете, что интересно? Что подавляющее большинство было рождено нормальными родителями, и у подавляющего большинства также родились здоровые дети.

Это не генетический дефект, это намного страшнее. Это врачебная ошибка. Одна такая большая ошибочка, возведённая в закон в масштабах страны.

Тогда ведь молились на антибиотики. Считали, что эра инфекционных болезней позади. И вот одного известного академика, до сих пор почитаемого во многих медицинских вузах, посетила такая «гениальная» идея. А что это у нас столько ангин да хронических тонзиллитов? Непорядок — от них же тяжелейшие осложнения на почки и сердце! Пороки клапанов на всю жизнь! Ликвидировать безобразие. И вот каждому участковому педиатру под роспись был спущен минздравовский приказ о профилактике стрептококковых инфекций у детей первого года жизни. При любом чихе-кашле предполагалось проводить комбинированный курс лечения антибиотиками. Колоть смесь стрептомицина с пенициллином.

Приказ выполняли, хотя уже тогда грамотные врачи втайне считали его глупостью несусветной. Во-первых, если носить ребёнка на такие уколы два раза в день, то на микробов они совсем не действуют. Наоборот даже, микробы в результате такой «профилактики» приобретали устойчивость к этим антибиотикам, так как лекарство успевало полностью вывестись из организма между инъекциями. Слабый микробдох, оставшийся сильный размножился — всё по Дарвину. Частота стрептококковых осложнений только возросла. А во-вторых, при такой схеме у стрептомицина проявлялась страшная ототоксичность — он убивал слуховой нерв. Если ребёночек маленький, то маминых ласковых слов ему больше не услышать, а значит, и не заговорить.

Так что всесоюзное снабжение каким-то там Сафо-леном-21, от которого небольшая группа людей подурила полдня, по масштабу последствий совсем мелочь...

Лётчик в пол-литровой банке

В начале 80-х в войска стали поступать новые МиГи-29. Тогда машина считалась секретной. Многие её узлы активно совершенствовались. Одно такое, казалось бы, незначительное экспериментальное новшество было установлено на одном из самолётов, дислоцированных под Лугой. Штурвала на этой машине нет, вместо него между ногами лётчика торчит РУС — ручка управления самолётом, больше всего напоминающая джойстик для компьютерных игр. Суть новшества была довольно простой — под указательный палец правой руки на РУСе было установлено специальное титановое кольцо, помогающее лётчику держать руку. Прижилась ли эта маленькая новация или нет, я не знаю. Но знаю одну печальную историю, связанную с этим колечком.

Как-то на кафедру судебной медицины Военно-медицинской академии срочной

фельдъегерской почтой (а попросту военным гонцом на «уазике») доставили пол-литровую банку, обложенную брикетами сухого льда. В этой банке было собрано всё, что осталось от лётчика, вернее, всё то, что военный судмедэксперт смог собрать на месте авиакатастрофы. Сама по себе катастрофа новейшего секретного истребителя — это уже ЧП всеармейского масштаба, а эта ещё сопровождалась весьма неприятными обстоятельствами. Были громадные подозрения, что дело было не в технической неисправности самолёта...

Погибший пилот-подполковник был очень опытным лётчиком, из тех, кого называют асами. Отлично летал в Афганистане, был заслуженно награждён многими боевыми орденами и медалями. По данным судебно-психиатрического анализа, который можно было сделать лишь косвенно: на основании личного дела, записей в лётной книжке и бесед с сослуживцами, был он личностью хладнокровной, способной к принятию правильных и молниеносных решений. В авантюрах никогда не замечен, хоть и крутил такие фигуры высшего пилотажа, что многим другим асам было завидно. Часов у него столько было налётано, что на теперешний авиационный полк хватило бы...

Но всё же одно неприятное «но» оставалось. Была у этого подполковника вполне благополучная семья — жена-красавица и двое деток. Тогда Советское государство о военных заботилось: лётная зарплата плюс зарплата жены позволяли жить без проблем. Обитали они в ДОСе (доме офицерского состава) в хорошей благоустроенной трёхкомнатной квартире. Луга недалеко — городок тихий, да и до Ленинграда рукой подать. Не служба, а мёд, мечта многих офицеров. По описаниям сослуживцев семья была счастливая, ни ссор, ни скандалов у них никто не помнил.

Так вот, на фоне общего благополучия несколько месяцев назад его старший сын отдыхал в пионерском лагере на Волге, где смылся с тихого часа купаться и утонул. Сильно переживал подполковник эту трагедию, даже был отлучён от полётов на какое-то время. Однако мужественная душа военного переборола драму, и вскоре подполковник снова окунулся в лётную работу. Тащил службу за пятерых, пытаясь заглушить боль души и тоску по сыну. Командование причину его рвения понимало и от этого ещё больше ценило. Да и само время, лучший доктор, своё дело делало — притупилась боль утраты, ушла из повседневной жизни военного.

Приходит подполковник накануне катастрофы к себе в квартиру и видит — некоторых вещей его любимой жены нет. Нет и её самой, и маленькой дочки. Через несколько минут телефонный звонок. Подполковник берёт трубку. Жена звонит. Просит не перебивать. Извиняется за содеянное и сообщает подполковнику пару новостей. Новость первая: второй ребёнок — не его. За взятку врач-гинеколог написала преждевременные роды. Нормально ребёнок родился, даже несколько переходила. А написали так, чтоб сроки с «афганским» отпуском подполковника совпали. Дочка, оказывается, от однокурсника, с которым у них страстная любовь ещё со студенческой скамьи. Старый друг её так любит, что сам до сих пор не женат. Однокурсник этот в большие люди выбился, во Внешторге работает, не чета какому-то там подполковнику ВВС. Новость вторая: тайным встречам конец, я жена, теперь уже можно считать, бывшая. Сделано предложение, которому — «да», ну, а тебе соответственно «нет». Всё, что было, — трагическая ошибка поспешного выбора. Дальше просит не беспокоиться и начать устраивать свою новую холостую жизнь. Типа мужик ты видный, в своей Луге девку быстро найдёшь. И за алименты не волнуйся — никаких алиментов не будет. И никакой твоей жилплощади не надо. Новый муж имеет шикарную квартиру в Москве и безоговорочно принимает отцовство. Родители у него тоже очень большие люди, с разводом помогут, всё будет быстро и чики-чики, на твоей карьере никак не отразится. Не змея же твоя бывшая...

Подполковник весь этот монолог выслушал молча, ведь обещал же не перебивать. Действительно, железный мужик. Лишь в самом конце сказал пару слов: «Всё? Ну раз всё, тогда прощай!» — и повесил трубку.

Ни в какой винно-водочный он не побежал, никаким друзьям звонить не стал: зачем людей после тяжелого дня беспокоить? У всех своих проблем по горло, а завтра очередной полётный день — всем надлежит хорошо выспаться, чтобы быть в надлежащей форме. Залез подполковник в свой холодильник, поел «осиротевших» жениных котлет и лёг спать. Никто бы и не узнал об этом разговоре, кабы после ЧП военные следователи жену не разыскивали.

Ни свет ни заря подполковник в части. Предстоит сложный полёт в двойке с одним майором. Что касается лётного дела, то майор тот тоже ас, на подполковника как на отца смотрел, хоть по возрасту был близок, да и вне службы все их друзьями считали. Летали они в элитной эскадрилье, где были собраны лучшие лётчики и техники полка. Вместе проходят предполётный медосмотр. Перед осмотром друзья непринужденно болтают, обсуждают детали предстоящего задания, шутят на отвлечённые темы. Друг-майор ничего особенного в настроении подполковника не замечает. Авиационный военврач тоже ничего не находит. Руки не дрожат, нервные рефлексы в порядке, глаза не красные, кровяное давление и сердцебиение в норме. Явно выспался мужик, к полёту готов, физическое состояние отличное. Заключение простое: «До полёта допускаю».

Развод. Уточнение учебно-боевой задачи. Ни командир, ни другие офицеры ничего странного в поведении подполковника не замечают. Как всегда собран, все высказывания строго по делу.

Подходят к самолётам. Разговор с офицером-техником всегда душевный. Верят летуны своим ангелам-хранителям, да и техники за годы работы свих летунов насквозь видят. Ничего странного техник в подполковнике в то утро не заметил. Доложил как положено: «Товарищ подполковник! Ваш МиГ-29 к вылету готов. Неполадок нет». А неполадок, похоже, действительно не было. Уже после ЧП госкомиссия по данным телеметрии и остаткам «чёрного ящика» это определила. Вообще-то, этот ящик совсем не чёрный и совсем не ящик. Бортовой самописец больше всего напоминает большой приплюснутый ярко-оранжевый мяч, в бронированном нутре которого медленно ползёт суперпрочная магнитная проволочка, фиксирующая кучу параметров. В той катастрофе этот неразбиваемый блок весьма сильно разбился, но кое-какие участки проволоки уцелели. Как раз те, что последние моменты жизни машины фиксировали. За исключением самих полётных условий, работа всех систем была в норме.

Вот и взлётная полоса. Голос диспетчера в наушниках даёт паре взлёт. Два «мигаря» на полосе стартуют как бегуны на эстафете — один чуть сзади и сбоку от другого. Короткая пробежка, и две хищных птицы синхронно поднимаются в воздух. Короткий и крутой набор высоты. Выход в заданный район. Форсаж.

Яркие оранжево-голубые языки пламени, на земле слышен грохот взломанного звукового барьера. Начинается работа на перехват и страшные перегрузки. Пара работает технично и слаженно, тянет на явную пятёрку. «Земля» довольна. Командир полка то тычет пальцем в экран радара, то задирает большой палец вверх. И вдруг на заданной «потолочной точке» самолёт подполковника начинает карабкаться дальше вверх. Командир полка с досадой всплескивает руками. Эх, пятёрка сорвалась! С земли сразу идёт команда: «Нарушение полётных условий, вернитесь на заданную высоту». В ответ привычное: «Вас помял. Есть вернуться на заданную высоту. Выполняю». Но вместо нормального снижения самолёт подполковника выполняет вертикальное пикирование строго вниз. Пике вниз на полной форсажной тяге. Восемнадцать километров высоты съедаются за секунды. Самолёт на максимальной скорости врывается в землю, как метеорит. Местность безлюдная, сопутствующих разрушений нет, лишь огромный кратер в болоте.

Наверное, каждый читатель уже выдвинул свою версию происшедшего. Версию простую и, я уверен, правильную. Уж больно очевидны факты последнего вечера жизни этого подполковника. Но предположить — ещё не значит доказать. А доказать было необходимо.

Разложили светила военной судмедэкспертизы обугленные косточки из баночки на белую простынку и стали думать думать.

Ну как тут доказать, что в момент падения самолёта пилот был в сознании? Сама постановка задачи выглядит глупой шуткой.

Отправили кусочки тканей, что не совсем сгорели, на анализы. Результат полностью отрицательный — ни наркотиков, ни ядов. И тут одного молодого капитана-адъюнкта (военного аспиранта) мысль посетила: ведь среди найденных костных фрагментов есть два куска проксимальной фаланги указательного пальца правой руки! Как раз той косточки, что в кольце на РУСе должна быть.

Сложил сей начинающий судмедэксперт две половинки, два костных фрагмента, и точно — очень уж характерный перелом получается — колечко в момент удара косточки как ножом рассекло.

Сразу на завод-изготовитель ушёл срочный запрос. Необходимо было замерить некоторые размеры кабины, прислать технический рисунок ручки и к нему это титановое кольцо.

Ответ пришёл в секретном пакете с нарочным через пару дней. Взял этот адъюнктик техрисунок и пошёл в протезную мастерскую академии. Столяр отрезал по заданному размеру деревянный брусок и сколотил грубое подобие РУСа — штурвала МиГа-29. Грубое, но по размерам точное. Затем на точиле, а дальше обычным рашпилем подогнал рукоятку под форму рисунка и на два шурупа прикрутил титановое кольцо, а внизу прикрепил поперечную планку на обычном дверном навесе. До миллиметра вымерил размеры. Копия получилась смешная, но для следственного эксперимента вполне пригодная. Далее эту «швабру» прибили к обычному листу фанеры.

На следующий день наш адъюнкт пришёл на построение 3-го курса 3-го факультета подготовки лётных врачей. Из кармана его кителя выглядывал токарный штангенциркуль. Коротко переговорил с начальником курса. Тот даёт команду: «Всем курсантам, вес которых восемьдесят пять — восемьдесят шесть килограммов, — шаг вперёд!» Бух по полу, курсанты вышли. Следующая команда: «Из вышедших всем курсантам, у которых рост метр семьдесят девять, — шаг вперед!» И эти вышли. Уже совсем небольшая группа. Третья команда: «Последние вышедшие поступают в распоряжение капитана, остальным — разойтись!» Завел кэп эту группу в класс для самоподготовки и давай им руки мерить.

Отобрал адъюнкт двух «подопытных кроликов» и повёл их на кафедру авиационной и космической медицины. А на той кафедре кресло, аналог кресла МиГа-29, имелось, установленное на специальном тренажёре. На тот тренажёр и поместили фанерный лист со «шваброй», изображающей штурвал-джойстик. Посадил адъюнкт первого курсанта в этот «самолёт», пристегнул его к креслу ремнями, а колечко на ручке предварительно краской обмазал. «Держи, курсант, штурвал!» Курсант держит. Тренажёр наклоняет кресло на угол того пике, когда произошла катастрофа. «А теперь расслабь руки!» Руки падают с импровизированного штурвала, палец выскальзывает из кольца. «Снова держи! А теперь мы тебя чуть тряхнём!» Палец касается металлического ободка кольца, и нанесённая краска рисует на пальце линию под характерным углом, точь-в-точь по разлому кости. Курсант слазит с тренажёра, линия на пальце фотографируется. «А теперь, коллега, выходите из пике — ручку вниз и на себя». Меняют угол наклона «швабры» и снова трясут. Линия на пальце уже не совпадает с линией перелома. Потом трясут без изменения угла — вдруг ручку заклинило и элероны не слушаются. Линии на пальце получаются разные, опять на перелом непохожие.

Закончив с первым курсантом, занялись тем же со вторым. Бесчисленное количество фотографий — следственный эксперимент номер такой-то и рука на сантиметровой сетке.

Наконец со стендовым моделированием покончено. Плёнки быстро сдаются в фотолабораторию, к утру получены фотографии.

Картина предельно ясна: удержать палец на ручке-штурвале можно только в полном сознании и при полном сохранении мышечного тонуса. А учитывая реальные перегрузки под форсажем, для этого ещё необходимо обладать недюжинной физической силой и быть тренированным — слабак так руку не удержит. Характер перелома дистальной фаланги указательного пальца правой руки стопроцентно подтверждает, что никаких попыток вывода из пике в момент удара о землю лётчиком не проводилось. Любой мало-мальски здравомыслящий человек сделает такой вывод.

В последний миг своей жизни наш подполковник был в полном сознании и прилагал значительные физические усилия, чтобы вести исправную машину вертикально вниз.

Радарная травма

Если вы думаете, что это такая травма, когда крутящийся радар по башке задел, то ошибаетесь. Радарная травма — это травма радарным излучением. Если излучение слабенькое, то травмы нет, а есть хроническая радарная болезнь. Тоже не подарок, но жить можно. А вот после хорошей радарной травмы жить нельзя.

Радарное излучение считается «мягким» — это не проникающая радиация в общепринятом смысле, а малознергетическое СВЧ — электромагнитное поле сверхвысокой частоты. Как в обычной микроволновой печи. Что там его бояться? Вот и не боялись...

Наиболее мощное поле СВЧ дают радары противоракетной обороны. Их излучающая антенна так устроена, что генерирует излучение, подобное невидимому лучу гигантского прожектора. Оно и понятно — мощности на бесполезное «освещение» пустого пространства меньше теряется. Вначале дежурный радар, тот, что весь сектор наблюдения контролирует, засекает нечто чужое, а затем уже это нечто чужое «подсвечивается» узконаправленным пучком СВЧ. По отражению этого пучка и идёт ракета-перехватчик.

В Советском Союзе такое дело было отработано до уровня балета Большого театра — каждый знал свою партию до мельчайших движений. В 1972 году Никсон с Брежневым договор о противоракетной обороне подписали — тот, что Буш через тридцать лет отменил. Так вот, советская противоракетная оборона Москвы существовала с 1973 года, правда, с ядерными ракетами-перехватчиками, а Америка до 2000-го ничего толком создать так и не смогла. Для офицера ПВО Ленинградского и Московского округов служба мёдом не казалась, хоть до обеих столиц, Северной и официальной, было рукой подать. Радары всегда стояли на боевом дежурстве, и офицер чувствовал себя как на войне, никакой расслабухи. Это уже при Горбачёве бардак пошёл. В начале того бардака и случилась эта история.

Между Калинином и Ленинградом стояла секретная часть ПВО (противовоздушной обороны). Как и везде на рубежах обороны Москвы, в той части начались снятия, служебные несоответствия и выговоры. А всё потому, что месяц назад на Красную площадь приземлился на своём маленьком самолётике немецкий пилот-любитель по фамилии Руст. Такое издевательство над горбачевским «новым мышлением» привело войска ПВО в страшную опалу. Новый министр обороны Язов (тогда расшифровывали его фамилию как «я заставляю обуться всех»), любивший начищенные сапоги и парады, отменил вывод радаров на ТО (техобслуживание) без видимых поломок. Вот и пришлось офицерам-технарям пускаться во все тяжкие, чтоб радар без снятия с дежурства в исправности поддерживать. Ну, с установками постоянного излучения такого не получалось, а вот с «пучками» запросто.

Достаточно было позвонить сослуживцам-смежникам: «Ну как там у вас, чисто? Ну, хорошо, тогда мы полезли». Полезли в зону излучения временно не излучающего радара. Однако если вдруг... Короче, если радар не отключён, а лишь «спит», то пробудить его может любой подозрительный сигнал, поступивший с других станций слежения. Для техника в излучателе ситуация напоминала русскую рулетку — это когда один патрон в барабане револьвера и ствол к виску. Крутнём, бух! — ура, пусто. Живите на здоровье до следующего раза.

Прапорщик Иванюк, капитан Лыков, рядовые Альмухамедов и Синягин проводили «текущее малое ТО без снятия установки с боевого дежурства». Капитан копался с электрикой, рядовые просто что-то мыли-чистили, а прапорщик контролировал, чтоб всё мылось-чистилось хорошо, ну и помогал капитану. Операторская находилась далеко от излучателя, да ещё под землёй, поэтому для экономии времени и снижения риска технари добирались до «пучка» на машине. Соответственно пятым участником мероприятия был сержант Ляховецкий. В целях безопасности сержант подвозил группу прямо под излучающую антенну, а затем отъезжал метров на триста в безопасном направлении. Его задачей было неотрывно смотреть на дверь радарной и держать двигатель своего 66-го «газона» со спецкуном постоянно включённым.

Это был не совсем простой «газон». Его кабина и кунг (будка на месте кузова) были отделаны экранирующими материалами, а на стёклах имелись щиты с мелкими дырочками. Электрическая часть двигателя гоже имела специальную защиту от перегорания под мощным полем. Перед носом у водителя на шнурке вместо обычных безделушек болталось нечто, напоминающее большую авторучку с лампочкой — индикатор СВЧ. Как только лампочка на индикаторе загоралась, водитель обязан был опустить щиты и мгновенно мчаться к дверям радарной, при этом непрерывно сигнала. Персонал прыгал в кунг, и машина неслась подальше от радара в направлении, противоположном позиции излучателя. Обычно малое ГО не занимало больше пятнадцати минут и всегда заканчивалось мирно — техперсонал спокойно выходил из дверей установки, приветливо махая водиле рукой. Никаких щитов опускать не требовалось, а требовалось спокойно подъехать и забрать людей. Если же персонал махал красным флажком, то требовалось сделать то же самое, но быстро, а вот уезжать надо было заэкранированным — значит, на радар «звякнули» и он сейчас заработает.

За месяц этого дурацкого нововведения, которое случилось после посадки Руста, подобных ЧП не было ни разу. Вся ПВО ждала отмены осадного положения, надеясь, что гнев министра вот-вот закончится и служба войдёт в нормальное русло. А пока технари лазили в «спящий» радар, проклиная немца-авантюриста, глупый приказ и начало перестройки, которая явно понеслась куда-то не туда.

Между радарщиками была негласная договорённость: как только наблюдающий радар начинает выдавать что-либо подозрительное, первым делом надо не боевую тревогу объявлять, а на «пучок» звонить, если там люди в зоне. Ведь после тревоги радар уже неконтролируемый — он начинает слежение в автоматическом режиме. А так двадцать-тридцать секунд есть, чтоб из зоны выйти. Успеют и радар навести, и людей сберечь. Конечно, подобная мера боеспособности не содействовала, но давала какой-то выход из сложившейся дурацкой ситуации.

В тот день «на секторе» сидел майор, от которого подляны ожидать никак не могли. Офицер был грамотный и порядочный, жизнь сослуживцев и подчинённых ставил куда выше мнения проверяющих.

А гады проверяющие свалились на голову абсолютно внезапно. И если бы это была простая пара полковник-майор из дивизии, то можно было бы им всё объяснить или даже послать, на худой конец, пусть и с риском для карьеры. Но полковников была куча, да с генералами, и называлась эта шайка комплексной проверкой из Министерства обороны. Это когда

паркетные полководцы устраивают запуск холостой ракеты где-нибудь из-под льда Северного Ледовитого океана и смотрят, как эту ракету сбивать будут. В реале. Хотя по своему желанию они этот «реал» могут несколько усложнить — приблизить к боевым условиям. Вот и усложнили — объявили майору, что он давно убит, потому как в его радар секторального наблюдения десять минут назад попала крылатая ракета противника. Дёргай рубильник, вырубай установку, связь уже отключена. Посмотрим на боевое взаимодействие «подсветки» с радаром других частей, нас не одна дивизия, а боевая готовность всей ПВО интересует.

Манор хватить телефон — а там и гудка нет. Рад бы ребятам позвонить, а как? Собственный излучатель не работает, хотя контрольный экран «на приём» включённым остаётся, да ничего на том экране уже не видно. И вдруг на экране пятнышко цели появляется. Это значит, что его «поражённый» сектор перекрыли соседи, вычислили цель, навели и врубили «подсветку». А ещё это значит, что «подсветка» уже ведёт ракету-перехватчика. Если цель поймана, то станция работает сама по себе с единственным желанием примитивного робота — уничтожить. А там пускай хоть потоп, хоть люди в зоне — железные мозги этим уже не интересуются.

Капитана Лыкова убило в момент — просто шарахнуло током в двадцать семь киловольт. Никакой радарной травмы, смерть как на электрическом стуле. Дежурный оператор сказал: «Одни тапочки остались». Ну это он несколько загнул. Тапочки действительно остались, но на ногах скрюченного, обугленного тела. Прапор и солдаты за контакты не держались, поэтому им напряжение ничего плохого не сделало. Почувствовали они внезапный жар да страшную головную боль и выскочили из дверей радарной. Надо сказать, что никто из них непосредственно под прямым пучком не был, иначе результат был бы совсем иной. Они всего-навсего были рядом, и СВЧ задело их очень легко.

Через несколько мгновений все трое ослепли. Жар спал, хоть тело всё ещё сильно горело. Иванюк, однако, не растерялся и закричал:

— Солдаты, ко мне! Держаться друг за друга!

Почти теряя сознание, солдаты на крик добрались до прапора и вцепились куда придется. А ещё через момент все услышали спасительное бибиканье и звук мотора. Трое шатающихся технарей производили жалкое зрелище, и водила Ляховецкий понял, что за экраном ему не отсидеться. Плевать на огонёк индикатора, он открыл дверь и спрыгнул на землю. Кожу сразу защипало, голова заболела и стала наливаться свинцовой тяжестью, а ещё через миг возникло неприятное жжение. Изнутри. Особенно сильно «горели» кости — как будто кто-то из другого измерения о кости сигаретные окурки тушит.

— Кэп где? — орёт сержант.

— Хана ему. На моих глазах током убило. Давай быстро! Мотать надо отсюда — сгорим, блядь, заживо! — отвечает прапор. На невидящих глазах слёзы. — Что же они, суки, не позвонили?!

Сержант с трудом впихивает совсем ослабевших людей в кунг. Уже и самому ой-ёй-ёй как хреново, шатает как пьяного.

Наконец в кабине. Через экранирующую решетку дорогу видно плохо. Зато видно, как решётка нагрелась. Надо же, какое чудо — кое-где на ней краска чернеет и дымится, а мы. люди, ходим! Ну, поехали Ох, руль не удержать — машину мотает по дороге, но нет, в кювет нельзя. Фу-у-у, отпускает. Сколько проехал? Да всего ничего, метров двести. А уже и не жжёт! Ерунда осталась, только тошнит да тело слабое и как ватой набито. Вот и забор, триста метров от радара — это уже безопасная зона, можно поднять решётки со стекол. Не буду останавливаться, надо дотянуть до КПП — там телефон. Километра три, однако, будет. Как

там ребята в кунге? Ладно, дам ещё километр и остановлюсь — мочевик жжёт страшно, такое чувство, что и вправду кипятком ссать буду. И блевать охота. Всё, больше не могу. Стоп — вначале блевать, потом ссать, потом посмотрю, что с ребятами.

Сержант прыгает на землю. Ноги не держат, и он беспомощно падает набок. Вокруг лес, как в заповеднике, тишина, только птички поют. Невольно вспомнился ландшафт перед радаром: леса нет совсем — бетонный плац, а дальше расходящаяся широкая просека с чахлой травой. Хотя чем дальше от радара, тем выше трава. Потом кусты, потом подлесок, ну а потом лес... Может, там расчищают, а может, само выгорает. Наверное, само выгорает. Мысли прервала рвота, впрочем, не сильная. Так, чуть блеванулось, и полегчало. Кое-как встал, сделал несколько шагов до ближайшего дерева. А вот пописать оказалось проблемой. Струя мочи действительно была горячей — ну, может, и не горячей, но теплее обычного — «дымит», как на морозе. Но не в этом проблема — мочиться больно! Вспомнилась давным-давно перенесённая гонорея, которую подцепил перед выпуском из ПТУ. Почему-то стало очень весело: «От радара трипак подхватил!» А потом сразу грустно — настроение менялось, как диапазоны в приёмнике. Корчась от рези, сержант Ляховецкий наконец выссался. Штаны были порядочно намочены, так как его всё ещё сильно качало и выполнять всю процедуру пришлось при помощи одной руки, опираясь второй о дерево. Ляховецкий ругнулся и поковылял открывать кунг.

В кунге было тихо. Двое беспорядочно лежали на полу. Голова прапорщика находилась под лавкой, рядом с сапогом Альмухамедова. Сам Сатар лежал лицом вниз в рвотной луже. Один Синягин полусидел в углу, тоже облёванный, но с полуоткрытыми глазами, никак не среагировав на свет.

— Товарищ прапорщик, Михал Саныч! Альтик, Синя! Вы чё, мужики?!!

Ответом был только сдавленный вздох со стоном Синягина.

Ляховецкий с трудом залез в кунг и стал тормошить лежащих. Все были живы, но без сознания. Вытащив откуда-то пару засаленных ватников и старое солдатское одеяло, сержант попытался устроить какое-то подобие изголовья и уложить на него в ряд всех троих. Наконец это удалось. Сам он чувствовал себя заметно лучше, чем пять минут назад, головная боль утихла, хотя головокружение оставалось... Ясно, что никакой другой помощи, кроме скорейшей доставки к врачу, водитель предложить не мог. Снова выпрыгнуть из машины Ляховецкий побоялся. Лёг па пол около двери и сполз на землю. Затем, держась за борт, вернулся в кабину и рванул на КПП.

На КПП обычно дежурили четверо — двое выходили «на периметр» ходить вдоль колючей проволоки и отлавливать заблудших грибников, а двое сидели «на телефоне». Обычно «на телефоне» сидят старослужащие, а молодые бегают «по колючке» — это далеко, до следующего КПП, там надо расписываться в контрольном журнале. Время «на палке», как называли шлагбаум, текло медленно и размеренно, и никаких ЧП не случалось, и дежурство было безусловной халявой. Поэтому появление машины оттуда, впрочем, как и машины туда, считалось событием. Едва заслышав шум мотора, один солдат выходил из будки к шлагбауму с автоматом наперевес, а другой открывал журнал для соответствующей записи «о пересечении периметра».

На этот раз наряд сразу понял, что случилось нечто экстраординарное — приближающийся «газон» швыряло по сторонам, а в кабине не было офицера, один водитель-срочник. Скрипнули тормоза, и Лях, как называли Ляховецкого в полку, грузно вывалился из кабины. В глазах наряда застыл немой вопрос.

— Мужики, телефон срочно! Капитана Лыкова убило, остальные в отключке, да и мне херово, едва держусь! — выпалил Ляховецкий.

— Что случилось?

— А кто его знает — радар всех пожёт!

После этих слов солдаты подхватили Ляха и потащили его в будку.

— Куда звонить-то? Дежурному?

— Давай дежурному, а потом куда повыше. В штаб полка звони!

Дежурный пустился было в пространные расспросы, что да как, но короткий доклад Ляха положил конец его сомнениям:

— Товарищ дежурный, нам тут пиздец. Если врача не будет, щас ещё трос сдохнут. Самому мне их не доставить — не могу машину вести, голова сильно кружится.

Дежурный сразу позвонил в полковой медпункт, затем в штаб.

Поставив всех на ноги, он прыгнул в УАЗ и покатил к месту происшествия. Минут через десять был у КПП вместе с экстренно вызванной техгруппой, а ещё через минуту туда прибыли доктор и фельдшер на своей «санитарке». Доктор кольнул что-то стандартное, вроде корглюкона, и занялся установкой внутривенных систем. Самых тяжёлых, Иванюка и Альмухамедова, положили на носилки и потащили в «санитарку». Ляховецкого и Синявина оставили на полу в кунге.

На КПП зазвонил телефон, это сам командир полка требовал доклада. Выслушав, что и как, приказал времени не терять и везти пострадавших напрямик па аэродром. А ещё минут через сорок вся четвёрка уже находилась в воздухе в пустом брюхе военно-транспортного самолёта Ил-76. Тогда же из клиники военно-полевой терапии вышла санитарная машина на аэродром «Ржевка», что под Ленинградом. Самолёт и «скорая» прибыли на аэродром практически одновременно.

Как только поражённые были доставлены в Военно-медицинскую академию, встал вопрос, от чего же их лечить. С Ляховецким все было более-менее ясно — у парня активно съезжала крыша, были дополнительные неврологические симптомы и острый цистит не совсем понятного генеза — воспаление мочевого пузыря. Впрочем, чего же тут непонятного? Что мозги, что мочевик — наиболее «мокрые» органы. Вот их СВЧ и зацепило в первую очередь. Были вызваны психиатр, невропатолог и уролог. После того как необычный консилиум назначил терапию, дела у нашего шофёра быстро пошли на поправку. Цистит прошёл за неделю без особого лечения. Какое-то время сержант ещё демонстрировал странные симптомы, напоминающие смесь сотрясения мозга, менингита и алкогольного опьянения с крайней психоэмоциональной лабильностью, но через пару месяцев и это прошло. Паренька ещё с полгода потаскали по клиникам академии ради науки, а потом выписали в часть, как раз под его дембель. Легко отделался.

С остальными было куда труднее. Состояние прапорщика Иванюка было очень тяжёлым. Несмотря на проводимые реанимационные мероприятия, никакой положительной динамики не было. Через двое суток у него стало сердце. Попытки запустить его электростимуляцией и непрямым массажем оказались безуспешными, и прапорщик умер, так и не придя в себя. Однако его смерть спасла жизнь оставшимся. На вскрытии открылась поразительная картина — вся радарная травма состояла из элементарных ожогов внутренних органов. При этом где воды больше, там сильнее ожог. Ожоги не захватывали органы стопроцентно, а лежали на их поверхности — на фиброзных капсулах печени и почек, на мозговых оболочках, на эпителии мочевого пузыря, на эндотелии крупных сосудов. И на перикарде — сердечной сорочке. У поражённого развился острый фибринозно-экссудативный перикардит, состояние, когда вокруг сердца накапливается много жидкости с фибрином, веществом, образующим тромбы в

крови. Перикард-то дренировали, а вот восстановить нормальную свёртываемость крови так и не удалось. В обожжённых изнутри крупных сосудах образовались пристеночные тромбы, которые и привели к инфарктам и эмболии — непосредственной причине смерти. Предотвратить такое было трудно, но зато ясно стало, как лечить. Лечить следовало не от мифической радарной травмы, а от ожоговой болезни! Ожогами же объяснялась и внезапно наступившая слепота — сетчатка глаза просто сгорела.

Теперь на консультацию пришли комбустиологи, специалисты по ожогам. Подключили аппараты для очистки крови, стали коррелировать её агрегатное состояние — чтоб в сосудах не сворачивалась, но и чтоб через сосудистую стенку не сочилась. Дополнительно лили много жидкости в вену и специальными лекарствами форсировали диурез, или отделение мочи. Это организм от ожоговых токсинов чистит. Вскоре кризис миновал, вернулось сознание и дело пошло на поправку.

Поначалу состояние Альмухамедова было тяжелее, чем у Синягина. Перикардит развився быстро, но после того как всю жидкость, сдавливающую сердце, выпустили и сердечную сумку промыли специальным раствором, спаек больше не образовалось. Вот у Синягина жидкости вокруг сердца было мало, а фибрина в виде спаек — много. Стало его сердцу трудно биться, пришлось переводить в госпитальную хирургию, где ему хирургическим путём эти спайки рассекли. Долго ребята на койках пролежали. В конце концов функции внутренних органов полностью восстановились. Только радости солдатам с того мало было. Остались они инвалидами на всю жизнь — мёртвую сетчатку глаза не починишь. Как радар её сжег, так видеть им нечем стало, зрение потеряно бесповоротно.

* * *

Много лет спустя в тридевятом царстве, в закордонном государстве тоже производился ракетный перехват — где-то над океаном высоко в ионосфере неслась боеголовка-макет, а на неё летело *killer vehicle*, убийственное транспортное средство. Тридевятое царство решило ракеты-перехватчики вообще без взрывчатки делать, «упростив» задачу до уровня «собьём пулю пулей». Радар построили на высоком холме, выступающем большим мысом в океан. Поразительна была и территория вокруг радара. Там стояли в большом ассортименте огородные пугала, какие-то вертушки, трещалки, рядом висели динамики, которые пищали, звонили, клекотали по-ястребиному, заполняя всё вокруг невыносимой какофонией самых разнообразных звуков. Оказалось, от птиц. Но птиц, похоже, это нисколько не волновало. Мимо чинно пролетали здоровые коричневые пеликаны, а чайки и вороны просто кишели в небе. И вот радар заработал. Пых-пых-пых — птички, попавшие под лучик, забавно взрывались, оставляя после себя маленькие облачка перьев и сажу... Вот это настоящая радарная травма!

Золотистые эстрогены

История о глупом капитане. Даже не о глупом, а совсем дураке. Этот капитан был офицером связи и служил не где-нибудь, а в самом штабе округа. Красавец-мужчина, высок и ладно сложен, от поклонниц отбою не было. Правда, по месту службы о личной жизни капитана мало что знали, у него была нормальная жена, а если и ходил налево, то тихо.

Служил себе капитан не тужил, да с некоторого времени стало одно обстоятельство его сильно огорчать — сослуживцы над ним посмеиваться начали. Обидно так. Вояки — они же порой просты до безобразия, а шутки у них сальные да хамоватые. «Эй, связист, дай за сиську подержаться!» Кому такое приятно? К тому же с грудями у капитана действительно начались какие-то проблемы — они увеличились и стали болезненными, как у

девочки-подростка. Потом стала исчезать растительность на лице, щетина на месте бороды и усов стала совсем редкой. И наконец появились приступы учащённых сердцебиений, сопровождавшиеся покраснением лица, обильным потоотделением и головокружениями — точь-в-точь как у женщины в начале климакса.

И ещё один неприятный момент для молодого капитана, хотя, пожалуй, и самый незначительный — нечто, что с натяжкой можно назвать ослаблением потенции. По его собственным словам, половую жизнь он вёл так же часто, как и раньше, но вот только кончить ему стало намного труднее.

Понятно, что военврач в его части только руками развёл, поставил диагноз «гинекомастия неясного генеза» (непонятное увеличение грудных желёз у мужчин) и послал этого капитана в Военно-медицинскую академию к эндокринологу. Эндокринолог с лёту тоже первопричины не обнаружил и положил капитана в клинику факультетской терапии на обследование.

Там врачи прежде всего кинулись у него гормонально-активную опухоль искать. Обычно вырастает такая где-нибудь в надпочечниках или гипофизе и начинает выкидывать в кровь женские гормоны — эстрогены. Эстрогены в свою очередь у мужика начинают формировать женские вторичные половые признаки. Но никакой опухоли у капитана не нашли.

Тогда решили проверить его на скрытый гермафродитизм — редкое состояние из разряда казуистики, когда мужчина может иметь скрытые женские органы. Результат обычный — никакой капитан не гермафродит, а самый настоящий мужик, и генетически, и анатомически. К тому же за время обследования офицер стал себя чувствовать совершенно нормально — никаких тебе «менопаузных приливов», грудные железы болеть перестали, даже как-то спали в размерах, а самое главное — его гормональный фон полностью восстановился.

Давно известно, что у всех абсолютно здоровых мужчин в крови присутствуют женские гормоны, а у всех абсолютно здоровых женщин — мужские. Развитие вторичных половых признаков определяется не самим фактом их наличия, а соотношением их количества. Больше андрогенов — организм развивается по мужскому типу, больше эстрогенов — по женскому.

Но и те и другие нашей эндокринной системой вырабатываются всегда. Так вот, при поступлении в самом первом анализе крови у того капитана нашли некоторое увеличение доли эстрогенов, но последующие анализы давали исключительно нормальное соотношение.

Примитивный диагноз, поставленный штабным начмедом, так и остался в первоначальной формулировке. Не докопавшись до первопричины, академические светила не смогли его чем-нибудь конкретным дополнить. Но капитану-то помочь надо. Хотя здоровье само по себе восстановилось, но женские сиськи-то остались! Предложили ему сделать простую операцию, по типу пластической — просто удалить железы. Капитан согласился. Ну что ж, в таком случае спешки не требуется — операция плановая, срочности никакой. Вот вам направление в клинику общей хирургии, прооперируетесь через пару месяцев. А пока на выписку — и домой.

Через два месяца приходит тот капитан в общую хирургию. Потный, красный, сердце молотится, груди набухшие, снова твёрдые и снова болят. Значит, вернулась хворь.

Подняли его старую историю болезни — и сразу кровь на анализы. Только теперь уже не одним андроген-эстрогенным соотношением заинтересовались, а ещё захотели узнать, какие же конкретно эстрогены присутствуют и в каких количествах. Тонкий анализ, сложный. Отправили образцы на кафедру биохимии. Те применили самые последние методики того времени и дают однозначный ответ — кроме несколько повышенных концентраций нормальных эстрогенов, фолликулостимулирующего и лютеинизирующего гормонов да

пролактина, в крови найдены следы местранола, этинил-эстрадиола и норэтиндрона — гормонов искусственного происхождения! Стероид норэтиндрон очень похож на женский гормон прогестоген. Он не является эстрогеном, но по женской части тоже очень активный. На основе этого вещества делают противозачаточные таблетки. Неужели капитан их пьёт?! Кто же он — скрытый трансвестит, или тут какая иная причина?

Стали на офицера наседать — так и так, в вашей крови, товарищ капитан, циркулируют излишние женские гормоны, но вместе с гормонами из противозачаточных таблеток. Объяснитесь, пожалуйста, как они туда попали? Каким образом и с какой целью вы их туда вводите?

Капитан клянётся и божится, что никаких противозачаточных таблеток он в жизни не пил, никаких эстрогенов себе не колол, что он никакой не гомосексуалист и не трансвестит — своей мужской породой он весьма доволен, любит исключительно женщин и пол менять даже в страшном сне не собирается. Одно только смутило хирургов — после этого разговора уж очень капитан мрачный стал. Сидит в полном одиночестве на подоконнике в коридоре и курит одну за одной в полнейшей депрессии. Позвали тогда они на консультацию психиатра.

. Приходит психиатр. Для приватности увёл капитана в процедурную и давай там его расспрашивать. Уж какой он там подход использовал, уж какую психологическую методику применял, но, видать, оказался профессионалом наивысшей категории — с одной беседы в самые сокровенные глубины души залезть сумел. Ведь какие самые оберегаемые секреты конкретного человека? Секреты сексуальных отношений! Тем более становятся секреты подобного рода тайной в квадрате, если сексуальные отношения отличаются от общепринятого среднего. То, что большинство людей нормой никак не считает и называет сексуальным извращением.

Тот связист действительно любил женщин, любил много и любовью самой плотской. Жену свою удовлетворял ежедневно, а в выходные так и не раз, но ещё умудрялся по любовницам бегать. Только его мужское хозяйство просто так на женщину не реагировало. Необходим был довольно странный ритуал — капитан упрашивал свою партнёршу помочиться ему в рот. А мочу эту пил. После этого у него возникала бурная эрекция, и он страстно удовлетворял свою патию всеми возможными способами. За последующие бурные ласки подруги этого офицера-красавца, включая жену, странность эту ему прощали, а после нескольких «сеансов» даже выполняли эту просьбу с нескрываемым удовольствием.

Вот и весь секрет — большое количество женских гормонов и противозачаточные стероиды, а также продукты распада эстрогенов всё ещё с весьма высокой гормональной активностью выводятся из организма почками. И жена, и любовницы того капитана регулярно пользовались противозачаточными таблетками, и, разумеется, их моча кроме собственных эстрогенов была весьма сильно «подсолена» синтетическими. Такой «коктейль» из натуральных и искусственных гормонов мог запросто вызвать гормональные расстройства с появлением «климактерических приливов» и формированием женских половых признаков. Но при одном условии... Такой мочи должно быть выпито не просто много, а очень много, регулярно и часто.

«Так сколько же вы мочи выпиваете?» — спросил психиатр. «Ну, у жены каждый день, а у подруг четыре-пять раз в неделю. Каждый раз столько, сколько у них в пузыре удержаться сможет — они знают, что перед моим приходом в туалет ходить не следует, терпят и ждут, а то ведь у нас ничего не получится...»

Операцию пришлось отменить — на следующий день у этого молодого капитана случился самый настоящий инфаркт. И дело тут вовсе не в психологическом стрессе, хотя, конечно, душевная беседа с таким признанием капитанские нервы пощекотала порядочно. Дело тут всё в тех же гормонах — очень известный побочный эффект их излишней концентрации

заключается в том, что они вызывают повышенную свёртываемость крови с тенденцией к тромбообразованию. А ведь инфаркт миокарда — это всего лишь внутрисосудистый тромб в сердце. Капитанское признание сработало лишь как спусковой крючок, но не как главная причина.

Капитана из армии уволили по кардиологической статье, хотя если честно, то всё же стоило ему дать «семёрку» из психиатрии. Статья «7 б» Приказа Министерства обороны № 185 о всяких маргинальных психопатиях так называлась.

Солдат спит — служба идёт

Кафедра пропедевтики была самой гуманной кафедрой в Военно-медицинской академии. Пропедевтика — это первый раздел реальной медицины. Собственно, с неё медицина и начинается. Пропедевтика учит, как больных надо опрашивать, как к ним врач должен относиться, как осматривать, как щупать-пальпировать, не лапая, как стучать-перкутировать небожно, что и где фонендоскопом слушать. Военные курсанты-медики от гражданских студентов в этом плане ничем не отличаются. Нет такой «военной пропедевтики», хоть на кафедре одни полковники на майорах сидят. Мирная наука. Но и на самой мирной кафедре порой случались весьма занимательные военные эксперименты.

Давно это было. Гагарин отлетал, «Союз» — «Аполлон» отстыковались, и началась эра развития советской долгосрочной орбитальной космонавтики. Если кому приходилось видеть кадры документальной кинохроники о возвращении первых советских долговременных космических экспедиций, тот поймет, о чём речь. Первопроходцы наших длительных орбит, отсидев в невесомости на «Союзах» и «Салютах» несчастные пару месяцев, вываливались из приземлившихся капсул, как мешки с дерьмом. Невесомость коварной оказалась — никакой нагрузки на мышцы. Да ладно бы только на мышцы — при развивающейся сильной мышечной атрофии из костей кальций уходил! Кости хирели. Надо было проблему как-то решать. Это сейчас космонавт, крутящий педали тренажёра, — картинка естественная, а в те дремучие времена любой космический начальник над идеей закинуть в космос велосипед только бы рассмеялся — слишком уж дорогими каждый килограмм груза и каждый кубометр космической станции выходили. Однако ежемесячно менять экипажи выходило ещё дороже.

Как в науке водится, перед тем как проблему решить, надо её хорошенько изучить. А изучив, надо сделать модельный эксперимент. А если на модели появляется искомый результат — вот тогда вам и доказательства, и метод решения на блюдечке. Переход теории в практику, так сказать.

Кафедра авиационной и космической медицины за дело взялась споро — за пару месяцев был спроектирован хороший тренажёрный комплекс и отрегулирована диета — полагалось космонавтам много часов в день крутить педали да тянуть пружины, а вместо сахара жрать глюконат кальция. Вызвали тогда начальника кафедры в Звёздный и спросили, знает ли он, сколько его задумка народному хозяйству СССР стоить будет. Тот не знал, в чём искренне признался. Тогда и вышел приказ — малой кровью на земле длительную невесомость смоделировать, чтобы теоретические изыскания на практике по дешёвке подтвердить.

Ну, с велотренажёром просто оказалось, хоть тоже не без курьёза. Есть в спортивной медицине такой термин — «ПВЦ-170». Это когда человеческий организм на тренажёр сажают и заставляют педали крутить, чтоб сердце аж сто семьдесят ударов в минуту выколачивало, а сами время засекают — сколько до «больше не могу» испытуемый выдержит. Министерство медицинской промышленности хороший титановый «велосипед» сделало — полную копию того, что на ВДНХ в «Салюте-6» вверх тормашками висел. Позвали педальки покрутить на

этом велосипеде какого-то чемпиона СССР по велогонкам. Ну, тот пришёл утречком, на велик сёл, покрутил, быстренько вышел на сто Семьдесят ударов в минуту, а потом с таким сердечным ритмом так и сидел до конца рабочего дня. Затем слез, утёр пот и сказал, что договор с ним на пятьдесят рублей за пять часов. Вот он пять часов открутил, давайте мне полтинник, а крутить задаром он не хочет. Военно-медицинская братия от такого результата слегка опухла — из обычных курсантов никто больше пятнадцати минут ПВЦ-170 не выдерживал. Вот были спортсмены в советское время! И ведь без допингов. Когда настоящих лётчиков-космонавтов на тренажёр привозили, результаты не сильно курсантские превышали — такую пытку мало кто до получаса выносил. Пришлось требования к сердечной нагрузке значительно понизить, чтоб на три-пять часов ежедневной космической тренировки выйти...

А вот с полной моделью костно-мышечной гипотрофии оказалось сложнее. Не было на кафедре авиационной и космической медицины своих коек, а значит, и не было возможности положить людей, как подопытных кроликов, под многомесячный эксперимент. Зато такие койки были на пропедевтике. Так и ввязалась мирная кафедра в военный эксперимент.

Необходимо было отобрать нескольких молодых людей в абсолютном физическом здравии и уложить их полными инвалидами-паралитиками в течение многих месяцев на коечку. Руки и ноги фиксировались ремнями, а чтобы никаких тонических упражнений не делали (то есть чтобы мышцы не напрягали), в каждую палату полагались круглосуточные сиделки-надзиратели.

Кровати располагались так, чтоб всем был виден телевизор, плюс перед сном несколько часов отводилось на чтение художественной литературы. Читала сиделка, а все слушали. И письма тоже сиделка писала под диктовку. Оправлялись в утку. Душ и ванну заменяли обтирания мокрыми полотенцами. Кровати были специальные, с открывающейся под задницей дыркой, чтоб даже во время необходимых физиологических актов никакой нагрузки на мышцы спины не выходило. Да и сам уровень кроватей был необычный — не строго горизонтальные, а двадцать шесть градусов наклона вниз в сторону головы, чтобы давление крови было точно как в невесомости. Ну а от сползания на кровати человека удерживали опять те же фиксирующие ремни.

Лежи себе лениво и радуйся жизни на уровне одноклеточного организма, всех неприятных дел — только что периодически кровь на анализ брать будут, Больше никаких усилий и переживаний, даже взвешивание прямо на кроватях проводилось.

К назначенному сроку подготовили в клинике под эксперимент одно отделение, посадили на вход постового, взяли с персонала необходимые подписки о неразглашении, и дело осталось за малым — добровольцев найти. Это сейчас на «совок» гонят: мол, советская система была беспредельно антигуманной. Может, когда-то и была, но вот при Брежневе касательно экспериментов на людях было строго — или добровольно, или никак. С волонтерами поступили просто — поехали добрые полковники-пропедевты в войска Ленинградского гарнизона и предложили молодым солдатам год за два. Вы, мол, только призвались, дедовщина тут всякая, а нате-ка вам возможность — вполтину срок скостить да при этом ещё и денег прилично подзаработать. Если солдат от первого до последнего дня выдерживал, то предполагалось заплатить ему ни много ни мало, а пять тысяч рублей — цена новых «Жигулей» по тому времени. Но «контракт» сам по себе был вовсе не железным — в любой момент солдат мог заявить о том, что отказывается от дальнейшего участия в эксперименте. После этого надлежало подписать официальную бумагу и идти дослуживать в войска по полному сроку, денег же никаких не причиталось в случае подобного малодушия. Понятно, что столь жёсткие условия солдат-добровольцев весьма стимулировали.

Сорок коечек было в отделении. В назначенный срок туда легло сорок солдат. Первый солдат подписал отказ на следующий день — ушёл стирать «дедовские» портянки, несмотря на все увещевания и взывания докторов наук к здравому смыслу. Через неделю ушло ещё трое.

Через месяц осталась половина. Через три — семь человек. Через полгода — всего двое...

Лежат себе рядовые Виктор Малышев и Эльдар Сумамбаев, служат великому делу советской военной науки. Персонал на них не нарадуется — капризов никаких, с неподвижной жизнью полностью смирились. Виктор оптимист-говорун; все думали, что в числе первых уйдёт, а он смотри как, до конца долежал! А как анекдоты рассказывал — заслушаешься. Утренняя смена новую шутку принесёт, так тот её так переделает и так расскажет, что вечерняя смена со смеху аж ногами сучит. Эльдар же был полной противоположностью — не болтлив, замкнут, книг себе читать не просил, только иногда требовал поставить кассету в магнитофон с его любимыми азербайджанскими песнями. Иногда и сам пел — тягуче, громко, но красиво. Сиделкам нравилось, и пение не запрещали, хоть и не понимали ни слова.

На девятом месяце эксперименту конец — все биохимические изменения и электрофизиологические отклонения выяснены. Однако солдатам конкретную дату окончания опыта до последнего не сообщали, ориентировали их на год. За день до окончания опыта к ним пришли генералы да полковники от медицинской службы, пожали руки героям и вручили сберкнижки с оговорённой суммой денег. Эльдар отнёсся к этому делу философски — конец мучениям завтра в двенадцать дня, вот завтра и приходите после последнего забора крови. Типа я уж без малого год лежу, вставать мне страшно, надо бы мне помочь, а то совсем хилый стал. Ну, над такой точкой зрения военно-медицинские светила поухмылялись, но не стали отказывать любимчику. Хочешь ещё недельку на кровати понежиться — нет проблем, устроим.

Виктор же спать не мог, так ждал завтрашнего полудня. Отказался от снотворных на ночь — у солдат давно уже сон нарушился, без снотворных они спать не могли, и это были единственные таблетки, которые им давать было разрешено. Всю ночь проболтал, мечтая вслух, как вернётся он домой, как встретится с мамой, а потом пойдёт к своей любимой девушке. А потом как на вырученные деньги он накупит леса и кирпича, развернёт стройку и построит хороший новый дом для будущей семейной жизни. А потом... Короче не было конца его мыслям вслух.

Ровно в полдень пришла к оптимисту вся свита. Без пяти минут двенадцать сестричка венку кольнула, взяла последнюю пробирку кровушки на анализ. Отстегнули ремни, и вот уж секундная стрелка подбегает к вертикально стоящей минутной. Свершился долгожданный миг! Рядовой Малышев с радостным криком под общие аплодисменты вскакивает на пол с осточертело, кровати.

Вскакивает, и тут же радостный крик переходит в ужасный вопль. Солдат падает и через момент теряет сознание.

Лежит на полу бледный, ноги неестественно выгнуты. Подхватили его офицеры медицинской службы, и тут же стала ясна причина его падения. Нет, не предполагаемый ортостатический коллапс (это когда от долгого лежания при быстром вставании кровь от мозга отливает). Все оказалось куда хуже — обоюдный двусторонний перелом шеек бедра!

Самые крупные кости от не подвижности соли настолько хрупкими, что не выдержали массы человеческого тела. Начались реанимационные мероприятия и моментальный перевод в клинику травматологии. «Нормальный» перелом бедренных костей может человека на полгода в кровать уложить, а вот перелом костей, где кальция всего ничего осталось...

Почти год на выздоровление рядовому Малышеву потребовался — опять пришлось ему на коечке полежать, только ещё больший срок. Вроде и срослось плохо, вышел парень с инвалидностью. Уж как он потом свой дом строил, я, право, не знаю...

А с Эльдаром всё получилось как надо. Его уж сам персонал от поспешных движений удерживал. Вначале переложили на обычную горизонтальную кровать. Потом позволили

поджать ножки. Потом сесть. Сидеть он несколько дней не мог — терял сознание от того самого ортостатического коллапса. Наконец гладко-мышечная мускулатура кровеносных сосудов натренировалась, и парню разрешили вставать. Две санитарочки подхватывали его под бока и тащили вокруг кровати, где тот делал пять «облегчённых» шажков. А потом его опять клали на кроватку, но уже не лениво — давали ему жгут, который солдат брал в руки и пропускал под согнутую ногу, а затем эту ногу разгибал.

Получалась одновременная тренировка мышц рук и ног. Затем к нему в палату притащили вышеупомянутый космический велосипед, а в диету добавили калорий. Назначили лошадиные дозы витаминов и кальция в уколах. А через месяц видел я рядового Сумамбаева бегающего трусцой по парку 49-го Городка.

Вот вам и гиподинамия...

Heavy metal

Тяжёлых последствий от тяжёлого металла хватает. Я не о рок-музыке. Это будет случай о питии.

Как вы знаете, у всех, кто носит погоны, принято обмывать каждую новую звёздочку, которую туда прикручивают при присвоении очередного воинского звания. Медики обмывали свои звёздочки весьма прозаично — нальют в мензурку разведённого спирта, кинут туда знак отличия, а потом спирт выпьют. Правда, были уникамы, что спирт не разводили. Тогда его надо было махом глотать, а это опасно — можно ненароком и новенькую регалию в пищевод отправить. Хорошо младшим офицерам — у них звёздочки мелкие, а если майор и выше?

Но у артиллеристов дело обстояло совершенно по-другому. У них был свой ритуал! Касался он далеко не всех: надо было умудриться получить очередное звание в стенах Артиллерийской академии, да ещё не просто так, а в период практических занятий. Тогда учебная группа артиллеристов сбрасывалась на несколько бутылок коньяку, чтобы отметить присвоение чина своему товарищу. Вся группа пила коньяк просто и без затей — из стаканов. А вот «имениннику» доставалось...

Старший группы заливал полстакана коньяка в ствол только что отстрелявшейся пушки, а потом сливал чёрно-серую, пахнущую гарью и порохом, мутную жидкость обратно в стакан. Туда бросали звёздочку, а потом под дружное ободрение давали до дна выпить «счастливчику».

Обычно дело ограничивалось лёгким поносом. Правда, иногда организм отказывался принимать отдающую металлом и очень горькую гадость, и тогда «новопроизведённый» просто блевал. Но даже в этом случае офицер считался «порохом прожжённым», настоящим артиллеристом.

В этот раз стреляли где-то далеко, километрах в ста от города. Новоиспечённый майор Лобанов решил от традиций не отступать — коньяк на всю группу закупили заблаговременно. А тут ещё и второй повод появился — группа отстрелялась на отлично. В город отъезжать только завтра, можно и ритуал соблюсти, и выспаться. Эй, старший! Товарищ подполковник, давай выполняй обязанности — заливай пушку, крести майора! Ополоскав звёздочки, майор, морщась, проглотил «пушечный коньяк». Скрутило желудок, от отвратительного вкуса во рту тут же потянуло на рвоту. Сослуживцы, смеясь, протянули шоколадку, а потом поднесли вторую, уже нормальную чарочку. Отлегло, похорошело. Майор принимает поздравления.

День закончен, товарищи офицеры идут на ужин, а потом возвращаются в палатку допивать припрятанное. К ночи всё опорожнили. Посидели немного, потренировались на гитаре, повспоминали прежнюю службу и курсантскую молодость, пора и спать ложиться.

И тут майору Лобанову становится плохо.

Народ диву даётся — вроде выпито не так уж и много, чтоб такого взрослого мужика развезло. Но совет народный прост — иди в кусты, два пальца в рот, п всех делов. Майор поднимается и тут же падает. Пытаются его отнести в палатку и тут замечают, что майор совершенно ни на что не реагирует. Он не пьян, он без сознания!

Все во хмельку, поэтому особенно светиться никому не охота. Может, сам отойдёт? Майора хлещут по щекам, в лицо плеснули холодной воды. Похоже, что сам не отойдёт — у Лобанова начались судороги, изо рта пошла пена. Эх, какой вечер испорчен! Хочешь не хочешь, а надо звонить врачу учебного полка. Если вызвать городскую «скорую», то когда ещё она в эту глухомань приедет...

Прибыл военврач. От майора запах алкогольный, поэтому первый вопрос: «Сколько выпил?» Сказали не то чтобы честно, а ещё от греха подальше раза в два приуменьшив. Да от такого не то что не упадёшь, а даже не зашатаешься! А про обмывание звёздочек коньяком с пушечного ствола вообще молчок. Тут майора опять судороги бить начали. Врач опрос прекратил, что-то делать надо. Быстро отвёз его в полковой пункт, где вколол ему все противосудорожные препараты, что только были. Судороги стали слабеть, а вот и вовсе исчезли. Меряет доктор давление, щупает пульс — всё в норме! А сознания нет. Кричит в самое ухо, щекочет рёбра, щиплет в самых болячих местах, трёт грудину, что есть силы сдавливает пальцы, колет иголкой — никакого ответа, неврологическая активность на нуле!

Вот и дыхание мельчает и становится реже и реже...

«Срочно неси КИ-4!» — орёт врач фельдшеру. Тот прибегает с небольшим кислородным аппаратом для реанимации в полевых условиях. Маску на нос и бегом в машину — едем в клинику военно-полевой терапии, начмед Артиллерийской академии с соседями уже созвонился.

Привезли Лобанова в клинику. Сразу заинтубировали — засунули в трахею трубку, к которой подключается аппарат искусственной вентиляции лёгких. Дежурные терапевты на такого больного глянули и решили — не в ту клинику привезли. Похоже, у него кровоизлияние в мозг. Но прежде чем отфутболить майора в нейрохирургию (а это снимать с аппарата и капельниц, вызывать спецтранспорт со спецбригадой — ой какая морока), надо точно в правильности диагноза убедиться. А вдруг это менингит?

Сделали люмбальную пункцию — взяли на анализ немного спинномозговой жидкости. Кстати, бытует в народе мнение, что от пункции может парализовать якобы из-за того, что в спинной мозг укололи. Глупости. Парализует, скорее всего, по той же причине, для диагностики которой пункцию и делали. А в спинной мозг уколоть таким образом просто невозможно — он гораздо выше заканчивается. Наши мозги окружает всего около ста пятидесяти миллилитров светло-жёлтого ликвора. Если инсульт, то там может быть кровь, если инфекция — то гной, тогда ликвор мутный. У майора Лобанова ликвор оказался абсолютно нормальным, первоначальные подозрения отпали.

Взяли кровь на экспресс-анализ. И зацепиться не за что. Уровень алкоголя в крови и вправду незначительный. Ни алкалоидов, ни барбитуратов, ни наркотиков. Тесты на цианиды, фосфоротравляющие соединения, свинец, мышьяк, сурьму, сулему — все отрицательные! Сутки проходят — изменений никаких. Прошли вторые сутки. Всё так же аппарат за майора Лобанова дышит, но динамика умеренно отрицательная — стали почки сдавать. На третьи сутки организм майора совсем перестал мочу выделять, начала развиваться уремия —

состояние, когда организм травится накопившимися продуктами белкового распада. Пришлось подключить аппарат искусственной почки и провести гемодиализ.

Что же это такое творится? Полевые терапевты вкупе с военными токсикологами все возможные варианты перебрали. А может, это финал бериллиоза, хронического отравления бериллием? Или острая интоксикация таллием? Такую экзотику на ВПТ не проверить, зато можно запросто её проверить у соседей — рядом с клиникой находится кафедра токсикологии, даже на улицу выходить не надо. В одной из лабораторий той кафедры делали парно-индуктивную плазма-эмиссионную спектрометрию. За длинным названием, описывающим физическую суть метода, спрятан принцип его работы — в специальных условиях взятый образец превращают в плазму. В плазме уже нет молекул, одни атомы. Самый простой пример плазмы — это пламя. Так вот его излучение можно разложить по спектрам и каждый спектр отдельно померить — каждый элемент излучает только свой характерный спектр. О структуре вещества этот метод ничего не говорит, а вот о нахождении там самых редких элементов в самых незначительных количествах указывает безошибочно.

В данном случае во всех биологических жидкостях нашли вольфрам. И не в каких-нибудь ультраследовых количествах, а в концентрациях, в две тысячи раз превышающих норму. Это в крови. В моче в десять раз ниже, но тоже впечатляет — в двести раз больше нормы!

Вольфрам — это самый жаропрочный из всех известных науке веществ. Например, из него делают спирали в лампочках накаливания... И покрывают изнутри стволы некоторых артиллерийских орудий.

Не знал майор Лобанов, что с медицинской точки зрения вольфрам — тяжёлый металл и отравления будут протекать схоже с отравлениями свинцом, мышьяком или ртутью. Знал бы — не пил эту гадость.

Артиллеристы до него пили из старых пушек, где ствол — чистая сталь. Там смывается только сажа от сгоревшего пороха да относительно безобидные окислы железа, типа ржавчины. Стволы же новых орудий какой только гадостью не покрывают!

Недельки через две почечные функции восстановились. Ещё раньше майор Лобанов пришёл в сознание и рассказал о дурацкой традиции. Здоровье его быстро улучшалось, и через месяц он выписался доучиваться в своей Артиллерийской академии.

Майор выздоровел, а вот традиция умерла.

Цветы для патологоанатома

...Какая самая «цветочная» специализация в медицине? Наверное, акушерство-гинекология. Как приедет счастливый папа забирать пополнение семейства, так обязательно со здоровой охапкой цветов. Ну и хирургов, особенно не общих, а всяких редких, вроде кардиологов или пластиков, тех тоже флорой осыпают. Да и другие узкие специалисты, особенно оперирующие, без подобных знаков внимания не остаются.

Хотя почему «узкие»? Любым хорошим врачам цветы дарят! Возьмём самую что ни есть прозу жизни — добросовестного участкового педиатра. Каждый день букет!

Хотя насчёт «любых хороших» я, пожалуй, погорячился. Хорошим патологоанатомам и блестящим судмедэкспертам цветов не дарят. Хотя хорошего букета или бутылки коньяка мы заслуживаем не меньше. Потому как частенько тоже жизни спасаем. Не тех, кто на нашем

столе, а тех, кто проходит в том же деле, что и наш клиент. Я имею в виду подозреваемых.

Вообще, судмедэксперт и патологоанатом — разные специалисты. Схожи в том, что оба работают с трупами. Патанатом — со свежими, судмедэксперт — с какими придётся. И цели работы схожи — установить причину и условия смерти. Только если интерес патанатома дальше биологии не распространяется, то судмедэксперт чуть любопытней — его социальное окружение тоже волнует. Вот и хочется рассказать о патанатомии в судмедэкспертизе. Патанатомии, жизнь людям спасающей.

Протокол вскрытия 1286

Труп по Делу 1286 принадлежал сравнительно молодому мужчине. На вид лет сорок, по паспорту вообще тридцать пять. Когда-то это был весьма преуспевающий человек с высшим образованием и, казалось бы, лучезарным будущим. Но после института парень женился на провинциалочке, которая, по словам его родителей, испортила сыну жизнь. Да и вообще, вышла за него эта особа не по любви, а исключительно из-за квартиры и будущего социального статуса. Совратила, с пути сбила, пустила под откос, а потом вообще убила! Физически. Стерва, гадина. Пользуясь беспомощным состоянием мужа, била его по голове до смерти. Да таких вообще расстреливать мало! Это не моё мнение, это родительское мнение, которое они следователю высказали. Моё мнение диаметрально противоположное. Бедная женщина, а собаке — собачья смерть.

Жена. Пришлось мне эту женщину осматривать. И детей её. Ну, с мужем понятно, его я рассмотрю основательней всех — не только снаружи, но и изнутри. Так вот, по экспертной оценке, женщина эта подвергалась бесчисленным издевательствам. Взять хотя бы сигаретные ожоги на коже Сама не курит.

Синяков на её теле — немерено. И все в разных стадиях. Помните советские деньги — жёлтые рубли. зелёные трёшки, синие пятёрки и красные червонцы? Синяк те же стадии проходит, только в обратном порядке — от червонца до рубля, всю денежно-цветовую гамму. Осмотрел я тело той женщины — точно банкнотами обклеено. Тяжело же ей пришлось в семейной жизни. Получалось, чуть ли не ежедневное избиение. Ну и характер повреждения некоторых зубов, шрамы щёк, старые и не очень переломы рёбер, что высветились на рентгене, говорили о серьёзности воспитательной работы со стороны мужа. Бил он её сильно. И часто.

Нужен вагинальный осмотр. Не удивляйтесь, мы ещё чуть-чуть гинекологи, правда, плохие — смотреть смотрим, но ничего не лечим. Так вот, видим надрывы и осаднения, и не только влагалища, но и ануса. Любящий муж регулярно насилует свою жену, вот как это называется. Да, тётя, похоже, жила ты в аду. Жила, а своего тирана не бросала. Садомазохистские пары, как ни странно, устойчивы. Таких чаще всего тюрьма или смерть разлучают.

Очередь за детьми. Мальчику — семь лет, девочке двенадцать. Первым смотрю мальчика. На запястьях рук небольшие потёртости и красные линии — похоже, ручки связывались. Нашёл старый перелом ребра и рубцы на ягодицах — папану и розга знакома. Смотрим попку. Тьфу, чёрт, верить неохота. Надрыв-трещина ануса. Рядом осаднение. Со смерти папочки часов пять уже прошло. Зову самую молодую и красивую медсестру. «Мальчик, а ты сегодня какал?» — «Нет». — «Хорошо. Тёте надо тебе попу ваткой на палочке помазать. Ты не будешь плакать? Ну не плачь, ты же большой мальчик... Ну вот и всё. Иди к тётеньке-милиционеру, она тебя отвезёт в комнату, где много игрушек. Сержант, берите мальчика и закройте дверь».

— Так, что там у пас? Так и думал — сперма.

Тогда сделайте смыл с папочкиного члена, поищем средам засохших сперматозоидов. слущенные эпителиальные) клетки прямой кишки и ануса.

Девочка. Ну, клочок волос выдран пара синяков. Опять же рубцы на ягодицах, признак порки. Тоже доставалось, хоть и меньше, чем братику. И на осмотре держалась молодцом, пока на кресло не повёл. Там истерика случилась. «Ну не плачь, дядя не больно посмотрит. Хочешь, тётю позову? Мне только посмотреть надо. Да нет, ты мне ничего не рассказывай. Ты дядю-следователя помнишь? Ты это всё ему расскажи. Мне не надо. Мне посмотреть надо. А потом я напишу рекомендацию для детского психиатра. Ты с ним поговоришь, он тебе поможет...»

— Так, сестра, пишите: каринкули маленькие старые, дефлорирована более двух лет назад, надрыв свода передней трети (старый), надрыв или надкус левой малой половой губы около месяца назад, свежее осаднение на правой большой половой губе, осаднения преддверия, кровоподтёк вокруг уретры двух-трёхдневный. Клитор набух, на уздечке мелкие кровоизлияния. Похоже, ущипнули... Давайте зеркало. Да куда такое! Маленькое давайте и подержите в тёплой воде — дитя от каждого прикосновения вздрагивает. Обязательно надо в протоколе отметить, что ребёнок двенадцати лет по признакам полового и биологического развития соответствует десятилетнему. При изнасилованиях несовершеннолетних биологический возраст на суде важнее паспортного. Иная и в четырнадцать лет при таких делах умудряется удовольствие получить, а иная в шестнадцать ещё дитя, и выливается такой половой акт в тяжёлую телесную и психическую травму...

Ну вот и тёпленькое маленькое зеркальце. Такое не страшное, введём во влагалище совсем не больно.

Ну что там? Не умеет ещё девочка подмываться. Сперма старая. Дня полтора-два. Похоже, папа своих деток пользовал по очереди. Так, мазок.

— Ну-ка свет поправьте. Надрыв свода влагалища над шейкой матки. Согласуется с осаднением преддверия влагалища. Всё. Девочка, ты молодец. Только мы тебя сейчас в больницу направим. У тебя там ранка. Болит внизу? Как привыкла? И слушать не хочу. Надо тебе там малюсенький шовчик наложить. Это другой дядя делает. Ну ладно, хочешь, чтобы тётя — попросим тётю. Сестричка — дайте ей пол-ампулы седуксена, успокойте девочку. Нет, нет, не колите. Как мне потом эту дырку в вене объяснять? С ложечки, пополам с валерьянкой. Не хочу адвокатам повод давать — они из-за мелочи судьям голову заморочить могут. И отвода заключения медэкспертизы не хочу...

Хочу кучу смягчающих для её мамы. Точнее, хочу оправдательного приговора, но это из области сказок. Всё-таки убийство, пусть даже вынужденное... И свекровь всё видела. Хочешь не хочешь, а получается превышение допустимой самообороны.

Хозяин. Номер 1286 собственной персоной.

— Прозектор, ты чего мылишься раньше времени?

Прозектор — это помощник судмедэксперта, типа как ассистент у хирурга. Но ассистирует он по-другому. Самую тяжёлую работу вместо доктора делает. Хороший прозектор редок. Сам кожу разрежет, подсечёт грудную клетку по рёберным хрящам. Длинный секционный стилет сунет изнутри в горло, проведёт вокруг языка, по пути чиркнув вокруг диафрагмы и заднего прохода... Доктор, добро пожаловать! Весь органокомплекс от языка до ануса распластан перед вами на специальном столике рядом с «освежёванным» трупом. Ковыряйтесь на здоровье, изучайте в комфортных условиях. А как только доктор что надо по- чикает, прозектор все внутренности обратно в тело засунет. Уже как попало — ну, сердце на место

мочевого пузыря — какая разница, все равно зашьём, не видно.

Так вот, сейчас я внешний осмотр сделаю и позову Серёжу. Серёжа у нас лучший прозектор. Минутку рядом побуду, чтоб соотношение нетронутых органов в полостях посмотреть, а потом пойду чай пить. Через десять минут вернусь на всё готовое. Буду требуху терзать по кусочку, уже долго и внимательно.

Осмотр кожных покровов. Один синяк на левой скуле. И ещё один на «кумполье» — на макушке головы. Со слов якобы всё видевшей свекрови жена била мужа чугунной сковородкой. От чего он и умер. Под бой правой руки очень подходит. Значит, в черепе как пить дать трещина. Ладно, это после чаепития. Что ещё интересного? О, дырочки! На венках. Венки орубцованы и склерозированы. Так мы ещё и наркотой баловались! Дырок относительно мало, а сосуды сожжены сильно. Похоже, не героиновый мальчик. Эфедрольно-«винтовые» венки. Похоже, нам возбуждающие препараты нравились. Понятно, откуда агрессия при абстиненции. Опиатный нарк обычно тихий. Что ещё на коже? Да ничего. Вот самый свежий след последнего укола. Кровь на амфетамины надо взять.

— Серёжа, потроши, я отойду на десять минут. Да, скальп на морду натяни, но череп не тронь. Там причина. Оставь пилу — сам вскрою.

Серёга несколько обиделся, вроде как не доверяю. Доверяю, но били-то по голове. Поэтому сам. Били бы ножом в сердце — вскрыл бы Серёга голову. Так, ну вот и разрежали — здоровый мочевой пузырь переполнен и сильно выступает из таза, обычное для наркоманов дело. Всё остальное выглядит нормально.

— Серёжа, вытягивай требуху, а я пошёл наверх. Свистнешь, если что интересное.

Любовь Николаевна рулет с яблоками испекла, а наша санитарка, баба Рита, притащила здоровую банку своего клубничного варенья. Чаёк сегодня что надо. Обещался на десять минут, а сижу все двадцать. А писанины ещё сколько... Ладно, милые женщины, спасибо за угощение, пора работать.

Так, мозги оставим напоследок. Сердце — вроде слегка великовато для этого тела. Четыреста пятьдесят граммулек. Полнокровное. Сосудики ничего... Вероятно, стало в диастолу. Кровь жидкая, фибролиз прошёл нормально. Так, что мы кушали? Макароны с рыбой. Дурацкое сочетание. В кишках ничего интересного. Почки-селезёнка... Да всё в норме. Печень чуть увеличена от ширева, но в принципе не больная. Похоже, дело в черепушке. Значит, придётся его жене сидеть. Жалко тётку. Всю жизнь от мужа промучилась, а теперь детей потеряет, квартиру потеряет, да и жизнь свободную потеряет. Нормальному человеку на зоне разве жизнь?

Ладно, чего сопли распустил. Твоё дело экспертизу проводить, а кто прав, кто виноват, это судья решает. Откуда у бедной женщины деньги на адвоката, если муж наркоман? Не будет, значит, ей хорошей защиты. А свёкор со свекровью уж за её квартирку посражаются...

А вот хрен вам!

Не будет по-вашему, будет по-честному. Синяки-то на голове четырёхдневные! Старые! Не могла его жена сегодня утром сковородкой бить. Значит, врала свекровь следователю. Сегодня утром мужчик со своим родным сыном половое удовлетворение получал. Это я знаю точно. Похоже, что его родная мать за этим занятием застукала. Стресс для мужчинки сильнейший, вот он мог и помереть. Эх, красиво сказка сказывается... Доказать это надо — причину смерти найти. Тем более что сердце его в порядке.

Так, с мягкими тканями головы покончено. Подрезаю скальп до лба и натягиваю его волосами вниз на рожу «клиента» — потом на место пришью, в гробу видно не будет. Беру маленькую

острую циркулярную электропилу. Вжик вокруг черепа, и через минуту ларчик открылся. Аккуратно осматриваю толстые и тонкие мозговые оболочки. Под «кумполом» всё нормально. И с самим «кумполом» всё в порядке — переломов или каких других повреждений нет. Хотя мозг излишне полнокровный. Вытаскиваем содержимое из ларчика, моем под краном, взвешиваем. Стоп! Вот оно! Арахноидальная мембрана, или паутинная оболочка основания мозга, вся напитана кровью. То же самое и в основании мозга. Вот наша смертушка! Хорошая смерть. Моя душа поёт.

А радостно мне, что мои нечёткие предположения подтвердились. Жена, точнее вдова, пойдёт домой свободным человеком. Уголовное дело закроется сегодня-завтра. Свёкор со свекровью пусть заткнутся — им ловить вообще нечего. СМЕРТЬ ЕСТЕСТВЕННАЯ!!! В основании мозга имеется так называемая базальная артерия. Употребление возбуждающих наркотиков типа кокаина или амфетаминов может резко повышать давление. Кровь распирает стенку сосуда. Тогда возникает аневризма — расширение на артерии. Просвет большой, а стеночка тонюсенькая. А где тонко, там и рвётся. Застукала мама сыночка на пикантном моменте — у того давление подскочило, аневризма разорвалась. Кровушка прорывается в мозг, в центры, где дыхание контролируется. Всё, стоп машина. Забыл, как дышать, и помер. Синяки тут ни при чём. Гражданка подозреваемая, вы свободны, дело закрыто за отсутствием состава преступления.

Протокол вскрытия 1447

По паспорту 1447 имел полных сорок девять лет, хотя выглядел на тридцать девять. Этаким крепыш-здоровяк. До получения звания 1447 у него было иное звание — полковник КГБ. А полковник в гёбухе равнялся генералу в армии — там народ покруче армейского был. Жену этого полковника я видел только мельком, один раз на фото (в деле) и один раз возле прозекуры.

Жена трупа номер 1447 была женой номер два, красавицей на двадцать один год моложе мужа, хотя и стервой, по определению первой жены. Вот этой красивой второй жене вменялось ни много ни мало доведение до самоубийства. По абсолютно секретным делам наш полковник КГБ провёл два дня в самолётах — летал на Дальний Восток и обратно. Его жена времени не теряла, и вроде как наш полковник её за этим делом застукал. Ну и так опечалился, что самоубился. Полковник КГБ самоубился из-за измены второй молодой жены? Я не верю. Из-за краха карьеры, из-за продажи секретов за кордон — да. Из-за женщины — нет. Но обстоятельства были против моего «не верю». И полагалась по тем обстоятельствам вторую жену посадить.

Полковник прилетел утром. Взял такси, приехал домой. Дома пробыл минут тридцать — сорок. Затем собрал чемоданчик с вещами, забрал свой дневник и сел в свою «Волгу». А через пятнадцать минут на скорости девяносто пять — сто километров в час эта «Волга» врезалась в стенку, где и врезаться было невозможно.

Машины только в кино взрываются. Как обычно, полковничья «Волга» не взорвалась. Приехали менты, отскребли полкана от стенки. Не пристегнулся мужик ремнём — вот и вылетел при ударе. Осмотрели салон.

Нашли дневник. Вот не положено сотрудникам спецслужб дневники вести, а они, гады, всё равно ведут. А в дневнике том одни обиды на вторую жену. Концовка примерно следующая: жизнь ты мою сделала совсем несносной, терпеть мне тебя сил нет, всё, прощай, уйду навсегда из твоей жизни. Ну очень уж записку самоубийцы напоминает. Правда, уйду из «твоей», а не «своей» жизни. Ну, может, такая авторская задумка была. Короче, довела тварь

хорошего человека до ручки. Доказательства налицо — пусть в зоне почудится, подумает, хорошо ли полковников таким образом убивать.

Я думал, что с 1447 всё быстро будет. Делов-то — описать разможнение черепа и моментальную смерть от травмы мозга, несовместимой с жизнью... Быстро не получилось. Получилось по-честному.

Варикоз у полковника был. И атеросклероз. Пока полковник в самолётах двое суток пролетал, от долгого сидения в варикозно расширенных венах ног образовались тромбы. Тут всё просто — застой кровотока. А вот правая коронарная артерия, которая сердце кровью питает, имела кучу атеросклеротических бляшек, заметно сузивших её просвет. Где-то в самолёте тромбик из ноги оторвался и попал в лёгкие. Закупорил небольшой сосудик, и кусочек лёгкого омертвел. Тромбик был маленький, и инфаркт лёгкого был маленький. Но достаточный, чтобы в выносящем сосуде другой тромб образовался. Так вот, в момент, когда он на своей «Волге» из дома ехал, тот новый тромбик из лёгкого отлетел и закупорил коронар. Сердце без кислорода перестаёт сокращаться — начинает бесполезно трепетать, фибриллировать. Кровь в мозги не идёт. Через секунду отключается сознание. Вот поэтому полковник и влетел в стенку — сознание потерял.

Да и стенка тут ни при Чём — 'формально он уже' был мёртв. В любых условиях с такой патологией всё равно бы биологическая смерть мозга наступила неотвратимо через пять минут.

Смерть от естественных причин — дело не подсудное, так как ни убийством, ни самоубийством не является. Может, вторая жена у полковника и была стерва, но стерва, в смерти мужа не виновная.

Протокол вскрытия 1593

Труп 1593 тоже был «крутой». Профессорский труп. Профессор был относительно молод и полон здоровья. В пятницу лекцию читал, всё нормально было, а в понедельник у нас на столе. Доброжелатели следователю наводку дали: жена отравила.

Профессор тот очень много по загранкам мотался. Учил студентов в дружественных странах Африки. Ну и денег в валюте у него было по советским понятиям немерено. Квартирка — как филиал Эрмитажа. А вот с женой жил плохо, последние годы были полны семейных скандалов. Но интеллигентных, без мордобоя. Муж не пил, не курил, по утрам бегал. Помирать не с чего. А жена его провизором в аптеке работала. Таскала домой то, что таскать не положено. Например, 'кристаллический кодеин. Такая штука здорово дыхание угнетает. Если много подсыпать, то каюк.

Следаки баночку с пальчиками нашли. В крови трупа тоже кодеина полно. Вообще-то, с трупными концентрациями ядов в крови есть определённая проблема — обратная тканевая реабсорбция, когда после смерти из тканей обратно в кровь идёт. С такими заключениями надо быть крайне осторожным — иной раз можно запросто ошибиться в смертельной дозе.

А супруга плачет и божится, что от кашля давала. Нет, с фармакологической точки зрения всё правильно — кодеин хорошо от кашля помогает. Только общая картинка получается плохая. Вроде как траванула мужа, а сама к маме на выходные. Типа это он сам так много принял, а я ни при чём.

Ладно, убийцам у нас наказание строгое. Сейчас посмотрим, как это вы, милая дамочка,

здесь ни при чём. Серёга, вскрывай! Ой, не понял...

Кровь свернулась. Кровушка жидкая должна быть. Непонятки. Такое при сильнейшей инфекции бывает. Сердце великовато. Лёгкие тоже. Отрезаем лёгкое и на весы. Должно быть граммов триста. А тут кило сто. Ничего себе. И второе такое же. Махровейшая двусторонняя пневмония. С такой не живут. И кодеин тут ни при чём. Так, ткани на микроскопию, микробы на посев, труп в холодильник. Подождём.

Пришёл результат с микробиологии — нет ничего. Воспаление тяжелейшее, а возбудителя не обнаружено! Так не бывает. Посмотрим, что в тканях. А в тканях пневмоцист. Об этой зверюге в то время мы только читали, а вот видеть не видели. Пневмоцист не зараза. Это сапрофит. Живёт в каждом из нас, вреда не делает. Чтоб вот так человека убить, надо этому человеку отключить всю иммунную систему. Тогда доселе безвредный пневмоцист лёгкие заживо сожрёт.

Стукнула одна догадочка. По тем временам уж больно экзотическая. СПИД называется. Хотя от СПИДа положено долго чахнуть, а не сгорать за два дня... Посмотрели профессорский задний проход. Анус гладкий, вылощенный. Похоже, профессор того... гомосексуалист. Точнее, бисексуал, раз женат был. А где он в Африке побывал? Да много где. И в Заире, и в Экваториальной Гвинее, и в Анголе. В начале 80-х, когда там как раз эпидемия СПИДа разгоралась.

У нас-то и в конце 80-х СПИД ещё был экзотикой. Этот труп точно попал в десятку первых ленинградских спидовых смертей. Послали кровь на анализы в разные учреждения. Даже в Лондон послали. Везде ответ положительный — СПИД. Вероятнее всего, профессор его из Африки привёз, и давно. Значит, бывают при СПИДе пневмоцистные пневмонии моментального течения. А мы и не знали.

Так, а что с женой делать? Ну, что состава преступления нет, уже ясно. В самом худшем случае — дисциплинарное взыскание на работе по поводу найденных дома препаратов. То, что мужик начал кашлять и сам кодеин пил, тоже сомнений не вызывает. Не от кодеина он помер, а от острой лёгочной недостаточности...

Самый плохой вопрос для жены оставался, — она же должна за семь лет супружеской жизни от своего мужа-спидоносца ВИЧ подхватить. ВИЧ — это вирус иммунодефицита человека. То, что СПИД вызывает. Пять раз её кровь посылали на анализы и пять раз получали один и тот же ответ — ВИЧ-негативна. Нет вируса. Сейчас, когда СПИД да СПИД кругом, такие случаи удивления не вызывают. А вот тогда мы это посчитали чудом...

Эпилог (Цветы)

Цветов не было. Ни от одной благодарной женщины, чьи жизни (или судьбы) были спасены анатомами-судмедэкспертами. Ну и ладно!